

Связь воли и неволи: о письмах, посылках и свиданиях заключенных советских тюрем и лагерей

ПРАВО ПЕРЕПИСКИ

ПРАВО ПЕРЕПИСКИ

Связь воли и неволи:
о письмах, посылках и свиданиях
заключенных советских
тюрем и лагерей

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»
АРХИВ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

ПРАВО ПЕРЕПИСКИ

Связь воли и неволи:
о письмах, посылках и свиданиях
заключенных советских
тюрем и лагерей

Издание 2-е, дополненное

AGEY TOMESH

МОСКВА
2017

Издательская программа
Общества «Мемориал»

Редакционная коллегия

Александр Даниэль, Лариса Еремина,
Елена Жемкова, Татьяна Касаткина,
Никита Охотин, Ян Рачинский,
Арсений Рогинский (председатель)

Авторы-составители

Елена Жемкова, Алена Козлова,
Николай Михайлов, Ирина Островская

*Авторы главы «“Политзаключенному
можно и нужно посылать письма...”*

Лагерная переписка 1950–1980-х годов»
Александр Даниэль, Алексей Макаров

В работе над книгой принимали участие

Никита Ломакин, Ян Рачинский,
Арсений Рогинский, Светлана Фадеева

За помощь в работе над книгой благодарим

Юрия Аввакумова, Бориса Беленкина,
Валентина Гринчука, Галину Иорданскую,
Никиту Охотина, Петра Пастернака, Никиту
Петрова, Марину Родионову, Илью Саратовского,
Татьяну Сафронову, Михаила Шейнкера

Приносим благодарность Фонду им. Генриха Бёлля
и Дмитрию Борисовичу Зимину за постоянную
поддержку работы архива Общества «Мемориал»

Документы и фотографии, опубликованные
в книге без указания места хранения,
предоставлены архивом Общества «Мемориал»

© НИПЦ «Мемориал», 2017

© Архив Международного Мемориала, 2017

© Издательство Agey Tomesh, 2017

Содержание

- 6** *Ирина Щербакова*
О лагерной переписке
- 9** **История одного мифа**
- 10 Что такое «10 лет без права переписки»?
- 21** **Письма из следственной тюрьмы**
- 22 Удавалось ли арестованным сообщать о себе родственникам из следственных тюрем?
- 25 Как можно было узнать, где находятся арестованные?
- 31 Возможна ли была переписка подследственных между собой?
- 35** **Письма с этапов и пересылок**
- 36 Можно ли было писать письма с этапа?
- 42 Когда заключенный получал право сообщить о себе?
- 47** **Лагерные письма**
- 48 Какие правила переписки существовали в лагерях?
- 59 Как доставлялись письма в лагерь?
- 61 Как долго шли письма?
- 66 Чем, на чем и как писали?
- 71 Почему переписка могла прекратиться?
- 72 Возможна ли была переписка заключенных внутри лагеря?
- 77** **Обращения и жалобы**
- 78 Могли ли заключенные и их родственники обращаться в высшие инстанции?
- 86 Как заключенные отправляли обращения и жалобы из лагерей?
- 93 Какие меры принимались по обращениям заключенных?
- 99** **Лагерная цензура**
- 100 Как проверялась лагерная переписка?
- 102 Что искали цензоры в письмах?
- 106 Что еще входило в обязанности цензора?
- 111 Можно ли было обойти цензуру?
- 115** **Посылки**
- 116 Как часто заключенные могли получать посылки из дома?
- 120 Что посылали лагерникам их родные и близкие?
- 125 Какой был порядок отправления и получения посылок?
- 128 Всё ли присланное доставалось заключенному?
- 130 Можно ли было отправлять посылки из лагеря?
- 133** **Свидания**
- 134 Могли ли заключенные тюрем получать свидания с родственниками?
- 136 Возможны ли были свидания во время этапирования заключенных из тюрьмы в лагерь?
- 139 Какой был порядок получения свиданий в лагере?
- 143 Как проходили свидания в лагере?
- 153** **Судьба лагерной переписки**
- 154 Как заключенным удавалось сохранять полученные с воли письма?
- 156 Как сохранялись письма из лагеря?
- 159** **«Политзаключенному можно и нужно посылать письма...»
Лагерная переписка 1950–1980-х годов**
- 160 Что представляли собой политические лагеря и политические заключенные постсталинской эпохи?
- 162 Как и за что люди попадали в политлагерь после смерти Сталина?
- 165 Как регламентировалась переписка политзаключенных в 1950–1980-е годы?
- 168 Что изменилось в переписке заключенных с волей в 1966–1974 годах?
- 180 Что представляла собой цензура переписки?
- 187 Зачем политзаключенные подавали заявления, жалобы и обращения в официальные инстанции?
- 189 Как обходили цензуру?
- 201 Как велась переписка политзаключенных, помещенных в специальные психиатрические больницы?
- 205** **Биографические справки**
- 231** **Алфавитный указатель мест заключения**
- 238** **Список сокращений**

О лагерной переписке

Те, кто читал литературу о ГУЛАГе, книги Шаламова, Солженицына или лагерные мемуары, несомненно помнят эпизоды, связанные с перепиской. Например, Иван Денисович получает письмо от жены, рассказывающее о трудной жизни в послевоенной деревне. Или в «Крутом маршруте» Евгении Гинзбург описывается драматическая сцена, когда перед отправкой из ярославской тюрьмы на Колыму у женщин-заключенных отбирают письма и фотографии близких, сваливая их в общую кучу на тюремном дворе.

Художественные и мемуарные тексты о ГУЛАГе полны историй и сюжетов, в которых особую роль играют письма. Оказавшись в лагерном мире, человек попадал в полную физическую зависимость от каторжного труда, от холода, голода, становился объектом прямого насилия. Но власть использовала и другие методы давления на заключенных. Одним из самых действенных был режим переписки.

Сегодняшнему читателю, свободному человеку, каждую минуту находящемуся на связи с внешним миром, трудно представить себе, что значило для осужденного не иметь возможности после долгих месяцев следствия известить о своей судьбе близких. Что пришлось пережить женщинам, которые находились в режиме строгой изоляции в так называемом АЛЖИРе (Акмолинском лагере жен изменников родины) и, лишенные права переписки, почти два года ничего не могли узнать о судьбе своих мужей, а главное – детей. Мы поражаемся тому, как заключенные, не имевшие ни бумаги, ни карандашей, ни конвертов, умудрялись писать на коробках из-под папирос, на обрывках газет, выцарапывать буквы на бересте, вышивать рыбьей костью на клочках ткани. Они засовывали крошечные записки в пуговицы или в одежные швы, выбрасывали весточки из щелей вагонов.

Чтобы рассказать о лагерной переписке, надо было узнать, как работал «почтовый» сегмент лагерной системы. Вначале авторы этой книги обратились к официальным архивам ГУЛАГа, к распоряжениям и отчетам лагерного начальства. Но очень скоро стало

очевидно, что ведомственных приказов, циркуляров и «актов проверок» для понимания того, как дело обстояло в реальности, явно недостаточно. Выяснилось, что об очень многом, едва ли не главным, можно получить представление только из самих писем заключенных.

Читая мемуарные тексты, а также лагерные письма, годами собиравшиеся в архиве общества «Мемориал», мы открываем для себя части огромной мозаики внутренней жизни ГУЛАГа и постоянно сталкиваемся с тем, насколько трудно найти ответы на простые, казалось бы, вопросы. Вот лишь несколько самых очевидных: как, когда и кому разрешалось отправлять и получать письма и посылки? На чем писали и чем писали? Как работала цензура, что можно было сообщать в письмах, а что нельзя? Какие иные способы существовали для передачи весточек из тюрем и лагерей?

Поиски ответов на эти и многие другие вопросы, связанные с внутренним устройством лагерной жизни, очень существенны. Потому что, как ни расширились за прошедшие двадцать лет наши знания о ГУЛАГе, – о численности заключенных, об организации и условиях их труда, о «культурной» жизни в лагере – важные подробности бытования человека в том замкнутом мире мы до сих пор представляем себе очень плохо.

Многое сегодня известно о внешней стороне устройства лагерей – о политических, административных и производственных решениях, которые закладывали и структурировали систему в целом. Историки, опираясь на материалы государственных архивов, изучают ГУЛАГ, прежде всего анализируя официальные документы. Но сведения такого рода, как правило, существуют отдельно от индивидуального опыта.

Сегодня мы отчетливо видим необходимость кропотливой работы по исследованию гулаговского микрокосма. Лагерная переписка – одна из многих его составляющих; не менее важно знать, во что одевались, как питались заключенные, как были устрое-

ны бараки, как функционировала внутрिलाгерная иерархия, как складывались отношения между социальными и этническими группами и многое другое.

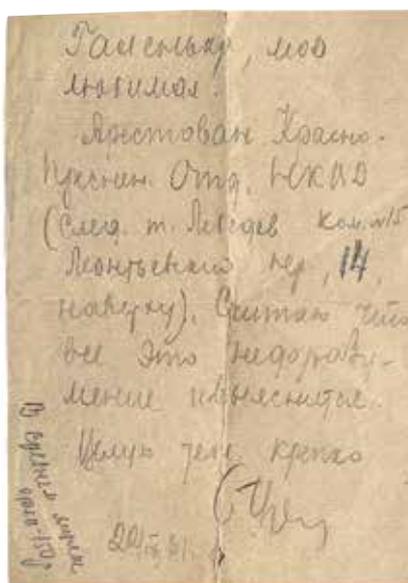
Конечно, сама по себе задача нелегкая; затрудняется она еще и тем, что гулаговская система существовала долго, менялись правила и распоряжения, они зависели и от времени, и от типа лагеря, где находился заключенный, и от конкретного лагерного начальства. Но эти усилия необходимы, чтобы можно было наконец прочесть контурную карту гулаговского мира, на которой закрашены пока лишь отдельные сегменты. Без уничтожения на ней белых пятен нельзя во всей полноте представить себе человека в лагерной системе, понять, из чего складывалась его жизнь, в том числе, как осуществлялась коммуникация его с внешним миром. Недопустимо, чтобы общая гулаговская карта была слепой, – это значит, что опыт сотен тысяч, даже миллионов людей остается неосмысленным. В пробуждении сознательного, сочувственного отношения к нему и состоит, как нам кажется, ценность подобных исследований. Ведь наша память была особого рода: миллионы людей являлись носителями трагического опыта, но до сих пор он не осознан, не стал частью культурной и социальной памяти о человеке, прошедшем ГУЛАГ.

Рассказывая о лагерной переписке, мы сумели очертить лишь абрис названной темы, но и этого достаточно, чтобы показать, какие есть лакуны в нашем знании истории страны и сколько еще остается мало или совсем не изученных тем и сюжетов о жизни ГУЛАГа.

В основу книги легли письма, неопубликованные воспоминания и интервью, хранящиеся в архиве общества «Мемориал».

Ирина Щербакова

ИСТОРИЯ ОДНОГО МИФА

Записка Б. Н. Уранова,
написанная во время ареста

«Галенька, моя любимая!
Арестован Краснопреснен[ским] Отд[елом] НКВД
(след. т. Лебедев, ком. № 15, Леонтьевский пер., 14, наверху).
Считаю, что все это недоразумение и выяснится.
Целую тебя крепко.
В среднем ящике стола – 150 р.
22/IX-37»

Что такое «10 лет без права переписки»?

В Уголовном кодексе такой меры наказания не было, и такой приговор в действительности никогда не существовал. Эту формулировку придумали в НКВД, чтобы скрыть огромное число внесудебных приговоров к высшей мере наказания (ВМН) во время Большого террора (1937–1938). В эти годы свыше 670 тысяч человек были расстреляны по постановлениям троек при управлениях НКВД, решениям Комиссии наркома внутренних дел и прокурора СССР (Ежова и Вышинского) и по приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР. Постановления троек и решения комиссии выносились заочно – осужденный даже не имел возможности сказать что-либо в свою защиту. Но и «суд» Военной коллегии не был похож на суд: эта инстанция в те годы рассматривала дела в порядке закона от 1 декабря 1934 года¹, который предписывал:

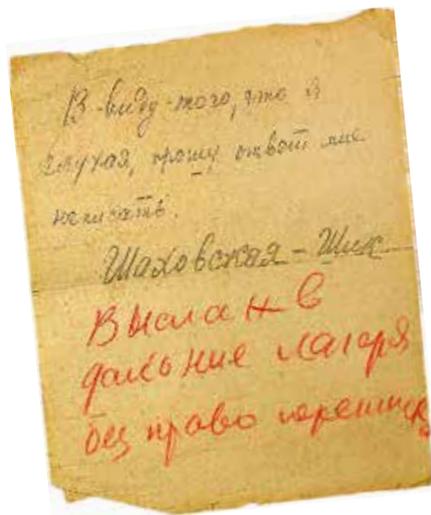
¹ ГАРФ. Ф. 3316.
Оп. 12. Д. 516. Л. 4.

1. Следствие заканчивать в срок не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

«Осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач» – так сотрудникам НКВД предписывалось отвечать на запросы родственников о судьбе человека, который на самом деле был уже расстрелян. Причем только устно – давать ответы в письменном виде запрещалось.

В архиве «Мемориала» есть редкий документ, где это требование было нарушено. История документа такова.

Чтобы получить хоть какую-то справку о судьбе арестованного мужа, Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик пришла в справочную НКВД на Кузнецком Мосту и подала записку, что она глухая и просит ответить ей письменно. На этой же бумажке сотрудник НКВД написал: «Выслан в дальние лагеря без право [так в документе] переписки».

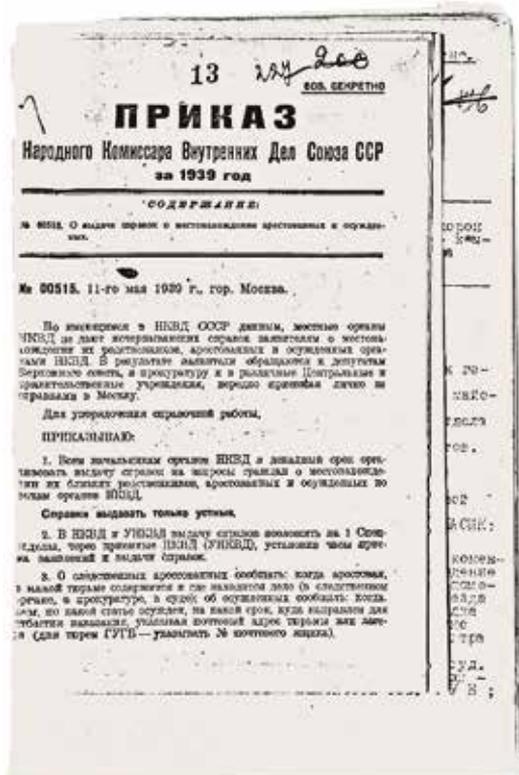
Записка Н. Д. Шаховской-Шик с ответом о судьбе арестованного мужа. 1937

Люди верили таким ответам.

«Десять лет мы ждали отца, – рассказывает Елизавета Давидовна Ривчун. – Потому что когда мама пошла узнать о его участи, ей сказали: “Ваш муж осужден на десять лет без права переписки”. А так как мы думали, что это правда, раз нам в таком солидном учреждении говорят, то мама его и ждала десять лет. Так одна и прожила всю свою жизнь».

А вот что вспоминает Валентина Александровна Тиханова, у которой были расстреляны отец и мать: «Я без конца ходила в справочную НКВД на Кузнецкий Мост, 24. Такое вот окошечко, крохотное, я подходила к нему, протягивала заявление. Он делал вид, что что-то ищет, и говорил мне: “Десять лет без права переписки. Десять лет без права переписки”. И мама, и отец. И всё. Я ходила туда много раз. Потом я пошла в прокуратуру. Там меня приняли уже в кабинете. Он открыл ящик, что-то полистал и сказал: “Десять лет без права переписки. Других сведений у нас нет”. Ну, вот и всё. И весь разговор. Это у меня было абсолютно как у всех. И я считала, что они где-то в лагере, но им не разрешают писать».

Отец 9-летней Марии Гиваргизовой был арестован в 1938 году. Она тоже приходила в справочную на Кузнецком. «Говорю: “Я хочу узнать: где мой папа?” И мне сказали: “Твой папа арестован и осужден на десять лет без права переписки. Он находится на Дальнем Востоке”. – “А где? В каком месте?” Но мне не ответили. Это всё, что я узнала».

Приказ НКВД СССР
о выдаче справок
о местонахождении
арестованных
и осужденных¹. 1939

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 33. Л. 135.

Родственники осужденных на 10 лет «без права переписки» продолжали искать своих близких, не зная, что их поиски были заведомо обречены. Вот типичное письмо. Учительница В. И. Кургузова просит руководство страны помочь ей в поисках мужа – арестованного в 1934 году руководителя метеослужбы СССР А. Ф. Вангенгейма: «С 1937 года я ничего о нем не знаю, несмотря на все мои запросы. 28 июня 1939 г. мне ответили, что Вангенгейм А. Ф. жив, работает. В 1937 г. дело его пересмотрено ОСО Ленинградской обл. и снова ему дали 10 лет, не считая прежнего срока отбытия. Из Соловков он переведен в дальние лагеря, лишен права переписки. Я считаю, что он является жертвой со стороны врагов народа. Я убеждена, что высылка моего мужа есть результат недостаточно проверенных материалов...» Ответа нет. В 1940 году В. И. Кургузова пишет в очередной раз: «...С 1937 года я ничего о нем не знаю. <...> Прошу выяснить и сообщить мне, где он сейчас находится. Мои обращения в НКВД никаких результатов не дали». Не ответили

и на этот раз, как не отвечали раньше. В 1946 году она задала только один вопрос: «Жив он или нет?» И снова молчание. Никто не написал ей, что ее муж был расстрелян еще в 1937 году.

Близкие приговоренного считали каждый год и верили, что через десять лет он вернется домой.

В середине 40-х годов сроки первых осужденных на «десять лет без права переписки» стали подходить к концу. Родственники надеялись на объявленную в связи с победой в войне амнистию, но и после нее никто из «дальних лагерей» не возвращался. И тогда во властные структуры посыпались запросы о судьбе репрессированных. В приемных НКВД, в письмах Сталину, Калинин, депутатам Верховного Совета люди спрашивали: где наш отец, муж, сын, брат? Многие не только писали, но и сами приезжали в Москву, требовали ответа. Уже в сентябре 1945 года начальник 1-го спецотдела НКВД полковник Кузнецов докладывал народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берии:

Согласно существующему порядку, при выдаче справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания бывшими тройками НКВД–УНКВД, Военной коллегией Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года и в особом порядке, указывается, что эти лица осуждены к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества и для отбытия наказания отправлены в лагеря с особым режимом, с лишением права переписки и передач. В связи с истечением десятилетнего срока в приемные НКВД–УНКВД поступают многочисленные заявления граждан о выдаче справок о местонахождении их близких родственников, осужденных названным выше порядком. Докладывая об изложенном, полагал бы необходимым установить следующий порядок выдачи справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания: Впредь на запросы граждан о местонахождении их близких родственников... сообщать им устно, что их родственники, отбывая срок наказания, умерли в местах заключения НКВД СССР.

На записке Кузнецова – резолюция Берии, адресованная сразу трем высшим чинам НКВД–НКГБ: наркому госбезопасности

В. Н. Меркулову, его заместителю Б. З. Кобулову и заместителю наркома внутренних дел В. В. Чернышову:

Прошу Вас совместно рассмотреть эти предложения и дать свое заключение. Л. Берия

Предложение Кузнецова было рассмотрено и принято, о чем свидетельствует приводимый ниже документ.

Докладная записка В. Н. Меркулова, В. В. Чернышова, Б. З. Кобулова Народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берии

По существу предложения начальника I спец-отдела НКВД СССР полковника тов. КУЗНЕЦОВА о порядке выдачи справок членам семей лиц, осужденных к высшей мере наказания бывшими тройками НКВД, Военной коллегией Верховного суда СССР и в особом порядке, считаем целесообразным:

1. Впредь на запросы граждан о местонахождении их родственников, осужденных к ВМН в 1934–1938 годах бывшими тройками НКВД, Военной коллегией Верховного суда СССР и в особом порядке, сообщать им устно, что осужденные умерли в местах заключения.

2. Выдачу подобных справок производить I-м спец-отделам только с санкции в каждом отдельном случае народного комиссара внутренних дел союзной (автономной) республики, начальника УНКВД края (области) соответственно.

3. В отношении осужденных Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания в период Отечественной войны 1941–1945 годов давать устные справки через I-е спецотделы НКВД–УНКВД в прежнем порядке (осуждены к лишению свободы на 10 лет, с лишением права переписки и передач).

4. О выдаче сведений о смерти лиц, осужденных к ВМН, производить отметку в учетах НКВД–УНКВД и высылать соответствующие извещения в I-й спецотдел НКВД СССР для отражения в оперативно-справочной картотеке.

5. Одновременно с выдачей справок о смерти заключенных, указанных в п. I, объявлять их родственникам, что соответствующие свидетельства они могут получить в ОАГСе [отдел актов гражданского состояния].

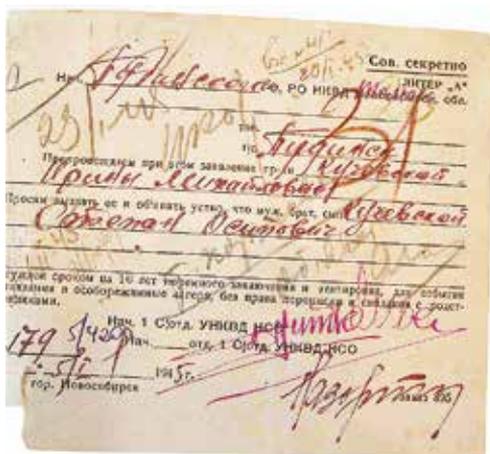
На докладной – резолюция:

Согласен. Л. Берия. 29.IX.45 г.

Итак, теперь, чтобы скрыть факт казни, родственникам расстрелянных в 1934–1938 годах стали говорить, что они умерли в лагере, отбывая 10-летний срок. В отношении же казненных в 1941–1945 годах действовала прежняя схема ответов на запросы родственников.

Сопроводительная записка к запросу о судьбе мужа. Районный отдел НКВД Новосибирской области, 1945

«Сов. секретно
Препровождаем при этом заявление гр-ки Кучевской Ирины Михайловны. Просим вызвать ее и объяснить устно, что муж, брат, сын Кучевской Степан Осипович осужден сроком на 10 лет тюремного заключения и этапирован для отбытия наказания в особорежимные лагеря, без права переписки и свидания с родственниками».

Из интервью Е. Д. Ривчун:

«Когда прошло десять лет, мама отправилась туда. И сказала, что вот мой муж был осужден по такой-то статье, вот прошел этот срок. Где мой муж? Ей сказали: “Напишите заявление – мы будем его искать”. Потом ей позвонили: приходите. Она пришла. Ей сказали: “Ваш муж умер”. А это уже был сорок седьмой год.

– А где он умер?

– У нас нет сведений.

– А от чего он умер?

– Мы не знаем. Можете идти и получить в ЗАГСе свидетельство о смерти.

У меня до сих пор хранится это липовое свидетельство».

Даты и причины смерти в таких свидетельствах просто придумывались. Чаще всего сообщали, что осужденный умер в годы

Выписка из акта о приведении
приговора в исполнение (1937)
и свидетельство о смерти
Ю. Г. Истомина (1954)

Свидетельства о смерти
Э. А. Томашевского, выданные
в 1959 и 1989 годах

войны (1941–1945) от «кровоизлияния в мозг» или «крупозного воспаления легких». Бывали и более изощренные формулировки. Например, в свидетельстве о смерти Сергея Степановича Ожаровского было указано, что он погиб во время бомбежки лагеря вражеской авиацией. Иногда же причину смерти даже не считали нужным придумывать.

После смерти Сталина появилась надежда, что можно будет получить сведения о тех, кто был осужден «без права переписки», или хотя бы отыщутся их следы. В адрес нового руководства страны обрушился новый вал писем.

Из заявления Л. Ф. Ткалун на имя Н. С. Хрущева 30 сентября 1954 года: «Мой муж Ткалун Петр Пахомович, по последней должности комендант Кремля, был арестован 8 января 1938 года и осужден сроком на 10 лет без права переписки. Проходят вторые десять лет, и я до сих пор ничего не знаю о нем. Обращалась несколько раз с запросами о нем, но ниоткуда не получала ответа. Последний раз я писала в Президиум Верховного Совета СССР на имя председателя Ворошилова К. Е. 29 июля 1954 года и 15 сентября была вызвана в Карагандинский МВД, где мне дали ответ: “Данных о Вашем муже не имеем...” Обращаюсь к Вам в надежде от Вас услышать правду – жив мой муж или нет. Ведь это же человек, а не булавка, которую можно потерять. Умоляю Вас не скрывать от меня правду, если его нет в живых»¹.

Но ничего не изменилось и после смерти Сталина. 18 августа 1955 года Президиум ЦК КПСС оставил в силе существующий порядок выдачи справок о судьбе осужденных. На основании этого решения тогдашний председатель КГБ СССР И. Серов спускает органам КГБ на местах развернутое Указание № 108сс от 24 августа 1955 года. В нем под грифом «Совершенно секретно» предписывается по-прежнему сообщать родственникам расстрелянных, что те были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли во время отбывания наказания.

Указания ЗАГСам о регистрации смерти осужденных даются органами КГБ через управления милиции. В них сообщаются: фамилия, имя, отчество, год рождения и дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня его ареста), причина смерти (приблизительная) и место жительства осужденного до ареста.

---

¹ «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи: Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / Сост. Н. С. Черушев. М.: Звенья, 2001. С. 258.

ПОЛАГАЛ БЫ: Зарегистрировать смерть осужденного, для чего сообщить в ЗАГС Куйбышевского района гор. Москвы о том, что Рачинский Сигизмунд Густавович, отбывая наказание в ИТЛ, умер 20 ноября 1941 г. от кровоизлияния в мозг...

Примечательно, что был даже типографским способом изготовлен специальный бланк, в котором вслед за сведениями о приговоре и дате расстрела указывалось, какие ложные сведения о дате и причине смерти следует сообщить родственникам. Эти же ложные данные направлялись в ЗАГС для регистрации.

Государственная ложь о расстрелянных преодолевалась медленно и трудно. Первый шаг был сделан только в 1963 году. С инициативой выступил тогдашний председатель КГБ СССР В. Е. Семичастный. Свои предложения он сформулировал в Записке в ЦК КПСС от 26 декабря 1962 года:

Представляется целесообразным впредь на запросы граждан о судьбе их родственников, осужденных в несудебном порядке к расстрелу, устно сообщать действительные обстоятельства смерти этих лиц, а регистрацию в загсах их смерти производить датой расстрела, без указания причины смерти. Данный порядок не будет распространяться на лиц, в отношении которых ответы давались в соответствии с ранее установленными и действующими в настоящее время порядками рассмотрения заявлений.

Что обращает на себя внимание в этом документе? Прежде всего, признание того, что люди все еще продолжают обращаться с вопросами о судьбе осужденных. А ведь со смерти Сталина прошло уже 10 лет и, казалось бы, с прошлым покончено навсегда. Но все эти годы Лубянка продолжала хранить свои расстрельные тайны. И вот лишь теперь (это, пожалуй, главное в записке) наконец-то стали говорить правду – но опять-таки только устно и только тем, кто впервые обращался с вопросами о судьбе репрессированных родственников. В свидетельствах о смерти, выдаваемых в ЗАГСах, хотя и стали указывать реальную дату смерти, но в строке «причина смерти» ставили прочерк.

Формулировка «10 лет без права переписки» была заменена прочерком в свидетельстве.

Тем же, кому уже сообщили вымышленные данные о смерти осужденного, и на повторные запросы продолжали отвечать так же, как и раньше. И еще одна категория людей по-прежнему не оповещалась об истинных обстоятельствах смерти их родных – это были иностранцы.

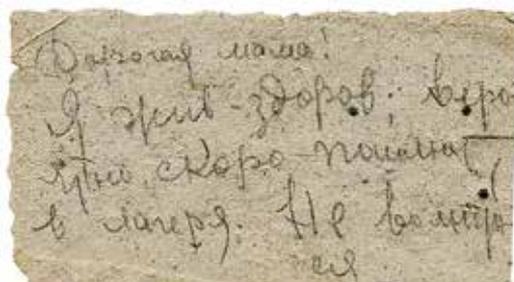
Такое положение вещей сохранялось еще 25 лет. Получив в эпоху хрущевской «оттепели» (1955–1964) официальный, заверенный всеми возможными печатями документ, многие родственники осужденных за новыми справками не обращались, так никогда и не узнав правды о смерти своих близких.

Эта ложь пережила Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, и лишь в годы перестройки Приказом по КГБ СССР от 30 сентября 1989 года (разумеется, по согласованию с «инстанцией», то есть с ЦК КПСС) было разрешено указывать в документах о смерти расстрелянных истинные даты и причины смерти.

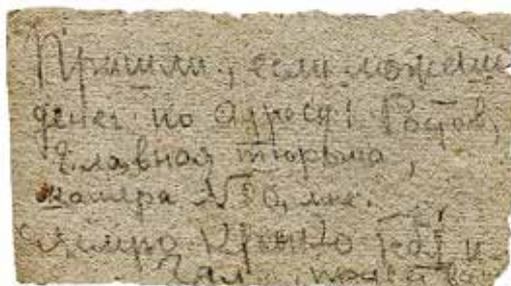
Только тогда стало наконец понятно, почему ни один из приговоренных к «десяти годам без права переписки» не подал о себе весточки.

ПИСЬМА ИЗ СЛЕДСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ

Дорогая мама!
Я жив-здоров; веро-
ятно скоро пошлют
в лагерь. Не волнуйся

Пришли, если можешь
денег по адресу: Ростов,
Главная тюрьма,
камера № 20, мне.
Целую крепко тебя и Галю,
привет всем!

Записка Владимира Муралова.
Март 1937

«Дорогая мама!

Я жив-здоров; вероятно, скоро пошлют в лагерь.

Не волнуйся. Пришли, если можешь, денег
по адресу: Ростов, Главная тюрьма, камера № 20, мне.

Целую крепко тебя и Галю, привет всем».

Удавалось ли арестованным сообщать о себе родственникам из следственных тюрем?

До окончания следствия любая переписка и свидания арестованных запрещались. В период Большого террора на этот счет издали специальный Приказ Народного комиссара внутренних дел СССР № 00112 от 15 марта 1937 года¹, в котором говорилось:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 14. Л. 37.

Главной задачей в тюрьмах для содержания подследственных и осужденных особо опасных преступников считать строжайшую изоляцию заключенных...

На волю не должно было поступать никакой информации о содержании в тюрьмах политических арестованных. Это делалось, чтобы соблюсти «тайну следствия», то есть скрыть, в чем обвиняется арестованный, какие показания есть против него, какие дает он сам. К тому же только так можно было сохранить в тайне применяемые к арестованным пытки и другие незаконные методы следствия, ложные, сочиненные следователями обвинения, бесчеловечные условия тюремного заключения.

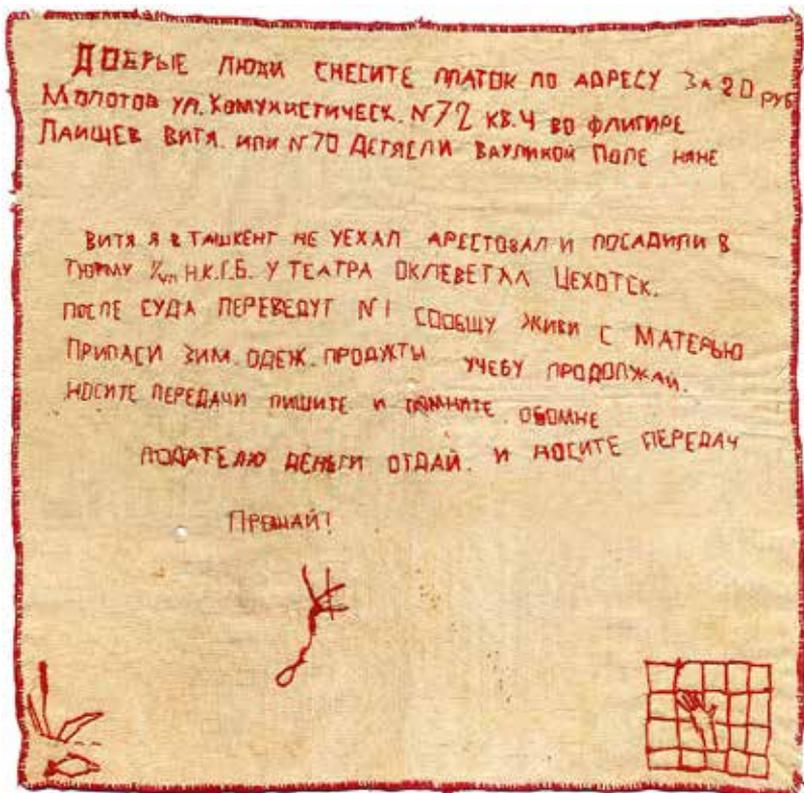
Следствие иногда длилось считанные недели, иногда больше года. Почти все дела в 1937–1938 годах незамедлительно рассматривались тройками, но бывало, что после завершения следствия заключенный проводил в тюрьме еще долгие месяцы в ожидании приезда Военной коллегии Верховного суда или присылки из Москвы «альбома» с решением двойки – комиссии, состоящей из наркома внутренних дел и прокурора СССР.

Итак, пресекалось любое общение с внешним миром. В камере заключенному разрешалось иметь только одежду, обувь, постельные принадлежности, зубной порошок, зубную щетку, расческу, мыло. Инструкцией предписывалась ежедневная проверка камер и личных вещей, в любое время мог быть проведен личный обыск.

За обнаруженный при обыске карандаш заключенным грозил карцер, однако они все равно умудрялись спрятать хотя бы карандашный грифель, использовали любые «пишущие» предметы. Политические подследственные шли на всевозможные ухищрения: чернилами могла служить кровь из порезанного пальца, вместо карандаша писали обгорелыми спичками, зубцами расчесок,

вышивали послания на куске материи извлеченной из баланды рыбьей костью, используя ее как иголку.

Из воспоминаний В. В. Лаищева: «Сидя в КПЗ, отец искал любые способы сообщить мне о том, где находится. Письма-то писать не разрешали. И вот придумал: взял белую тряпицу, как-то раздобыл иголку и красные нитки и вышил такое письмо: “Добрые люди снесите платок по адресу за 20 руб. Молотов ул. Коммунистическ. дом № 72 кв. 4 во флигеле. Лаищев Витя или № 70 детская Ваулиной Поле няне. Витя, я в Ташкент не уехал, арестовали посадили в тюрьму 1 / VII Н. К. Г. Б. у театра. Оклеветал Цехотск[ий]. После суда переведут [в тюрьму] № 1. Сообщи. Живи с матерью. Припаси зим. одеж. продукты. Учебу продолжай. Носите передачи пишите и помните обо мне. Подателю деньги отдай. И носите передач[и]. Прощай!”

Вышитое письмо В. И. Лаищева сыну. Молотовская (Пермская) тюрьма, 1945

Большинства знаков препинания отец не вышил, скорее всего, из-за экономии времени и ниток. К сожалению, письмо до меня не дошло. В камеру к отцу поместили так называемую подсадную утку – провокатора. Тот сказал, что скоро выйдет на волю. Отец доверился ему, дал платок, просил передать мне. Но провокатор отдал его следователю, а тот приобщи к делу как вещественное доказательство»¹. Платок был подшит в следственное дело, где и хранится до сих пор [ПермГАНИ. Ф. 641-1. Оп. 1. Д. 17012. Л. 302].

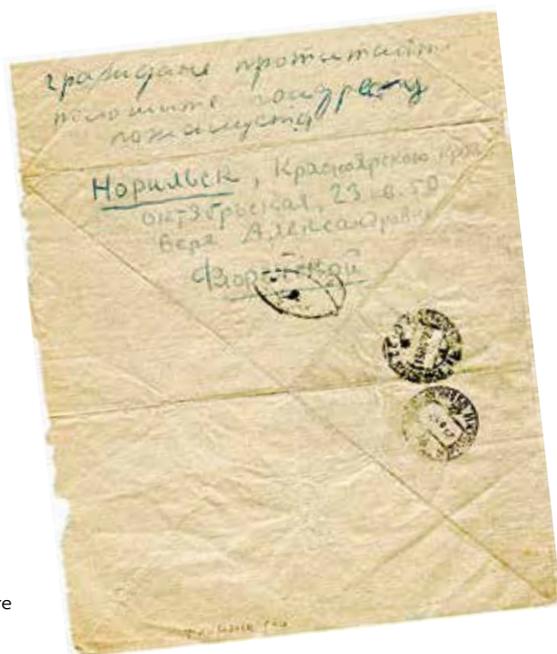
¹ Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Часть 6, том 2. Пермь: ООО Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2010. С. 220–239.

Василий Иванович Лаищев, геодезист-топограф, был приговорен Молотовским областным судом к 10 годам ИТЛ; письмо «дошло» до адресата почти полвека спустя, при ознакомлении сына с делом отца.

А вот что вспоминал арестованный в 1938 году военный инженер М. А. Панич, проведенный в Симферопольской тюрьме долгих 8 месяцев. Чтобы подать о себе весточку жене, писал он, «я изготовил чернила из остатков обгоревших спичек. Этот порошок перемешивался с сиропом, изготовленным из сахара с водой. Чернила оказались очень хорошие, несмываемые, как черная тушь. Ими можно было писать на белой тряпке. Пером служила отточенная острым ногтем пальца спичка. <...> Я написал и передал это письмо на волю через [освобожденного] сокамерника, которому подшил его под подкладку пиджака».

Мало было написать письмо. Надо было еще исхитриться передать написанное на волю.

Из воспоминаний инженера-металлурга Ф. И. Витенза о Ростовской тюрьме 1938 года: «Общественный туалет располагался в торце здания тюрьмы, куда нас водили не по нужде, а по команде. В конце коридора через открытое зарешеченное окно был виден кирпичный забор нашей тюрьмы. Забор был недалеко. Если наловчиться, то с нашего второго этажа можно было перебросить через этот забор что-нибудь, ну, скажем, письмо, внутри которого был заложен подобранный на прогулке камешек. Эта идея запускать “голубей” быстро захватила всех. При очередном походе в туалет самый ловкий шел впереди всех, а остальные занимались тем, что прикрывали ушлого и отвлекали охранника. Иногда эта хитрость удавалась. Но чаще всего этот “голубь” ударялся об решетку окна и падал назад или не долетал до забора и падал на пустырь. А бывало и так, что благополучно улетевший за забор “голубь” подбирался прохожими и передавался обратно в тюрьму».

Нелегальное письмо
из Красноярской тюрьмы. 1949

«Граждане прочитайте положите
по адресу пожалуйста».

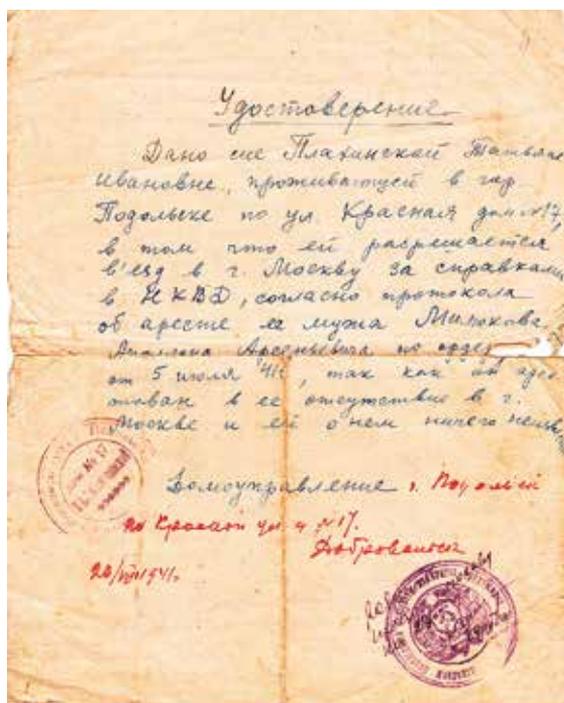
Как можно было узнать, где находятся арестованные?

Это было очень непросто. При аресте семье не сообщали, куда уводят их близкого, а во время следствия заключенный не имел возможности подать о себе вест. Поэтому поиски арестованного родственники начинали с обхода тюрем (в больших городах тюрем было несколько), чтобы попытаться передать деньги. Если деньги на имя заключенного принимали, значит, родственник находится здесь, в этой тюрьме.

Вот как вспоминала об этом И. А. ГАЙСТЕР, чьи родители были арестованы в 1937 году: «Отстоишь очередь к окошку [в приемной НКВД], тебе дадут заполнить анкету. Потом сдашь ее, и тебе скажут, когда прийти за ответом. Через час или на следующий день. Придешь, а тебе говорят: “У нас нет, следующий”. И больше ничего не скажут. Спрашивать бесполезно. Тогда начинаешь поход по московским тюрьмам: Лубянка, Лефортово, Матросская Тишина, Таганка, Бутырки, Красная Пресня. Если там нет, то возвращаешься на Лубянку – и по новому кругу. <...> О том, где сидит родственник,

узнавали по передаче. Если взяли передачу, значит, он сидит здесь. Но если не брали передачу, то это еще не значит, что его нет в этой тюрьме. Могли наказать и лишить права на передачу. Но тебе этого не говорили. Просто не брали передачу, ничего не объясняя. И тогда дожидайся целый месяц до следующей передачи. Почему месяц? А передачи принимались только один раз в месяц. В течение месяца дни приема были распределены по буквам алфавита. Сегодня буква «К» – значит, для тех, у кого фамилия на К. Завтра на букву «Л». А букв в алфавите почти столько, сколько дней в месяце. На некоторые дни приходилось и по две буквы»¹.

¹ Шихеева-Гайстер И. А. Дети врагов народа: Семейная хроника времен культа личности. М.: РазДваТри, 2012. С. 51.

Пропуск на въезд в Москву для поиска арестованного мужа. 26.08.1941

«Удостоверение

Дано сие Плахинской Татьяне Ивановне, проживающей в гор. Подольске по ул. Красная дом № 17, в том что ей разрешается въезд в г. Москву за справками в НКВД, согласно протокола об аресте ее мужа Милюкова Аполлона Арсеньевича по ордеру от 5 июля 41 г., так как он арестован в ее отсутствие в г. Москве и ей о нем ничего не известно».

Иногда следователь разрешал арестованному передать жене какие-то личные вещи для стирки. Бывали случаи, когда арестованные, которым разрешалось получать передачи (белье, мыло, зубной порошок, расческа и т. д.), ухитрились что-то передавать на волю при возвращении мешка от передачи.

Из воспоминаний О. В. Бельфорд: «Пока папа сидел в Соликамской тюрьме, мама носила ему передачи и чистое белье. Однажды

Квитанции о передаче денег. Бутырская и внутренняя тюрьма ГУГБ НКВД, 1938

в грязном белье мама нашла записку: “Ищи тщательно в белье”. Больше папа не повторялся, а мама знала, что прежде чем стирать белье, нужно его тщательно проверить. В подпоротых швах находила записки на тонкой папиросной бумаге. Мама хранила эти записки в маленькой коробочке».

Из воспоминаний Д. А. Будённого, арестованного в 1950 году за участие в молодежной подпольной организации: «Передачи уже мне разрешили. И вот кто-то, я уже не помню, человек опытный, говорит мне: “Ты знаешь, матери можно попробовать передать записку”. Я говорю: “Как?” – “Слушай меня. Пиши то, что ты хочешь написать. Но пиши так, чтобы ни одно твое слово тебе не навредило”. – “Ну, а как же передать-то?” У кого-то нашелся химический карандаш, у кого-то бумага. В эту бумагу было что-то завернуто из передачи – или колбаса, или сыр. “А вот теперь смотри: мешочек, в котором принесли передачу, вывертывается наизнанку. Сантиметра на полтора прошивается днище. К днищу пришивается записка. Пустой мешочек выворачивается на обратную сторону. И надзиратель руку опустил – пусто”. Когда мама в следующий раз принесла передачу, ей вернули старый мешочек. Каким-то образом она обнаружила эту записку».

Записка Д. А. Будённого
из Воронежской тюрьмы. 1950

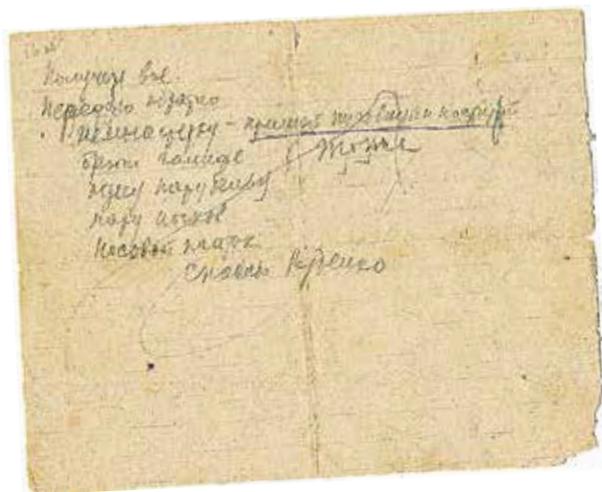
«Дорогая мамочка! Надеюсь, что записку не заметят. О, если бы это было так! Я жив и здоров, духом нисколько не упал, наоборот, твердо надеюсь на лучшее будущее. Самое тяжелое для меня это то, что я ничего не знаю о тебе. Умоляю тебя, не переживай сильно, не волнуйся сильно. Я верю, что мы скоро увидимся. Мое положение не страшно. Мне дадут не много. Скоро наш суд и мы установим с тобой связь. Я очень волнуюсь о тебе, это моя единственная печаль. Сколько ты слез пролила там. Не волнуйся, дорогая, все будет в порядке. О институте я ничуть не жалею, понял, что это не моя специальность, тюрьмы меня много чему научат. Верь, что мы скоро будем вместе, не падай духом. Передай привет знакомым Николаю и Борису, скажи, чтобы не забывали меня, мы скоро встретимся. Крепко, крепко целую».

В архиве «Мемориала» хранится уникальный документ – тюремное письмо Ивана Григорьевича Руденко, инженера-железнодорожника. Он написал его в апреле 1938 года на нескольких листках папиросной бумаги (в камерах курительная бумага разрешалась) и спрятал их в пуговицы гимнастерки. Ему удалось уговорить следователя передать его вещи (гимнастерку, брюки, белье) домой, с просьбой жене постирать и пришить пуговицы.

Подтекст просьбы жена поняла не сразу. Письмо она извлекла из пуговиц только после того, как гимнастерка была постирана. Буквы расплылись, и слова можно было разобрать с большим трудом, а некоторые места оказались вовсе нечитаемыми.

Записка И. Г. Руденко жене,
переданная через следователя.
Калининская тюрьма, 1938

«Получил все.
Передаю обратно гимнастерку -
пришей пуговицы и постирай.
Брюки галифе тоже: одну пару
белья; пару носков; носовой
платок. Спасибо. Руденко»

Письмо И. Г. Руденко, найденное
в пуговицах. Калининская тюрьма, 1938

«... Дорогая, уже 12,5 месяцев разлуки. Как вы только живы? Что было с тобой? <...> 23/3-37 я возвращался [из] НКПС... у ворот дома арестован [нрзб] отвезли [на] Лубянку, тот же день Калинин. 95 дней в подвале и спецтюрьме, одиночка, жутко. Допросы шли непрерывно дни и ночи, следователи менялись 3-4 смены по 3-4 человека. Руководили капитан Лорент, майор Домбровский (арестован), Листенгурт. Требовали подписать на себя ложные показания, угрожали расстрелом, арестом всех вас, предъявляли мне ордера на ваш арест [нрзб] допросы 5 суток без сна и еды [нрзб] потом 10 суток карцера. Угрозы, издевательства [нрзб] требовали подписать на себя ложь. Я отказался. Потом показали подложные показания на меня Головина, Фурмана... и других. Я всему верил, плакал, молил.

Доведенный до сумасшествия, измученный в июне подписал. Тогда перевели в общую камеру, перестали мучить. В июле в тюрьме я узнал, что все это провокация и таких показаний на меня не было. [нрзб] В сентябре... написал следователю большой протест. Просил приложить к делу. Следователь бывший нач. ДТО Лорент потребовал отказаться. Я настоял. Били, издевались, посадили в карцер на 26 суток темный холодный сырой почти раздетого 400 грамм хлеба и кружка воды. Думал умру – выдержал. За мой отказ предъявили мне обвинение по пункту 1-а, т. е. измена родине. Это обвинение следователь снимал, если откажусь от протеста. Я согласился. Следствие закончено 8/XII. Ожидаю суда очевидно военного из Калинина в мае-июне-июле».

---

9 мая 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР Иван Григорьевич Руденко был осужден к высшей мере наказания. Расстрелян в тот же день.

Разумеется, обмануть тюремщиков, бдительно проверявших каждую передачу, удавалось далеко не всегда.

Из воспоминаний З. Д. Усовой, осужденной в Москве в 1938 году как «член семьи изменника родины»: «Нас готовили к этапу. Давали листочки бумаги, чтобы записать адреса домашних и список необходимой одежды. Все воспрями духом. Это был способ хоть косвенно дать знать родным о своей судьбе, получить из дома пусть даже молчаливую весточку. <...> Маше Васильевой принесли белье, платье, чулки. Все вещи, естественно, обыскивали. Дней через десять перед отправкой из пересылки снова был обыск. Каково же было отчаяние Маши, когда у нее в одном чулке нашли письмо, написанное мелким почерком на тоненькой полоске материи. Горе Маши было потрясающим. Она плакала, умоляла дать ей прочитать письмо. Тюремщики были безжалостны. Потом все-таки один из них буркнул: “Дура, чего убиваешься, дома все здоровы”».

Иногда удавалось договориться с кем-то из тюремщиков.

О том, как ему помог знакомый охранник, рассказал в своем интервью В. А. Беликов: «Он мне сказал: “Ты письма-то давай, я буду посылать”. Я, помню, огромное письмо написал – как следствие проходило, как я в карцере сидел, все-все подробно написал. И это письмо ему дал, и оно дошло благополучно. Когда [дома] получили это письмо, оно пошло по всем рукам, все сестры бабушкины, вся их родня, все их дети, все читали это мое письмо».

Но такие случаи были очень редки.

Узник Лукьяновской тюрьмы в Киеве А. С. ГЕБЕЛЬ вспоминал: «Из дому я ничего не получал и ничего не знал о судьбе жены и детей. Написать что-либо домой запрещалось самым категоричным образом. Потянулись мучительные дни ожидания. Однажды один из надзирателей под нашим нажимом согласился отправить открытки нескольких человек. Через день мы эти открытки обнаружили разорванными в уборной...»

Возможна ли была переписка подследственных между собой?

Внутритюремная переписка была строжайше запрещена. Чтобы исключить всякую возможность контактов, не разрешалось использование подследственных на любых работах, даже внутри тюрьмы. При каждом выводе из камеры – на допросы, в баню или на прогулку – заключенных должны были обыскать и исключить случайные встречи в коридорах тюрьмы. Арестованный 30 июня 1941 года выпускник школы В. К. КАНТОВСКИЙ вспоминал: «Самое мучительное – это полное отсутствие информации. Такая хорошая изоляция в тюрьме, что мы не знали: то ли наши в Берлине, то ли немцы в Москве».

Правилами внутреннего распорядка строго запрещалось перестукиваться и переписываться с заключенными соседних камер, громко разговаривать, кричать и петь, свистеть, делать надписи на стенах камеры и какие-либо записи или пометки в книгах из тюремной библиотеки и т. п.

Чтобы не допустить переписку, у арестованных отбирались карандаши, родственники не имели права передавать бумагу, любые письменные принадлежности. Однако история ГУЛАГа знает немало случаев, когда узникам тюрем, даже с особо строгим режимом, удавалось общаться и сообщать о себе какие-то сведения. Для этого подчас приходилось прибегать к самым необычным способам.

Вот какую «информацию», например, получил в тюрьме ленинградец А. Г. ГРОСМАН, арестованный в 1938 году: «Я оказался в одиночной камере. <...> Одно обстоятельство заставило меня о многом подумать и переживать: подойдя к окну камеры, я увидел, что на крутом подоконнике было нацарапано чем-то острым, вероятно гвоздем или булавкой, следующее: “Здесь в 1935 году сидел Котольнов. Через два часа меня расстреляют, за что погибаю – не знаю”.

Мне было известно, что Котольнов обвинялся в организации убийства Кирова. Представьте себе мое состояние...»

Записка, нацарапанная на подоконнике, дошла до автора воспоминаний спустя три (!) года после ее написания.

Распространенным способом общения в тюрьмах, известным еще с дореволюционных времен, было перестукивание с заключенными из соседних камер. Узник Орловского централа А. С. Гельбель вспоминал, как соблюдалась конспирация: «Мой товарищ по камере научился хорошо перестукиваться. Часто вечерами я ходил по камере и громко кашлял, а он стучал в соседнюю камеру или получал оттуда сведения. Благодаря этому мы знали, кто сидит в соседних камерах и что у них делается».

Переписываться было значительно труднее – мешали не только отсутствие карандашей, бумаги, но и бдительность охранников.

Врач Р. Г. ЗАХАРОВА вспоминала о порядках во время следствия в Казанской тюрьме и приводила пример служебного рвения тюремщиков: «День начинался торжественно: в туалет нас, пятерых изможденных женщин, вели двое молодых военных, один впереди, другой сзади, а у двери стоял третий и выдавал каждой по бумажке. Эти бумажки потом проверялись, о чем мы узнали в первый же день. Одна из нас бросила по домашней привычке бумажку в унитаз, и вода унесла ее. Вскоре в нашу камеру явился дежурный и грозно спросил: “Кто не сдал бумагу?!” Мы не поняли сначала, в чем дело, но “виновная” догадалась и покаялась. За это она понесла наказание».

Тем не менее, переписываться удавалось. Для этого использовались «подручные» средства, на первый взгляд совершенно для этого непригодные.

Из воспоминаний А. Ф. Бариной-Шиловой, арестованной вслед за мужем: «Как-то в сумерках за решеткой одного из двух окон закачался комочек. Есть – поймала! Записка: “Если среди вас есть Леонид Найденов, сообщите, пожалуйста, товарищи, это мой сын”. Карандаша у нас нет. Как ответить?»

– Сейчас, девчата! – озабоченно крикнула Милочка, порылась в подушке, нашла крючок, сделанный из зубца гребенки, достала кусочек стекла, что мы подобрали в щели подоконника, и не успели мы охнуть, полоснула по мизинцу.

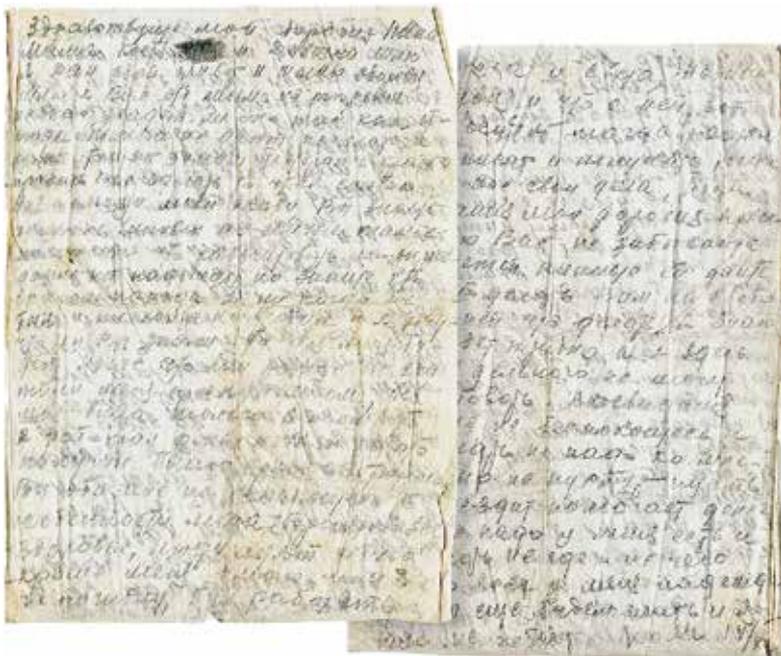
– Пиши быстро! – протянула мне Мила крючок и подставила палец с набухающей рубиновой каплей. Ответ написали на белой

тряпочке: “Камера женская – жены, сестры, матери обвиняемых в измене родины. Сообщите свои фамилии”. Туго свернутый комочек привязала к нитке, и – почта улетела».

***

Тюремные письма заметно отличаются от лагерных. Попав в лагерь, осужденный, по крайней мере, уже знал, сколько лет несвободы его ждет, понимал, к каким испытаниям он должен быть готов. Иное дело – тюрьма и следствие. Неожиданный несправедливый арест ломал жизнь человека. Мучительные пытки, отчаяние от невозможности объяснить, доказать следователям всю нелепость навязываемых обвинений. Заключение в тюрьму в своих письмах, помимо естественных вопросов о судьбе родных, спешат уверить их в своей невинности. У кого-то еще теплится вера, что это ненадолго, что следствие во всем разберется. Ну а те, кто уже потерял надежду, стремятся хотя бы сказать о своей невинности родным.

Вот типичное письмо из Смоленской тюрьмы Н. Н. Задорожнюка, заместителя начальника паровозного депо станции Вязьма:

Письмо Н. Н. Задорожнюка. Смоленская тюрьма, 1937

«Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Костя и Вовочка. Шлю Вам свой привет и желаю здоровья. Шлю я Вам это письмо из тюрьмы. Не знаю, дойдет ли оно, так как отсюда письма не дают посылать, и кроме того нет бумаги. Постараюсь кратко просить Вас сделать то, что я считаю, для помощи моей семье. Вы знаете, что хоть не виновен, но сейчас такое положение, что рассчитывать на оправдание нет надежды, но знайте, что врагом народа я никогда не был и никогда не вредил. И я хочу, чтобы вы знали это. Для меня будет легче, что мои родные не считают меня преступником. <...> Жаль детей, только такой возраст, что надо учить. <...> И еще вот что, про меня ни с кем не говорите, в особенности прошу папу, лучше говорите, что меня нет и про меня вы ничего не знаете, а то я боюсь, чтоб не придрались к вам. <...> Надо много писать, но сильно расстроен и тороплюсь послать. Наверное это придется посылать нелегально. Костя, береги маму и знай, что она это мое большое горе переживает тяжелее всех. У меня суда еще не было. Все еще идет следствие, и когда придет конец, не знаю. Думаю, что в декабре. Хотя бы скорей. Сильно ослаб в тюрьме без воздуха и света. <...> Вот когда осудят, тогда разрешат писать и получать. Тогда опишу все свои дела. Пока до свидания, мои дорогие. <....>

Целую всех.

У меня надежда, что мы еще будем жить, и я вас не забуду.

Коля. 14.X.1937».

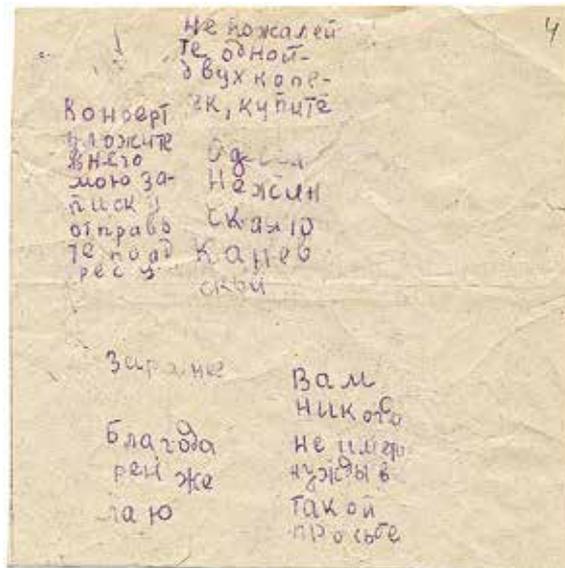

Оказавшись в тюрьме, многие, как и автор этого письма, надеялись, что «еще будут жить». Николай Никитич Задорожнюк был расстрелян 4 января 1938 года.

В 1937–1938 годах после вынесения приговора осужденные в тюрьмах обычно не задерживались. Приговоры к расстрелу исполнялись в течение нескольких дней, этапы в лагерь тоже старались отправлять как можно скорее – мест в тюрьмах не хватало.

ПИСЬМА С ЭТАПОВ И ПЕРЕСЫЛОК

Эшелонная весточка А. М. Борщевского. 1938

«Не пожалейте одной-двух копеек, купите конверт, уложите в него мою записку и отправьте по адресу Одесса Нежинская 10 Каневской.

Заранее благодарен и желаю вам никогда не иметь нужды в такой просьбе».

Можно ли было писать письма с этапа?

До прибытия в лагерь осужденный не имел возможности сообщить своим близким ни формулировку приговора, ни местонахождение лагеря, где он будет отбывать наказание. Чаще всего он и сам не знал этого, и мог только по пути следования эшелона догадываться, куда его отправят. А этапы длились нередко месяцами. Оставшиеся на воле родственники пытались узнать время отправления лагерных эшелонов, передавали друг другу добытые сведения и слухи, ночами дежурили на вокзалах, чтобы хоть мельком увидеть родного человека и что-то узнать о нем. Иногда это удавалось.

Киевлянин А. С. ГЕБЕЛЬ рассказывал: «Наш поезд остановился на каком-то запасном пути московской окружной железной дороги. Через несколько минут вокруг нашего эшелона собралось видимо-невидимо людей – стариков, женщин, подростков. Конвой метался, рычал, угрожал и отгонял толпу. Но толпа всё росла. Появились плакаты – белые большие листы бумаги с написанными на них крупными буквами: нет ли среди вас или встречали ли вы такого-то? Были среди нас москвичи, которые ехали в этом этапе. Они сумели передать свои московские адреса. Люди помчались в Москву по этим адресам и сообщали близким родственникам. Многие из них успели приехать к нашему эшелону...»

А. Г. ГАЕЛЬ, известный ученый-лесовод, был арестован в августе 1941 года во время рытья окопов под Ленинградом за то, что имел неосторожность поднять сброшенную с самолета немецкую листовку. Когда его вместе с другими арестантами погрузили в столярный вагон, он на пыльном вагонном окне пальцем зеркально написал номер своего домашнего телефона. И, как он узнал впоследствии, проходящая мимо «сочувствующая и понимающая женщина» записала этот номер и позвонила жене, которая ничего не знала об аресте мужа.

Случалось (и таких случаев было немало), когда с этапов все же приходили письма. Но это были неразрешенные послания, отправленные заключенными тайком, под страхом наказания и без особой надежды, что они дойдут до адресата.

Из воспоминаний сотрудника Госплана Г. М. Паушкиной: «Между досок [в вагоне] – узкие щели. Наши женщины (более смелые и ловкие) бросали в эти щели записки, сложенные треугольником, с адресом своих родных. Им они сообщали о себе. Где раз-

добыли для этого бумагу и карандаши – я понятия не имею. Ведь все это было отнесено к «неположенному» и отбиралось. Позднее, когда нам разрешили переписку, мы узнали, что эти письма дошли до родных. Народ сочувствовал нам и, подбирая эти самодельные конверты с письмами, опускал их в почтовые ящики».

Такое же «самодельное» письмо отправил матери в Москву с этапа режиссер Л. В. ВАРПАХОВСКИЙ: вытянул из кальсон нитку, обвязал кусок деревяшки с запиской, приписав на ней: «Прохожий, опусти это письмо в почтовый ящик», – и выбросил из вагона. И мать получила его письмо!

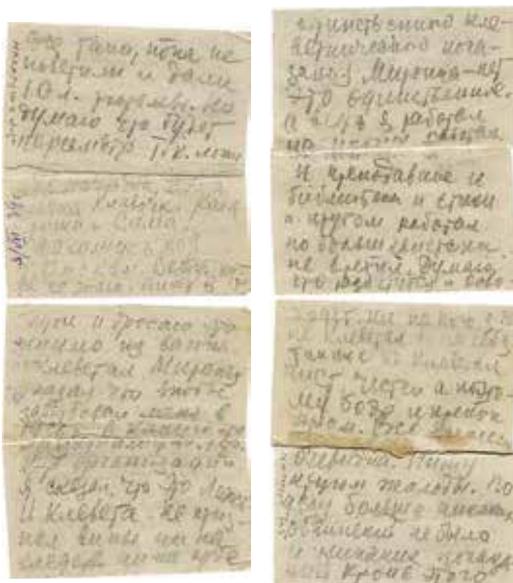
Из воспоминаний Н. С. ТАЙЦ, дочери санитарного врача, приговоренного в мае 1938 года к 8 годам лагерей: «Первую весточку мы получили от папы в конце июля. В почтовом ящике оказалась коробка от папирос с нашим адресом, в нее был вложен оторванный мундштук от папиросы, на котором было написано: “Москва 21/VII. Мои дорогие! Сегодня выезд из Москвы в Колыму. Поздравляю Ниночку с днем рождения. Вы заботьтесь только о себе, обо мне не беспокойтесь. Привет всем нашим. Целую. Самуил”. Эту коробку он выбросил из вагона, а сочувствующие, сострадательные люди (а таких, которых коснулась такая же беда, было несчетное количество) доставили ее нам. Затем такие же письма, написанные на папиросной бумаге, стали приходиться по мере продвижения поезда на восток – из Ногинска, Саратова, Омска. Этот чудовищный эшелон шел до Владивостока свыше месяца».

Никто из заключенных не имел ни малейшего представления о своей будущей жизни в лагере. Даже о том, будет ли разрешено писать письма домой. Поэтому выброшенные из поезда наудачу записки виделись осужденному единственной возможностью дать знать родным, что он жив, сообщить о приговоре. Вот как рассказывает об этом З. М. Конокотова, дочь осужденной на 8 лет Л. С. Яндовской-Олешук: «Когда маму отправляли по этапу из Москвы, она попала в один вагон со своей родственницей. И у них на двоих была одна открытка. Они разорвали ее пополам, и мама написала, что она жива. Я помню эту разорванную открытку, которую мама выбросила через решетку в окно. Кто-то ее подобрал, и мы ее получили. До этого мы о маме ничего не знали».

По воспоминаниям бывших заключенных, такие записки писали на чем придется – на спичечных коробках, тряпочках, обрывках газет, чаще всего – на курительной бумаге, упаковках от

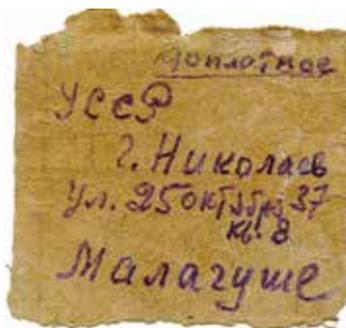
махорки, папиросных пачках, которые одновременно служили и конвертами.

В архиве «Мемориала» хранятся пятнадцать этапных записок поэта В. А. Малагуши, выброшенных им из вагона по дороге с Украины на Колыму.

Эшелонная записка
В. А. Малагуши на
курительной бумаге.
1939

«Здравствуйте, дорогие мои папаша, мама, Олечка, Клабочка, Коля, Гриша и Сима! Нахожусь под г. Омском. Везут куда не знаю. Пишу в пути и бросаю это письмо из вагона. Оклеветал Миронец. Сказал, что якобы завербовал меня в 1936 г. в какую-то националистическую к-р организацию. Я сказал, что это ложь и клевета. Не признал вины ни на следствии, ни на суде. Все-таки пока не поверили и дали 10 л. тюрьмы. Но думаю, что будет пересмотр, т. к. ложь [очевидна]. Пишу кругом жалобы. По делу больше никаких обвинений не было, и никаких показаний кроме этого единственного клеветнического показания Миронца – нет, это – единственное. Я ведь работал на многих работах: и преподавание, и библиотека, и стихи. И кругом работал по-большевистски, не вредил. Думаю, что разберутся, освободят. Ни на кого я не клеветал и на себя также не клеветал. Чист, честен, а потому бодр и крепок духом».

Эшелонные записки
В. А. Малагуши на обрывках
папиросной коробки

«...Но я не сдался, куда везут
неизвестно, но кажется на
Кол[ыму?].»

«Родные папаша, мама. Весь октябрь [почти] меня пытали,
требовали подписать ложь, но я не сдался, и никогда не сломят,
ибо я чист. Я вернусь, главное, чтобы вы, мои родные, были живы
и здоровы. Я здоров, как наш гуртовой бык. Целую. Вася. 1939».
(Зелеными чернилами)

На таких же листках курительной бумаги написаны записки Саг-
дуллы Халмурадова, директора ташкентского издательства.
Осужденный в 1938 году на 10 лет, он вначале отбывал свой срок
в Верхнеуральской тюрьме, а затем был направлен в Севвостлаг на
Кольму.

Конверт, сделанный из папиросной коробки, и эшелонные весточки на узбекском языке Сагдуллы Халмурадова. 1939

«Моя любимая Махи Афтаб! Пребываете ли вы в благополучии? Нас забрали из тюрьмы Урала и везут в сторону Дальнего Востока. Не удивляйся, если не будет известий. Возможно, нас увезут на Дальний Восток. Напишу, когда размещусь. Мы не знаем, куда нас везут. Нас всех отправили 30 мая. Возможно, мы будем помещены в какой-нибудь лагерь или тюрьму. Когда будет известен наш адрес, я сообщу о нем в письме. Возможно, месяцами писем не будет».

Трудно было найти бумагу с карандашом, чтобы написать письмо, но и суметь выбросить его из арестантского вагона было делом очень непростым. На этот счет сохранилось немало свидетельств.

Из воспоминаний З. Д. Марченко: «Арестована я была в первых числах января 1949 года. За время этапа удалось отгрызком карандаша (за его хранение можно было ответить!) на клочке бумаги написать несколько слов, кое-как сложить конвертик и выбросить в щель вагона прямо на путь. И находились добрые путеобходчики, которые подбирали эти весточки и посылали домой».

Из интервью Л. А. Нетто: «В киевской тюрьме меня научили – сказали: “Тебя же ждут в Москве, ты же письмо написал, что уже демобилизуешься, а ты исчез, пропал. Вот бумага, пиши. Сделай треугольничек, напиши короткое письмо домой, выбросишь в вагоне – там летом стекол нет, можно через решетку бросить этот треугольничек”. Я написал письмо, мне в тюрьме картинку нарисовали, какой-то сосед-доброжелатель, и, когда ехал от Киева, выбросил этот конверт. Я видел, что какая-то женщина подняла мой конверт и отошла. Я был уверен, что она его отошлет по назначению. Но самое главное то, что уже в московской тюрьме меня вдруг неожиданно вызывают к окошку и говорят: “Вам передача”. Так я узнал, что мое письмо дошло».

Эшелонное письмо
Л. А. Нетто

Арестованный в 1948 году капитан 1-го ранга Л. Б. БЕРНШТЕЙН пишет в своих «Записках»: «Единственно гуманная мера в этапном вагоне – вывод в уборную. Здесь мне удалось на клочке грязной бумаги нацарапать огрызком карандаша адрес и несколько слов:

“Мамочка, меня везут на восток”, и бросить его в отверстие. Как же должны были относиться люди к “врагам народа”, чтобы этот клочок грязной бумаги, брошенный в вихрь пыли на пути, из рук в руки пронести тысячи километров до моей убитой горем матери!»

Из интервью И. С. Нейфельда: «После ареста мамы мы с младшим братом долгое время ничего о ней не знали. И вот однажды раздался телефонный звонок. Попросили к телефону моего брата и сказали: “У меня для вас письмо”. Это было письмо от мамы, спрятанное в пудреницу. И в нем на обрывках бумаги обращение к нам: “Дорогие деточки! Разлука будет надолго. Стройте свою жизнь самостоятельно. Ни с кем не ссорьтесь”. Я не могу вам передать, что я пережил. Женщина, которая передала это письмо, увидела проезжающий эшелон, и то, как мама выкинула из вагона эту пудреницу, и ее умоляющие глаза. Она могла сделать все что угодно. Она могла просто не поднять. Она могла в НКВД отдать. Но она позвонила и отдала».

Текст эшелонных весточек повторялся, так как у писавшего не было никакой уверенности, что письмо дойдет с первой попытки. Ведь даже если эти записки кто-то находил, далеко не всегда он отправлял их адресату. Это было опасно: выполнивший просьбу «врага народа» становился его соучастником. Известны случаи, когда выброшенные из поезда записки относились «куда надо». Но многие «эшелонные письма», несмотря ни на что, дошли до родных.

Когда заключенный получал право сообщить о себе?

Первое «законное» письмо с этапа можно было послать родственникам только из пересыльной тюрьмы («пересылки»), где осужденные ожидали формирования нового этапа для отправки в назначенные им для отбытия срока лагеря.

Промежуточных пересыльных пунктов (тюрем, отдельных «этапных барачков» в лагерях) на пути осужденных в конечный пункт заключения могло быть несколько.

Студент С. Л. Щеглов (арестован 23 июня 1941 года в Москве, следствие велось в Омской тюрьме, отбывал заключение в Норильлаге): «Из Омска погнали на этап. Потом была Новосибирская пересылка – несколько суток в пересыльной Новосибирской тюрьме. Потом – снова этап в Красноярск, потом несколько дней – работа на

Красноярской пересылке на берегу Енисея. Мы там грузили баржи, шедшие в Норильск. И потом, наконец, сформировали этап, и нас погрузили в трюм парохода под названием “Иосиф Сталин”».

Школьница С. С. Печуро (арестована в Москве): «Этап в Инту шел через кучу пересылок. Через Горьковскую тюрьму, через Вологодскую, через Кировскую пересылку».

Студент Д. А. Будённый (арестован в Воронеже, заключение отбывал в Степлаге, Казахстан): «Из тюрьмы отправили на этап в Кировскую пересыльную тюрьму. Потом еще одна пересылка – Горьковская, кажется. Потом Караганда. В общем, мы добирались до лагеря месяца, наверное, четыре».

О том, что представляла собой пересылка, свидетельствует И. А. ГАЙСТЕР, дипломница физфака МГУ: «Куйбышевская пересыльная тюрьма находилась при Куйбышевском мужском лагере, где-то на окраине города, рядом с Волгой. Лагерь, похоже, был большой. Пересылка же была небольшая: два барака и в стороне уборная. Один барак был разделен на две части – мужскую и женскую камеры. Камера была человек на двести. Справа от двери – закут, где стояли две большие параша. Три больших окна почти от пола до потолка. Так как было тепло, рамы со стеклами были вынуты, только решетки. Причем решетки были сделаны не из круглых, а из плоских полос железа. Это важно, что плоские: на них мы клали сушиться хлеб. Выдавали его таким сырым, что есть было невозможно. Посреди камеры стояли сплошные двухэтажные нары. Они были двухсторонние, люди лежали голова к голове»¹.

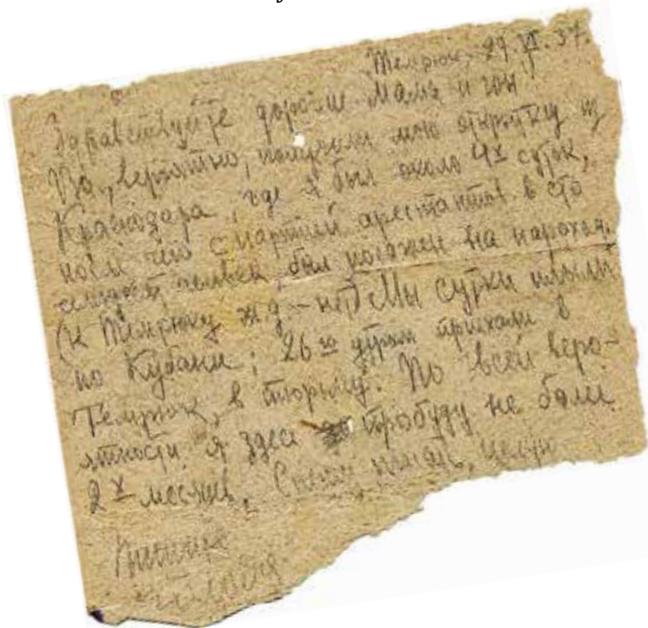
Арестованный в 1937 году в Ленинграде А. Г. ГРОСМАН вспоминал: «В пересыльной тюрьме нам было разрешено сообщать своим родным о своем местоположении, о чем я сразу написал открытку домой, ведь все же прошло почти пять месяцев, и жена ничего не знала обо мне, где я нахожусь, за что арестован, ведь никаких связей с внешним миром за это время не было».

Бумагу для письма на пересылке достать было сложно. Листочек из блокнота считался роскошью. Писали на обрывках, клочках оберточной бумаги, из нее же делали конверты. Перед отправкой письма на внутренней стороне клапана конверта заключенный обязан был написать свою фамилию, каким органом осужден, на какой срок и местонахождение.

Пересыльные пункты предназначались для кратковременного содержания этаплируемых, но нередко пребывание там затягива-

¹ Шихеева-Гайстер И. А. Дети врагов народа: Семейная хроника времен культа личности. М.: РазДваТри, 2012. С. 180.

лось. Оно могло продолжаться несколько месяцев, как, например, во Владивостокском пересыльном лагере (знаменитая «Транзитка»), где заключенным приходилось ждать открытия навигации на Колыму.

Письмо семнадцатилетнего Владимира Муралова, осужденного в 1937 году на 8 лет лагерей. Отправлено из пересыльной тюрьмы г. Темрюк по дороге из Ростова на Колыму. В 1938 году в лагере В. Муралов был расстрелян

«Темрюк, 29.VI.37. Здравствуйте, дорогие мама и гон! Вы, вероятно, получили мою открытку из Краснодара, где я был около 4-х суток, после чего с партией арестантов в сто семьдесят человек был посажен на пароход (к Темрюку ж.д. – нет). Мы сутки плыли по Кубани; 26-го утром приехали в Темрюк, в тюрьму. По всей вероятности я здесь пробуду не более 2-х месяцев. Спешу писать, целую. Пишите. Володя».

Незаклеенное письмо сдавалось в администрацию и после проверки содержания отправлялось по адресу. Марок чаще всего не было, поэтому на конвертах ставился штамп «доплатное» или «доплатить». Это означало, что при получении письма адресат должен был оплатить стоимость марки. Письма часто задерживались, шли долго, иногда очень долго, и тогда выручали телеграммы, которые заключенный тоже имел право отправлять с пересылки.

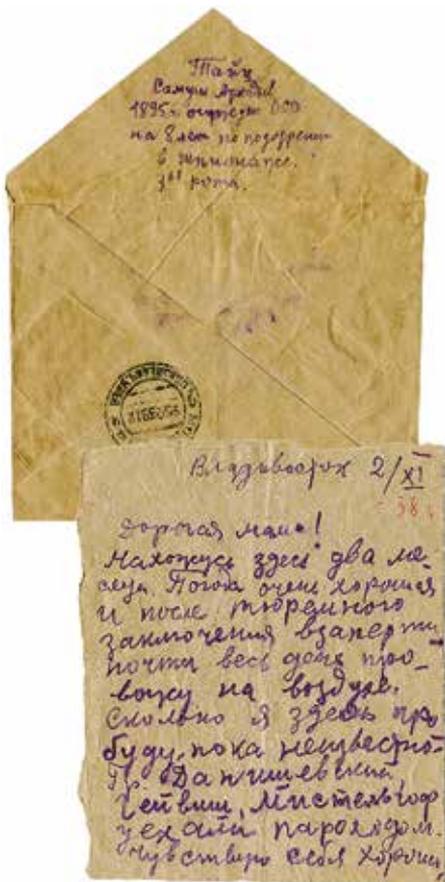
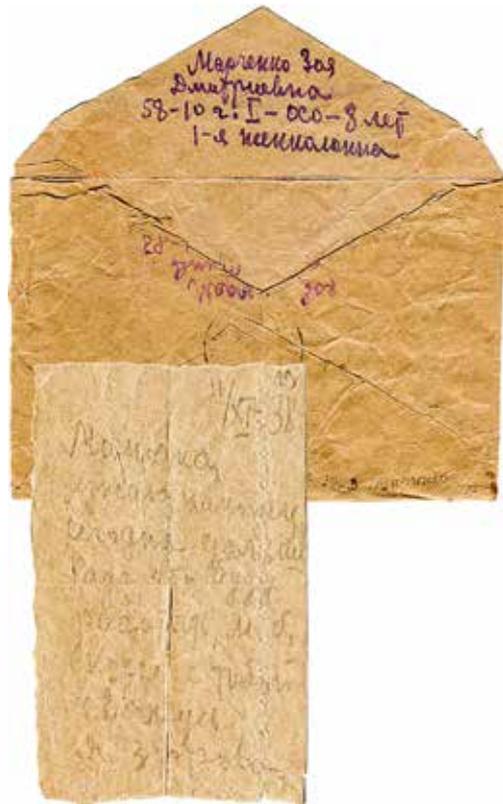
Вот что писал В. Ф. Бромберг жене из Владивостокской пересыльной тюрьмы: «Я получил вчера вечером твое письмо от 6.04 – четвертое письмо по счету. Как мне больно читать его! Ты имела,

Конверт и письмо

З. Д. Марченко из пересыльной тюрьмы. Владивосток, 1938

«11/XI-38.

Мамочка, уезжаю наконец сегодня дальше. Рада, что буду работать, м. б. скорее с тобой свяжусь. Я здорова, одежда теплая есть, настроение бодрое. Жди писем из новых мест. Целую вас всех. Зоя».

Конверт и письмо С. А. Тайца из пересыльной тюрьмы. Владивосток, 1938

«Владивосток, 2/XI-38. Дорогая мама! Нахожусь здесь два месяца. Погода очень хорошая, и после тюремного заключения взаперти почти весь день провожу на воздухе. Сколько я здесь проведу, пока неизвестно. Гр. Данишевский, Гейвиш, Мистельгоф уехали пароходом. Чувствую себя хорошо, но сильно беспокоит меня вопрос о том, как Вы все живете. Есть ли письма от Давида, Сони? Что слышно от Ильи? Неужели он не работает? Надеюсь, что мама уделяет достаточно внимания правнуку-внучке. Пишите часто. Мой адрес: Владивосток, СВВТЛ Транзитка, 3-я рота. Целую, кланяюсь всем. Самуил».

оказывается, за все это время только мое письмо от 15.02, а ведь после него я получил и твои телеграммы (три), и февральские письма, и мартовское одно (за 16.03), и четыре посылки! С тех пор я отправил тебе не меньше 5 писем. Неужели ты ни одного не получила? Ты знаешь ведь, Лик, что я использую все возможности написать тебе. А отсюда так редко и плохо доходят письма! Я решил теперь пробовать чаще посылать тебе телеграммы. И ты время от времени телеграфируй – телеграммы доходят хорошо, несравненно лучше писем». (9 мая 1940 года)

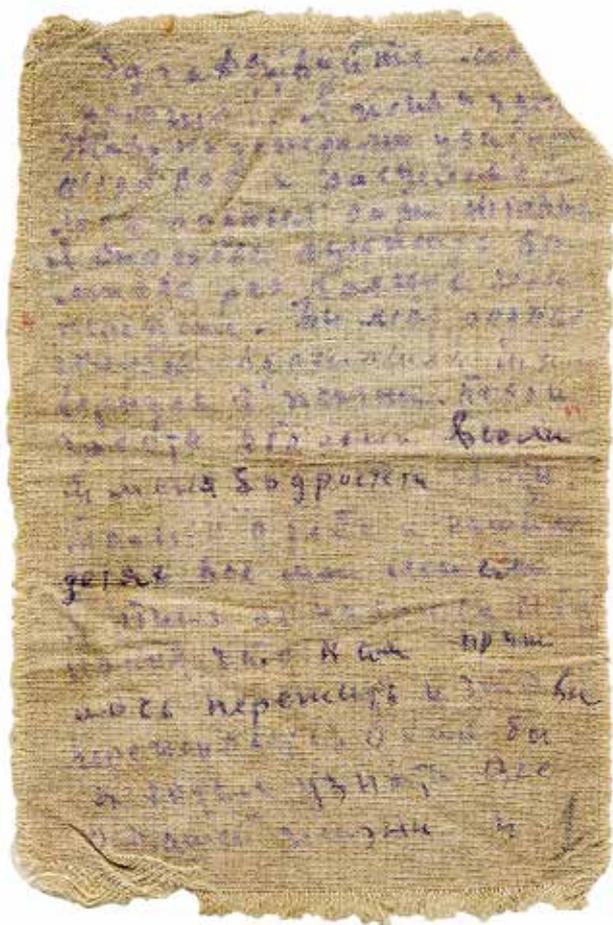
Пересылки были тяжелым испытанием для безвинно осужденных людей, еще не успевших адаптироваться к жизни в неволе. Но это была долгожданная и сравнительно надежная возможность написать домой и иногда, если пребывание на пересылке затягивалось, даже успеть получить ответ. Известны случаи, когда родственники приезжали и устраивались жить поблизости от пересылки, добиваясь свиданий с заключенными и передачи им вещей и продуктов.

А дальше – новый этап и годы в лагерях...

Доплатные письма

ЛАГЕРНЫЕ ПИСЬМА

Письмо М. В. Толмачёва на ткани.
Ивдельлаг, 1939–1940

«Здравствуйте, мои дорогие!! Я жив и здоров.
Живу надеждами увидеть скоро Вас и расцеловать.
Мои родные ради... [нрзб] я смог бы пережить
во много раз больше, чем пережил. Ты моя родная
голубка [нрзб]. Твоя забота обо мне вселяет в меня
бодрость жизни. Только о тебе и наших детях
все мои мысли. [нрзб] что и как пришлось
пережить и что вы переживаете.
О как бы я хотел узнать все о Вашей жизни и...»

Какие правила переписки существовали в лагерях?

До второй половины 1930-х годов режим в местах заключения, в том числе и режим переписки, не был детально регламентирован – ни в лагерях, ни в политизоляторах ОГПУ.

Политизоляторами в 1920 – первой половине 1930-х назывались тюрьмы ГПУ–ОГПУ–НКВД, в которых отбывали сроки те, кого власть соглашалась признать политзаключенными: члены левых социалистических партий (прежде всего, эсеры и меньшевики), анархистских групп всех направлений, а с конца 20-х годов – и оппозиционеры внутри ВКП(б). Насколько известно, в начале 20-х в политизоляторах не было ограничений на количество писем, получаемых заключенными с воли. Так, Калистрат Гогуа, меньшевик с дореволюционным тюремным стажем, находясь в Суздальском и Ярославском политизоляторах, в 1923 году мог без ограничений получать письма не только от родственников, но и от друзей. На всех полученных им письмах стоит его подпись, а в некоторых случаях – сделанная его рукой пометка «Прочитано» или «Получено» с датой получения. На каждом листе стоит штамп «Проверено комендатурой. Комендант (подпись коменданта)».

Письма в политизоляторы родственники заключенных посылали, как правило, обычной почтой, а при возникновении затруднений через «Помполит» – организацию, созданную Е. П. Пешковой в 1922 году для оказания помощи политзаключенным (существо-

Открытки К. Г. Гогуа.
Ярославский политизолятор, 1923;
Суздальский политизолятор, 1925

вавшему до этого «Московскому Политическому Красному Кресту» власти отказали в перерегистрации).

В 1925 году режим в политизоляторах был ужесточен.

В. Ф. БРОМБЕРГ, молодой социалист-сионист, отбывавший срок в Суздальском политизоляторе в 1926–1928 годах, мог писать домой не больше двух писем в месяц. И столько же писем получать. «Т. к. норма у меня уже использована (получил от вас два письма и отправил – с этим – тоже два), то следующее мое письмо вряд ли смогу написать раньше начала следующего месяца», – сообщает он родителям в письме от 9 марта 1928 года. Из писем Бромберга выясняется интересная деталь: в политизолятор родственники заключенного могли присылать свои фотографии, но, «чтобы беспрепятственно их получить», фотографии требовалось заверить в домкоме.

В начале 1930-х режим переписки в политизоляторах несколько смягчился, затем его ужесточили вновь.

В 1932 году в тот же Суздальский политизолятор был заключен экономист с мировым именем Н. Д. Кондратьев, осужденный на 8 лет за «руководство Трудовой крестьянской партией». В 1932–1933 годах он мог отправлять письма жене четыре раза в месяц, начиная с 1934-го – только три. И столько же мог получать от нее.

В 1935 году политизоляторы переименовали в тюрьмы особого назначения НКВД. 15 марта 1937 года наркомом внутренних дел Н. Ежовым был издан специальный приказ¹ о режиме в этих тюрьмах, где, в частности, говорилось:

Проверкой существовавшего в тюрьмах особого назначения НКВД режима содержания заключенных установлено, что этот режим не обеспечивал должной изоляции особо опасных преступников и извращал линию карательной политики, которая должна проводиться в отношении наиболее озлобленных врагов советской власти.

В тюрьмах особого назначения имелись все возможности безнаказанно осуществлять связь осужденных с внешним миром; часты случаи переписки осужденных между собой как внутри, так и вне тюрьмы. <...>
Достаточно сказать, что в таких тюрьмах особого

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 14. Л. 36.

назначения, как Суздальская, Ярославская, Челябинская, Верхне-Уральская, в которых, как известно, содержатся наиболее важные политические преступники, осужденным разрешалось иметь у себя в камерах неограниченное количество собственных книг и журналов, как привезенных осужденными с собой, так и присылаемых родственниками... большое количество канцелярских принадлежностей и бумаги.

<...> Они имели право ежемесячно писать до 6 писем на волю и столько же писем получать с воли.

В том, что касается количества писем, Ежов лжет: норма переписки к весне 1937 года была вдвое меньше. Но эта намеренная ложь, с одной стороны, «изобличала» ежовского предшественника Г. Г. Ягуду в потакании «врагам народа», а с другой – обосновывала вводимые жесткие ограничения.

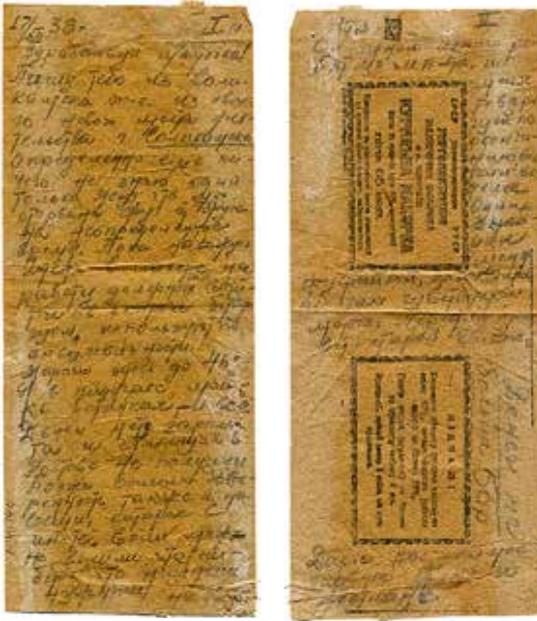
Согласно новому приказу, осужденные на тюремные сроки полностью лишались права на посылки и свидания, устанавливался режим переписки – два письма в месяц. Об этом сообщает и Н. Д. Кондратьев в письме жене от 14 июля 1937 года: «По новым правилам ты можешь посылать мне 2 письма в месяц такого размера, как это письмо тебе. Я могу тоже посылать 2 письма: одно в середине и другое в конце каждого месяца. Для тебя сроки не фиксированы. По правилам свидания запрещены».

Режим, введенный ежовским приказом 1937 года, был подтвержден и детально расписан в «Положении о тюрьмах ГУТБ НКВД СССР для содержания осужденных» от 10/14 декабря 1939 года¹. Этот режим сохранялся в тюрьмах долгие годы.

Для лагерей же первый общий руководящий документ, детализирующий правила режима, появился только в 1939 году. До этого различные отделы ГУЛАГа нередко рассылали на места противоречивые указания. Кому и как часто могли писать заключенные, сколько и от кого получать писем – зависело от многих обстоятельств: от тяжести обвинения, от выполнения производственных норм, от порядков, сложившихся в конкретном лагере, и, зачастую, от произвола лагерного начальства.

В мае 1934 года только что доставленный этапом на Соловки (которые тогда считались 8-м отделением Белбалтлага) известный

¹ ГАРФ, Ф. Р-9401.
Оп. 1. Д. 529.

Письмо
Ю. В. Арнольдова
на упаковке от
пачки махорки.
Соликамсклаг, 1938

Письмо Л. Я. Дерибона.
Карлаг, 1944

«31-VIII. Позавчера получил письмо от Гуты. Как отраднo было унести мечтами в вашу компанию, собранную Фенулей по его собственной инициативе 8-VIII... Ярko представлял себе ваше милое общество, а также Феночкины заботы и его торжественность, когда он объявлял о готовности скромного ужина. При этом я мысленно крепко расцеловал его со словами: "Какой ты молодец, совсем как взрослый, и уже мамочкин помощник!" Словами моего приятного чувства не передать. Передайте Гуте мое сердечное спасибо за ее письмо с коротенькой картинкой вашего быта...»

советский метеоролог А. Ф. Вангенгейм сообщал жене: «Я могу, как правило, посылать три письма в месяц, но получать без ограничения». В письме от 18.06.1934 он уточняет: «Норма – одно письмо от меня в месяц, мне – неограниченно».

В ГУЛАГе в этот период было принято поощрять заключенных «за ударный труд» правом на 2-3 дополнительных письма в месяц. Поскольку Вангенгейм регулярно признавался «ударником», то в реальности в 1934–1936 годах он мог писать домой не один, а три-четыре раза в месяц. Поощрения для ударников существовали в тот отрезок времени и в других лагерях.

Бывший полковник царской армии В. В. Левитский, осужденный на 10 лет лагерей по обвинению в принадлежности к контрреволюционной офицерской организации, пишет из Мариинска 28.08.1934: «Недавно были выборы в ударники, и я попал в ударники, несу общественную работу, получаю письма на почте и раздаю больным и служащим, а также принимаю у них для отправки... Ударники имеют право посылать в месяц 4 письма, а неударник – 2». В мае 1935 года он сообщает в письме: «По новым правилам я как ударник имею право в месяц писать 6 писем, а неударник 4».

Но эти «вольности» просуществовали недолго. После того как Соловки в 1937 году были преобразованы в Соловецкую тюрьму особого назначения, здесь был введен тот же режим переписки, что и в остальных тюрьмах. В последнем из дошедших до нас писем Вангенгейма (от 19.09.1937, за полтора месяца до расстрела) он пишет жене: «С 15 августа посылаю четвертое письмо. С того времени пишу два раза в месяц. Так же и твои получаю».

В конце 1937 – начале 1938 годов в лагерях в Мордовии, Томске и Акмолинске были организованы «спецотделения» для жен «изменников родины», в которых переписка и вовсе была запрещена до перевода на общий режим в мае 1939 года.

Из воспоминаний Г. М. Паушкиной (Темниковский лагерь в Мордовии): «Переписка с родными появилась летом 1939 года после того, как сняли с поста Ежова».

Лагерная администрация подходила к вопросам режима «творчески». Например, в октябре 1938 года в Вятлаге вводится новшество, необходимость которого не поддается разумному объяснению, – письма в лагерь и из лагеря теперь разрешалось посылать только при наличии вложенных в конверт специальных талонов. Об этом

пишет домой Ф. А. Евсеев (октябрь 1938): «Посылаю вам талоны и прошу помнить, что без этих талонов ничего в Вятлаг и ничего из Вятлага приходиться не будет. Согласно новому правилу, вводятся 2 талона для письма заключенному в Вятлаг, 2 талона для письма от заключенного из Вятлага и 1 талон на одну посылку в месяц заключенному. Все, что будет послано без талона, подлежит уничтожению и по адресу не попадет. Значит, посылаю вам 3 талона. Талон вкладывается в конверт вместе с письмом, а посылочный – в особый конверт внутри посылки. Надеюсь, мои объяснения о талонах вам понятны».

Эта странная новация была отменена уже в декабре 1938 года.

Переписка разрешалась только с близкими родственниками, проживающими на территории СССР, – женой, мужем, детьми, родителями, родными братьями, сестрами. По прибытии в тюрьму или лагерь заключенный должен был написать заявление с указанием, с кем он будет вести переписку, степень родства и адреса. «Напоминаю, что переписка разрешена мне с женой, следовательно, больше никто пусть не пишет», – предупреждал своих родных военный инженер М. Н. Воробьев (Кемь, ноябрь 1938). Тем не менее, писавшие в лагерь старались обходить этот запрет – в один конверт вкладывали письма от 3-4 членов семьи или одно письмо писали несколько человек.

Заместитель начальника ГУЛАГа Добрынин в докладе 1940 года отмечал, что до того, как в июне 1939-го в составе Управления охраны ГУЛАГа был создан Отдел режима, а также отделы и управления режима в лагерях, «вопросами режима и изоляции заключенных вплотную фактически в ГУЛАГе не занимались». Отдел режима подготовил «Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР», введенную в действие Приказом НКВД № 00889 от 2 августа 1939 года¹. Эта инструкция стала основным документом, регламентирующим права заключенных на получение посылок, свиданий, подачу жалоб и т. д.

Инструкция регламентировала в том числе и переписку. «Враги народа» были разделены на две группы: осужденные за террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских организациях, члены антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.) и иноподданные, независимо от

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 12. Д. 316.

состава их преступления, могли отправлять письма 1 раз в 3 месяца; всем прочим осужденным за контрреволюционные преступления разрешалось писать 1 раз в месяц.

Уже через несколько месяцев, в январе 1940 года, И. Г. ДИСТЕРГОФТ пишет дочери из Амурлага: «Почему-то от тебя не стало писем. Возможно, что не все письма я получаю, так как для нашей статьи сейчас вводится порядок получения и отправки одного письма лишь в квартал, т. е. раз в три месяца».

Началась война, и связь между лагерем и волей прервалась. 22 июня 1941 года была издана совместная директива НКВД и Прокуратуры СССР¹, в которой прямо предписывалось:

...Прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся в спецпоселках, с волей.

Не стало ни писем, ни посылок, ни денежных переводов.

Бывший комиссар стрелкового полка М. Ф. ХАЙЛОВ в письме от 29 января 1942 года, отправленном из Севжелдорлага, скорее всего, не через официальную лагерную почту, пишет семье: «С письмами теперь трудно по случаю военного времени, и мне будет очень трудно находиться в неведении о вашей судьбе».

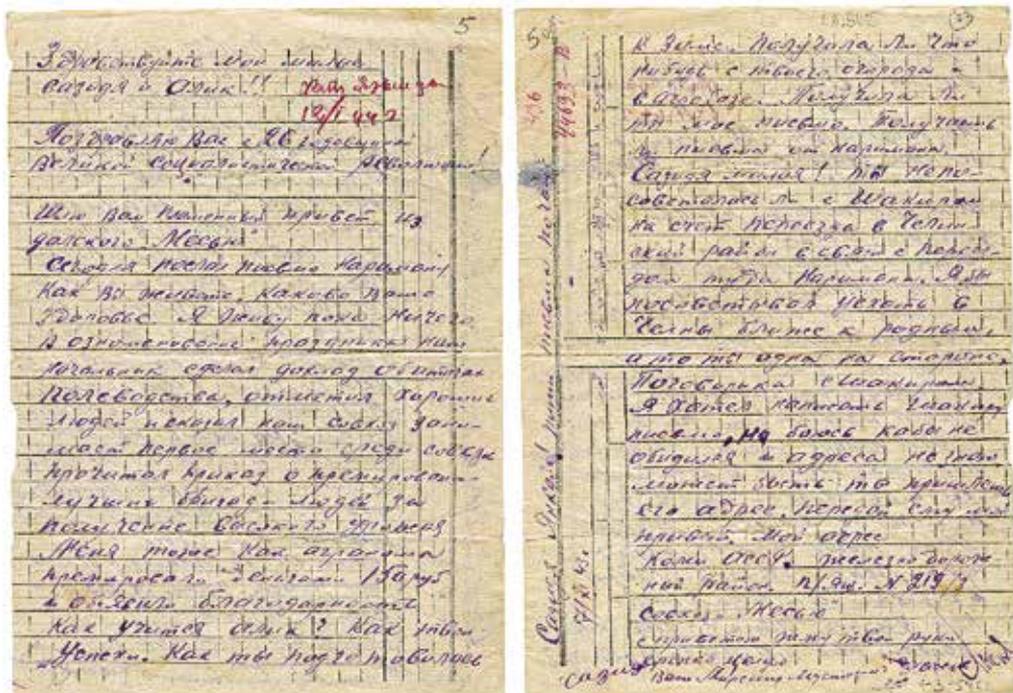
16-летний школьник ПАВЕЛ ГУСЕВ был арестован летом 1941 года за то, что в письме к Сталину пожаловался на трудную жизнь переселенцев в совхозе Северного Казахстана. Как только ему исполнилось 17 лет, его отправили в Тагиллаг. Отец в это время находился на фронте. «Писем от него, – вспоминает П. И. Гусев, – я не получал, а от матери редко. Как потом выяснил, они писали. Просто до меня письма не доходили».

Однако уже в 1942 году началось постепенное восстановление (в разных лагерях в разное время) прежнего режима, сначала получения посылок, потом и переписки.

Е. И. ЯБЛОКОВ в июле 1943 года из Каргопольлага сообщает родным: «Вчера нам, наконец, объявили, что “58 статья” [т. е. осужденным за контрреволюционную деятельность] разрешается отправлять по одному письму в три месяца».

Но эти нормы действовали не везде. В 1943 году были созданы каторжные лагеря, специальные лагерные подразделения для так называемых «немецких пособников» – граждан, обвиненных (зачастую несправедливо) в сотрудничестве с оккупантами и осужден-

¹ Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль, 2000. № 6. С. 109.

Письмо М. М. Хасанова. Коми АССР, 1944

«Здравствуйте, мои милые Сазидя и Алик!! <... > Как Вы живете, каково Ваше здоровье. Я живу пока ничего. <... > Мой адрес: Коми АССР, Железнодорожный район, п/ящ. № 219/3. Совхоз Месью. С приветом жму твои руки, крепко целую, Ваш Мирсаид Мустафович Хасанов».

ных на 15–20 лет каторжных работ. Таких заключенных предписывалось содержать в изолированных зонах, в запертых бараках с решетками на окнах. На лагерной одежде – нашивка с личным номером заключенного. Они направлялись на особо тяжелые работы, для них устанавливался 10–12-часовой рабочий день. Для переписки также были особо строгие правила. В первый год пребывания в лагере каторжане лишались права писать письма, хотя могли получать их. Впоследствии начальник лагеря мог разрешить переписку.

В «Инструкции о порядке содержания осужденных к каторжным работам в лагерях НКВД» от 5 июня 1943 года¹ указывалось:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 135. Л. 171–172.

После отбытия годичного испытательного срока наказания разрешается для всех хорошо работающих и ведущих примерно себя в быту, соблюдающих лагерный режим, — распоряжением начальника лагеря, — установить выдачу денежных премий, переписку с родственниками, полученные посылки, чтение книг и газет.

Правила переписки, установленные инструкцией 1939 года, были несколько смягчены новой инструкцией, введенной Приказом МВД СССР № 0190 от 27.03.1947.

Впрочем, для осужденных по 58-й статье смягчение было недолгим — в 1948–1950 годах значительная часть из них была переведена в новообразованные «особые лагеря», где режим, в том числе и режим переписки, был гораздо более жестким, чем в обычных ИТЛ.

21 февраля 1948 года Сталин подписал Постановление Совета Министров СССР № 416-159сс¹, предусматривающее создание в системе МВД Особых лагерей («особлагов»).

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 2. Д. 8. Л. 98.

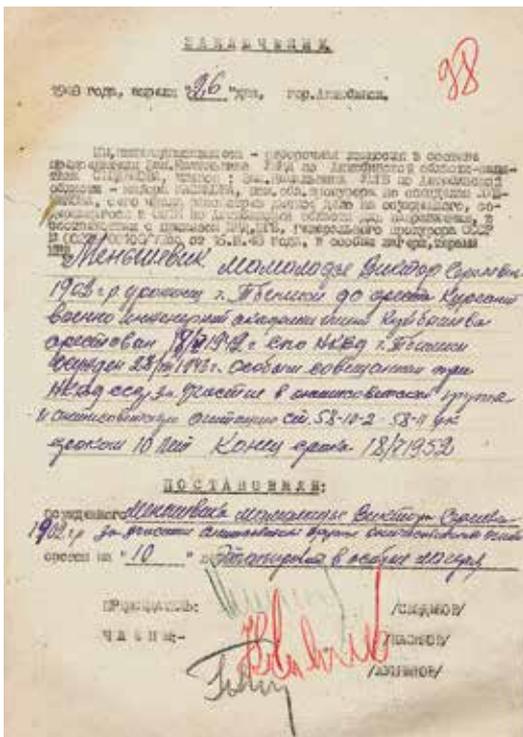
...Для содержания осужденных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности.

В особлагы направляли как вновь осужденных, так и заключенных из обычных ИТЛ.

Режим в особлагах приближался к тюремному. Как и осужденные на каторжные работы, заключенные особлагов должны были носить одежду с нашитыми на нее номерами, бараки запирались на ночь, окна в них были зарешечены. Заключенных предписывалось использовать «преимущественно на тяжелых физических работах под усиленной охраной».

По сравнению с другими ИТЛ в особлагах был резко ужесточен и режим переписки: письма можно было получать только от родственников, сами же заключенные имели право отправлять только два письма в год.

Заключение о переводе осужденного в Особый лагерь Актюбинстрой, 1948

«Заключение

1948 апреля 26 дня. Актюбинск

Мы, нижеподписавшиеся — отборочная комиссия в составе председателя зам. начальника УМВД по Актюбинской области — капитана Сыздыкова, членов: зам. начальника УМГБ по Актюбинской области — майора Максимова, пом. обл. прокурора по спецделам Лушников, сего числа рассмотрев личное дело на осужденного, содержащегося в ОИТК по Актюбинской области, для направления, в соответствии с приказом МВД, МГБ, Генерального прокурора СССР № 00279/00108/72сс от 16.III.48 года, в особые лагеря, тюрьмы МВД.

Постановили:

Осужденного меньшевика Мамаладзе Виктора Сергеевича 1902 г.р. за участие [в] антисоветской группе [и] антисоветской агит[ации]сроком на 10 лет этапировать в особые лагеря».

Со второй половины 1930-х годов всё более редкими становились случаи, когда письмо домой разрешалось в виде поощрения. Но всё же такие случаи бывали. Бывший начальник цеха завода «Серп и Молот» П. М. Сидоров-Шестёркин (Тайшетлаг, сентябрь 1953) рассказывал: «Это внеочередное письмо (вместе с благодарностью с занесением в личное дело) мне разрешили за выполненную для местной выставки художественную резьбу по дереву».

Книжка отличника Ф. М. Немченко.
Темлаг, 1942

«За активное участие в трудовом соревновании и за выполнение производственного плана поощрить двумя внеочередными письмами».

Как доставлялись письма в лагерь?

В лагерных управлениях и лагерях существовала почтово-посылочная экспедиция. Пришедшие письма регистрировались в специальной ведомости, на каждом почтовом отправлении указывался номер лагерного подразделения, где находился заключенный. По инструкции корреспонденция должна была выдаваться через 2-5 суток (столько времени отводилось на проверку ее цензурой). В том случае, если адресат был переведен в другой лагерь, письмо должно было последовать за ним не позднее чем в трехдневный срок. Ну а если получатель писем умирал в лагере (что, как известно, случалось нередко), почтовые отправления (письма, денежные переводы, посылки) возвращались с отметкой «убыл» без каких-либо объяснений. Писать «умер», «бежал» или «освобожден» запрещалось.

Вернувшееся письмо на имя В. В. Левитского с отметкой «убыл». Сиблаг, 1937

Адрес лагеря состоял из двух частей: названия населенного пункта и условного кода, так называемого «почтового ящика». Например: Коми АССР, Железнодорожный район, п. Вожаель, п/я 243/8. Это значило, что заключенный находится в 8-м лагпункте Усть-Вымского ИТЛ, управление которого располагалось в поселке Вожаель в Коми АССР и имело условный «почтовый ящик» № 243.

Иногда номера лагпунктов обозначались не цифрами, а буквами. В воспоминаниях заключенный Минлага С. П. Шур так расшифровывает лагерный почтовый код: «Наш лагпункт получил свой почтовый адрес – “почтовый ящик № 388-16-Д”. Буква “Д” – это пятая буква алфавита. Следовательно, ею обозначен наш пятый лагпункт. Число “16” нам тоже было нетрудно разгадать. Абезьское лаготделение носило 16-й номер. И, наконец, число “388” – это номер нашего Минлага, имеющего управление на Инте и свои лаготделения с их лагпунктами на двести километров вдоль Печорской дороги».

Раздача писем заключенным в разных лагерях происходила по-разному.

На Печоре, где отбывал срок Л. Г. Мищенко, этот процесс, по его словам, происходил так: «Заключенные с легкими статьями, которые имели возможность выходить за зону, допускались до центральной вахты. Там они получали письма на всех нас, сколько там нас было, порядка тысячи человек, приносили в канцелярию и кричали: “Письма!” И все дневальные из всех секций, барачков приходили в канцелярию и получали от этого человека, принесшего корреспонденцию, письма, адресованные подопечным из их блоков, секций барака. Дневальный брал письма и приносил нам. Это происходило 2-3 раза в месяц».

Получение писем во многом зависело и от расположения лагерной администрации.

Узник Ухтпечлага Н. А. Глазов вспоминал: «Был в оперотделе молодой приветливый работник, с необычным для оперработника характером. Однажды он вызвал меня и сказал, что на мое имя получено письмо. Дать мне его он права не имел, поскольку переписка еще была запрещена. Он мне его прочел вслух. В нем говорилось с подробностями, что семья моя выслана в Среднюю Азию, и был дан адрес. Подписано оно было каким-то чужим женским именем. Так при запрещенной переписке я узнал, что семья выслана, и ее адрес».

Как долго шли письма?

Для заключенных, считавших дни от письма до письма, получение почты было одним из самых волнующих событий в лагерной жизни.

Понятно, что сроки доставки почтовой корреспонденции часто зависели от места расположения лагеря, сроков навигации, погоды и т. п.

Из письма С. А. Тайца (бухта Нагаево, декабрь 1938): «Навигация заканчивается. Но, может быть, я смогу прислать еще одно письмо, если пойдет пароход». В. Ф. Бромберг (пересыльная тюрьма, Владивосток, май 1941): «Я жду, жду твоих дорогих писем. Пришел пароход и привез около миллиона писем, я надеюсь, что и мне есть. Я так истосковался по твоим письмам!»

Но доставка корреспонденции в лагеря определялась не только «географическим фактором». Она зависела и от того, насколько быстро письма будут рассортированы в почтовых отделениях по месту получения, как скоро просмотрит их лагерная цензура, от того, проверяют ли их – уже после цензора – в лагерном «оперчекотделе» (известно немало случаев, когда письма там оседали надолго или навсегда), а подчас – от малопонятных причин, которые ни отправители, ни получатели объяснить не могли.

А. Ф. Вангенгейм (Соловки, Белбалтлаг, декабрь 1934): «Снова нет писем. Очевидно, кому-то надо усиливать наши страдания. Обидно, больно, и не только за себя, но что сделать с фактами – писем нет и нет. И полное бесправие добиться тех писем, которые ты, очевидно, пишешь».

В. В. Левитский (Сиблаг, апрель 1933): «Жаль, что мои письма не доходят до тебя; последнее время писал исключительно открытки, все равно не доходят и открытки, и такие жалобы идут от очень многих. Путь открытки – равен 15-17 дням; путь письма еще дольше и, как следует из разговоров заключенных, очень неодинаков; все дело в продолжительности лежки письма на проверке».

Е. И. Яблоков (Каргопольлаг, декабрь 1938): «Почта работает очень хорошо, и наш начальник охраны, ведающий корреспонденцией, успеваешь проверять быстро и сдает почти без задержки». Он же (сентябрь 1939): «Почту привезли два дня назад, а всё не раздают, т. к. предварительно регистрируют. Сперва обещали раздать сегодня в 8 утра, потом через час, наконец часов в 5-6 вечера начали раздавать и в 8 часов вечера дали письмо мне. Длинное описание, а каково ожидание!» Он же (январь 1940): «Почему нет письма – недоумеваю. Предположения мои сменяют одно – другое... Я надеюсь, что это случайность или задержка из-за более продолжительной цензуры. Знаю, что бывали и раньше случаи у отдельных лиц, что вдруг у них прерывалась переписка на месяц, два и более, ничем не объяснимая».

По инструкции переписка между заключенными различных лагерей разрешалась лишь близким родственникам. В архиве «Мемориала» имеется межлагерная переписка узницы Сиблага библиографа В. Ф. БЕРСЕНОВОЙ и ее мужа – врача Ф. О. КРАУЗЕ, который отбывал заключение в Туркмении (около г. Мары). Их письма друг другу шли с большими задержками, тщательно прочитывались цензурой, но они доходили!

Из писем В. Ф. Берсеновой мужу:

«7 марта 1944 г. Вот я расскажу тебе, как я получила твое письмо здесь. Я была больна гриппом и лежала с повышенной температурой в стационаре. Лежала тихо, думала о тебе и о детях, дремала... Вдруг входит один мой товарищ по работе. Входит быстрыми шагами, с радостным лицом и держит в руке какой-то пакетик.

– Вера Федоровна! Знаете, я получил письмо!

Садится и протягивает мне письмо. Я взглянула, и – всё исчезло перед моими глазами. Очнулась – он меня держит за руку, тормозит:

– В. Ф.! Всё хорошо! Муж вам пишет, что он жив и здоров. Придите в себя!

Открыла глаза и ничего не вижу от слез. Держу письмо, а читать не могу. Только понимаю одно – в руках у меня действительно письмо от тебя. Долго не могла понять, что ты пишешь. Я рада была, что я одна в комнате, что меня никто не видит, и я могу целовать этот клочок бумаги, к которому еще недавно прикасалась твоя рука...»

«11 июля 1944 <...> Все твои письма ко мне дошли! Разве это не чудо?!»

«Чудом» было едва ли не каждое письмо, полученное заключенным. А уж любая весточка от родного человека, томящегося, как и ты, в лагере, – чудом вдвойне.

В. Ф. Берсенева пишет мужу (июль 1945): «Ты недополучил пять писем (6 декабря, 2 января, 30 января, 6 февраля, 28 февраля). Таким образом, наша связь односторонняя – ты мне пишешь, и я получаю, а сама всё пишу впустую». Она же, из лагеря в Мариинске (сентябрь 1948): «Родной, любимый мой! Где ты?! Пишу тебе в последней крайности тревоги. Жив ли ты? Слышишь ли ты еще меня? Откликнись! Хоть бы одно слово от тебя получить! Ведь три месяца ты молчишь. Может быть, уже никогда больше не получишь письма от тебя?»

Иногда получение долгожданных писем обрывалось совершенно неожиданно. Вот как пишет об одной из таких «неожиданностей» Ф. О. Краузе В. Ф. Берсеновой (июль 1945): «Веруся дорогая, далекая, недостижимая! Дней пять тому назад я получил извещение о том, что в Мары на почте имеется для меня письмо, – надо его выкупить. Вчера я его, наконец, получаю. И что же? Оно вновь оказалось моим собственным, посланным Тебе еще давно! Опять не то слетела марка, не то ее кто-то стянул, – а я все так же остаюсь без всякой весточки от Тебя уже больше полгода».

Время в пути и доставка корреспонденции зависели также от почтового тарифа, по которому оплачивалось письмо, то есть от наклеенной на конверт марки. Выйдя за пределы лагеря, письма заключенных шли среди миллионов других, подчиняясь общим правилам почтовых отправок.

Теоретически скорее должны были доходить авиаписьма и самые быстрые – «спешные», которые принимались вне очереди, отправлялись первым же поездом или самолетом и доставлялись адресату немедленно. Правда, так бывало не всегда. Ф. О. Краузе, стараясь ускорить доставку писем к жене, посылал конверт заказной авиапочтой и позже горько сетовал, что письмо шло месяц,

Конверты лагерных писем «авиа» и «спешной» почты

и добавлял: «Не советую писать авиапочтой; только лишний расход» (16 января 1949).

Но нередко письма отправлялись и вовсе без марки. В этом случае доставку должен был оплачивать получатель, и это иногда казалось более надежным, чем отправка писем по самым высоким тарифам.

В. В. Левитский (Сиблаг, январь 1935): «Ты мне можешь писать без марки, а наверху вместо марки пиши «доплатное»; мы освобождены от доплаты, но зато оно идет как заказное и выдается под расписку, так что на марки не расходишься и пиши без марки».

Л. Г. Мищенко (Севжелдорлаг, июнь 1946): «На доплатных письмах наши почтовые комбинаторы зарабатывают втрое и потому относятся к ним бережнее».

Существовал еще один, самый быстрый способ доставки, не зависящий от погоды и транспорта, – телеграф. Зато он был и самый дорогой. И не везде можно было им воспользоваться.

«Я решил теперь пробовать чаще посылать тебе телеграммы, хотя это далеко не зависит от моего желания. И ты время от времени

Телеграмма в Карлаг. 1945

Открытка в Карлаг. 1944

телеграфируй – телеграммы доходят хорошо, несравненно лучше писем», – пишет В. Ф. Бромберг жене с Колымы (Севвостлаг, май 1940) и через три месяца (август 1940) в другом письме добавляет: «Телеграфируй тоже почаще, я понимаю, что это всё расходы, но что же делать».

Ограничения, менявшиеся со временем, касались не только количества писем, но и их объема, содержания и оформления. Об этом сообщает жене заключенный Севвостлага В. Б. МАТУСЕВИЧ (1939): «Еще раз пишу о порядке написания писем: 1) должен быть записан обратный адрес; 2) никаких вложений, кроме письма (можно фотокарточки). Письма пиши мне не очень длинные. Письмо должно быть размером почтового листа, но не обязательно на бумаге, специально приготовленной для почтовых писем. <...> Ты спрашиваешь относительно посылки фотокарточки. Да, карточку

посылать можно, только она должна быть без картонки, другими словами, одна светочувствительная бумага. И не стоит посылать заказным письмом – вложи карточку в простое коротенькое письмо, думаю, что карточка много места в конверте не займет, не увеличит и его вес. Поэтому дойдет и простое письмо».

Сведения В. Б. Матусевича о «правилах» для писем в лагерь дополняют свидетельства других заключенных из разных лагерей.

Е. И. Яблоков (Каргопольлаг, июль 1942): «Мое июньское письмо к вам вернулось ко мне, т. к. было в нем по две страницы каждому из вас, а всего восемь; цензор вернул мне его с запиской, что нельзя писать больше 4-х страниц». Он же (декабрь 1942): «Письмо, написанное мной тебе от 18.XI – не послал – написано было на бланке, за отсутствием бумаги, и оказалось, что его послать нельзя».

Н. Ф. Одолинская (Норильлаг, апрель 1949): «Дорогая мама, не присылай мне пока никаких фотографий, нам запретили их держать, не отдают на почте и отбирают, если найдут».

В. Ф. БЕРСЕНЕВА (Сиблаг, апрель 1948): «Никогда не вкладывай в письма марок для меня. На всякий случай предупреждаю, что это категорически запрещено – я лишусь писем».

Чем, на чем и как писали?

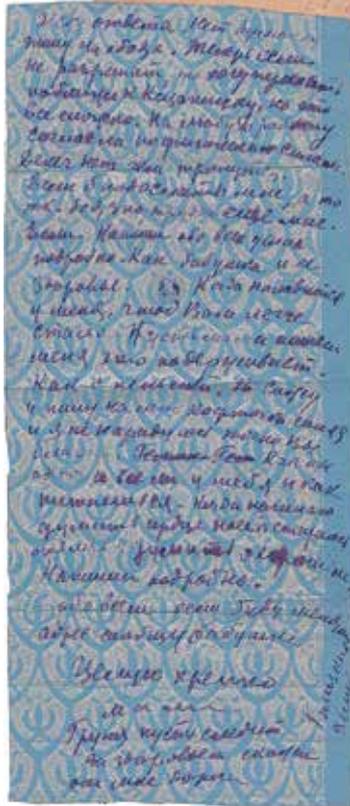
Режимно-административные ограничения переписки были далеко не единственным препятствием. Первая трудность, которая возникала перед заключенным, – на чем написать письмо на волю? Бумаги не было. Не случайно просьба о присылке листов бумаги среди просьб заключенных в письмах к родным повторяется особенно часто.

Е. И. Яблоков (Каргопольлаг, июнь 1938): «Родная, милая жена моя Нина, пишу тебе письмо по необходимости короткое, т. к. мало бумаги. С трудом достал этот клочок бумаги для письма». В. А. ВОРОБЬЁВА (Темлаг, октябрь 1939): «В каждом письме я вас прошу прислать мне конвертов и бумаги, а то совсем не на чем писать».

Из «Воспоминаний» научного сотрудника Биохимического института В. Д. УСПЕНСКОЙ (Темлаг, 1939): «У нас не было никакой возможности писать – ни бумаги, ни карандашей нам иметь не полагалось. Пытались обойти эти трудности – научились аккуратно обдирать бересту со свежих березовых бревен и писать на мягкой стороне бересты острым камешком».

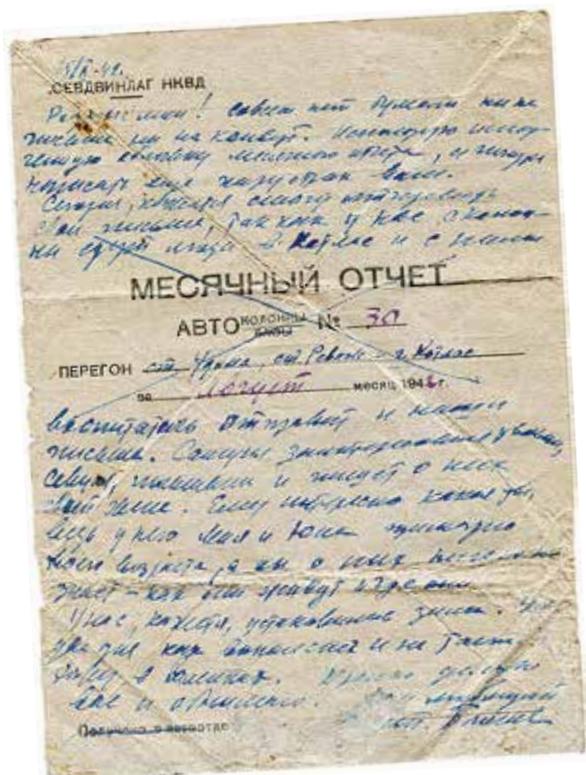

Почтовая карточка на бересте. Сиблаг, 1933

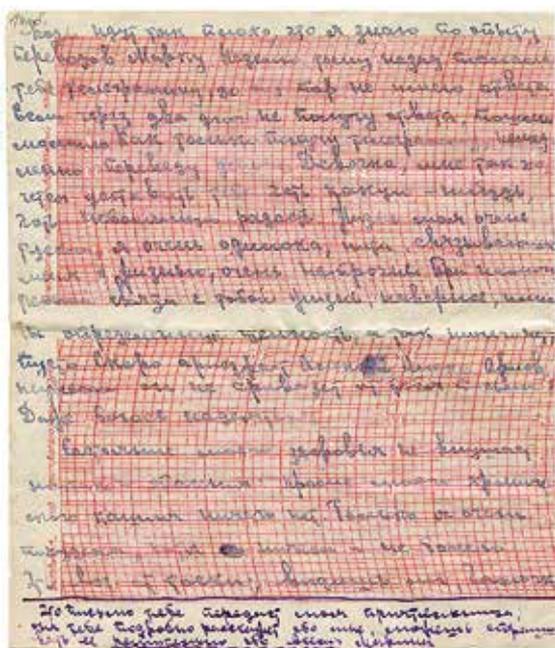
Конверт и письмо Е. П. Левиной-Розенгольц, написанное на обоях. Красноярск, 1950

«Жду ответа. Нет бумаги, пишу на обоях. Теперь если мне разрешат, то хочу переехать поближе к Казачинску, но это все сложно. На любую работу согласна по физическим силам...»

Письмо С. Г. Боголепова дочери; написано на бланке отчета автоколонны. Севдвинлаг, 1942

«Родные мои! Совсем нет бумаги ни на письма, ни на конверты. Использую испорченную обложку месячного отчета, и [нрзб] написать еще пару строк вам. Сегодня, кажется, смогу отправить свои письма, так как у нас с колонны едут люди в Котлас и с ними воспитатель, отправить и наши письма...»

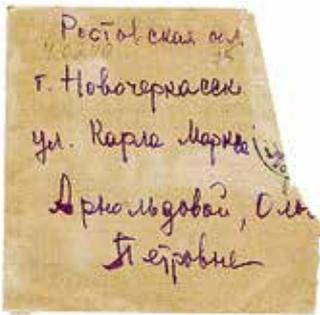
Письмо М. М. Свиридовой на бланке для кардиограммы. Магадан, 1946

В. Ф. БЕРСЕНЕВА (Тайшетлаг, октябрь 1943, из письма детям):
 «Мне почти ничего не нужно. Если сможете, пошлите мне маленькую посылку. Вложите туда, прежде всего, бумаги, чтоб я могла писать вам, и пару карандашей. Бумаги у меня нет, и я больше не могу писать».

Н. Ф. ОДОЛИНСКАЯ (Горлаг, апрель 1949, из письма к матери):
 «Бумагу лучше присылай тетрадами, но можно и белую, только она быстрее расходуется. Здесь бумагу достать трудно, пишут на оберточной».

Однако посланная родственниками бумага до адресата доходила не всегда.

Л. Г. МИЩЕНКО (Севжелдорлаг, январь 1949): «Ни марки, ни лист бумаги, как и во всех почти прежних письмах, не попали ко мне, поэтому лучше их не посылать».

Лагерные конверты из тетрадной страницы, ведомости и газеты

Конверт доплатного письма В. Малагуши, сделанный из упаковки курительной бумаги. Курган, 1939

Вторая проблема – чем писать? Карандашей не было. Перьевых ручек тоже. По словам Е. И. Яблокова, посланные в посылках перья отбирали: «...Ими можно делать уколы – для татуировки, которая здесь действительно распространена; но у воровской публики, а не у политических». Нельзя было посылать и химические карандаши.

В постоянном дефиците были марки и конверты.

Из воспоминаний инженера-металлурга Ф. И. Витенза: «После Соловков в Норильске появилась возможность написать семье и сообщить свой новый адрес, но у меня не было денег на марку и конверт. Пришлось свой хороший пиджак продать уркам за три рубля. Нормальная стоимость пиджака была 250 рублей».

Из письма Е. И. Яблокова жене (июль 1938): «Спасибо за конверты; послал маме вчера письмо без марки, почти все конверты вышли; пришлось поделиться с другими, это самая дефицитная вещь у нас».

В воспоминаниях заключенных рассказывается об условиях, в которых им приходилось писать письма на волю.

Р. Г. ДМИТРИЕВА (лагерь Орлово-Розово, Сиблаг): «Письма мы писали домой только ночью, при коптилках, сделанных нами в баночках из консервов».

Самодельные конверты

Почему переписка могла прекратиться?

Переписка могла оборваться в любой момент.

Заключенных нередко переводили из одного лагеря в другой. В какой – они не знали.

Из письма начальника железнодорожной академии М. Г. Люленецкого, отправленного жене из лагеря в Архангельской области в 1944 году: «Сегодня мне объявили, что я еду на этап. Думаю, что поедем на Дальний Восток или в Караганду, а может быть, в другое место».

Записка А. А. Ковалёва.
Бамлаг, 1938

«Милые!
Сейчас нас отправляют
неизвестно куда. С дороги
постараюсь сообщить
и сообщу по прибытии.
Чувствую себя хорошо.
Целую всех крепко, крепко».

О том, в «какое место» переводится заключенный, его родственникам не сообщали. На вопросы семьи – куда его увезли, где искать, следовал трафаретный ответ: убыл такого-то числа.

Конверт с надписью
«Адресат убыл
неизвестно куда».
Мурманская обл., 1946

Родным приходилось искать самим, но нередко они получали такие же ответы, как Н. Д. Иванов из Запорожья, искавший своего отца: «На ваше письмо от 14 марта с. г. сообщаем, что ваш отец Иванов Дмитрий Никитович в Ивдельлаг не прибывал и не содержится».

Бывало и так, что родные из страха отказывались вести переписку с заключенными. Долгожданное письмо из дома не всегда приносило радость. Узник Севвостлага А. М. Зелёный вспоминал о горьких минутах: «В лагере я мог отправить письмо, но нужна была марка. Я выменивал марку на пайку хлеба, а сам в этот день был голоден, сидел на баланде. Послал несколько писем, но на них не получил ответа. Наконец получил одно письмо. В нем жена мне написала, чтобы я больше ей не писал. Что я и так причинил ей много бед, а мои письма ей могут принести еще беду».

Были и другие веские причины прекращения переписки.

Заключенные трудно приспособлялись к лагерным условиям жизни, работы, режима, быта. Часто они просто не имели возможности писать.

Л. Г. Мищенко (Севжелдорлаг): «Три месяца я был в таких условиях, когда вообще писать ничего невозможно. Я работал на общих работах, приходил мокрый, холодный, грязный, с мокрыми чулками, и писать-то негде было. На нарах темно и ничего не видно».

Порой, столкнувшись с лагерной реальностью, заключенные теряли надежду дожить до освобождения. Бывший студент Института нефти и газа Алексей Прядилов в 1945 году в Вяземлаге, наблюдая, как каждое утро из барака выносят мертвых, решил родителям не писать, «чтобы они привыкали к мысли о моей смерти».

Возможна ли была переписка заключенных внутри лагеря?

Тесное общение заключенных вызывало опасение администрации лагеря: боялись организации побегов, коллективных протестов, саботажа и т. п. Это было одной из причин частых переводов заключенных из одного лагеря в другой. Тем не менее, узники лагерей создавали землячества, заводили друзей, как могли поддерживали друг друга, а расставаясь, искали возможность дать о себе знать письмом.

Ю. Соостер. Любовный голод. Карлаг, 1950

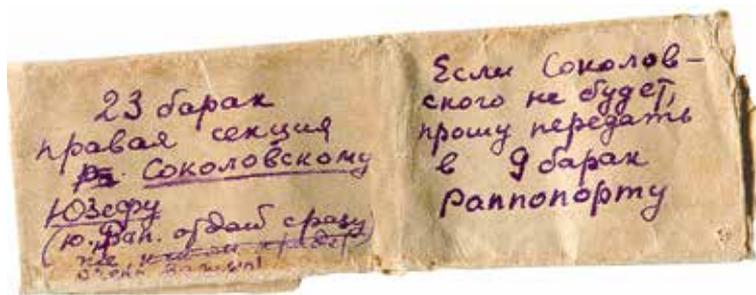
Администрация лагерей преследовала нелегальную переписку, в том числе между лагпунктами одного лагеря, в особенности строго – между мужчинами и женщинами. Любые внерабочие контакты между ними запрещались. Мужские и женские бараки разделялись двойной колючей проволокой. Как рассказывала узница Минлага К. М. МАРКМАН, в первый же день по прибытии в лагерь всех вновь поступивших женщин построили, объявили режимный распорядок и предупредили: «Самое главное – не сноситься с мужчинами. Не разговаривать через проволоку, не перекидываться записками. За нарушение – карцер».

Любовная записка. Карлаг, 1945

Запрет действовал плохо. Несмотря на угрозу карцера, такая «почта» работала бесперебойно. Записки и перекидывались, и передавались. В архиве «Мемориала» есть немало писем «от него к ней» и «от нее к нему». Знакомства мужчин и женщин на совместной работе, во время нахождения в больнице и в других обстоятельствах, случалось, перерастали в более близкие отношения. Не избежала их и предупрежденная о недопустимости «сноситься с мужчинами» К. М. МАРКМАН, чьи письма солагернику ей удалось сохранить и передать в архив «Мемориала». Вот одно из них: «Нет света, совсем темно... Мой хороший, только будь спокоен. И за меня, и за себя. Я не заболела, просто чуточку плохо себя чувствую. Если бы ты был рядом таким, каким ты иногда бываешь, всё бы прошло. Завтра отлежусь и снова буду как “ванька-встанька”. Знать бы, что и ты отдохнешь как следует! Спи, мальчишкин мой, ради Бога, спи хорошим, радостным сном. Все обязательно будет хорошо (ну, если не все, то многое)».

Записка К. М. Маркман. Минлаг, 1954

Она же рассказала, как такие письма писали и посылали: «Мы, конечно, рисковали. Если поймут с письмом, – посадят в карцер, лишат переписки с домом, получения посылок. Чаще всего такие записки передавали знакомые охранники – те, с которыми складывались хорошие отношения. Они тоже рисковали – их могли посадить на гауптвахту и даже дать срок».

Несмотря на запреты, обширная нелегальная переписка между лаготделениями существовала. Помогали работающие в лагере вольнонаемные, друзья, иногда – кто-то из дружелюбно настроенных охранников или лагерной администрации. Арестованная в 50-х годах и отбывавшая заключение в Коми АССР С. С. Печуро вспоминала, как попала в карцер за то, что надзирательница застала ее за написанием записки другу – узнику соседнего лагеря.

Но она же рассказывала, что ее друг «умудрялся» присылать ей письма из разных отделений Минлага (из Инты в Абезь), хотя, по ее словам, «это вообще было абсолютно нереально».

А вот романтическая история, о которой рассказала в своем интервью ростовчанка Ю. Н. Одинцова. В лагере ее «настигла первая и последняя любовь» – она познакомилась с молодым заключенным поляком, с которым работала в лагерной больнице. Расплатой за их встречи стал карцер и разлука: ее любимого отправили в другой лагерь, и родившегося вскоре сына он никогда не увидел. «Он написал мне письмо и сумел передать его через вольнонаемных вместе с металлическим колечком. И попросил меня его надеть в определенный день и час, когда и он наденет такое же. Этот момент я считаю своей свадьбой с единственным любимым».

Поздравительная открытка
Т. Плюйм к рождению ребенка.
Востураллаг, 1946

Надпись на обороте:
«Танюшечка моя!
Душой и мыслями я все время
с тобой и нашей человечкой.
Будь спокойна, не нервничай,
расти и корми нашего ребенка.
А я буду все время заботиться
и жить вами.
Любящий муж и отец».

ОБРАЩЕНИЯ И ЖАЛОБЫ

Следователю Н. К. В. Д.
от А. В. Носовой
камера 49.

Заявление.

Прошу вашего ходатайства
о выдаче мне одежды т. к. я
во время ареста была выдана
во одном платье, известу-
лась и боюсь.

А. Носова.

5/11-37г.

Заявление следователю
от арестованной А. В. Носовой.
Москва, Бутырская тюрьма,
1937

Могли ли заключенные и их родственники обращаться в высшие инстанции?

Большинство арестованных считали случившееся с ними нелепой ошибкой. Естественно, они пытались жаловаться и на несправедливость обвинений, и на методы следствия. Формально они имели на это право.

В «Положении о тюрьмах Главного управления государственной безопасности НКВД СССР для содержания подследственных»¹ (март 1937) говорилось:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 14. Л. 43.

Каждый арестованный имеет право подавать заявления и жалобы.

Начальник тюрьмы был обязан принимать такие обращения не реже 1 раза в декаду. В Положении отмечалось также, что:

...жалобы на действия администрации тюрьмы могут быть поданы в заклеенных конвертах и немедленно направляться по назначению.

На деле же администрация тюрем и следователи старались всячески препятствовать тому, чтобы жалобы выходили за пределы тюрьмы: не выдавали бумагу и карандаши, изымали их при обысках в камерах, наказывали заключенных карцером за любые попытки связаться с волей, пока не закончилось следствие.

Тем не менее, заключенные старались найти способы написать и передать жалобу вопреки тюремным запретам.

Сотрудник Наркомата путей сообщения А. М. Зелёный был арестован в 1938 году. Пройдя в Бутырках через череду ночных допросов и жестоких избиений, он во что бы то ни стало решил написать письмо Сталину. Способ придумал такой: «Нам ежедневно давали маленький кусочек бумаги для туалета. Его надо было использовать по назначению, и надзиратель проверял, а потом спускал воду в уборной. Я делал так. Мы получали 10 папирос. Я вынимал бумагу из мундштука окурка и опускал ее как туалетную, а туалетный квадратик оставлял у себя. За четыре дня я сшил три листочка. А с допроса, где дописывал показания, унес с собой кусочек грифеля от карандаша. Начал этим грифелем писать по»

смертное письмо на имя Сталина. Я в этом письме (которое, кстати, сохранилось в личном деле допроса как один из обвинительных материалов) написал о методах допроса. Написал, что я не виноват и умираю коммунистом. За эту попытку я был наказан на 10 суток строгого изолятора».

О такой же попытке, предпринятой в луганской тюрьме группой заключенных, рассказал в своих воспоминаниях о 1938 году учитель И. С. Эндерберя: «Зная о многих издевательствах над арестованными, мы [с сокамерником] написали письмо в Москву К. Е. Ворошилову. Письмо я написал на батистовом платочке химическим карандашом, так как нам бумаги не давали». Письмо И. С. Эндерберя сумел нелегально передать на волю, но результат был совсем не тот, на который надеялись заключенные. Письмо дошло, из Москвы прислали комиссию, но после ее отъезда автор письма в наказание был заключен в одиночную камеру.

Не дожидаясь окончания следствия, писали в «инстанции» и родственники репрессированных.

Из письма В. И. Примаковой (матери заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа) главному военному прокурору СССР Н. С. Розовскому: «Я приехала в Москву повидаться с сыном и узнала, что 15 августа 1936 года он, по-видимому, был арестован, так как со службы не вернулся, а ночью на его квартире был произведен обыск. С тех пор, несмотря на все попытки, его домашние не могли о нем ничего узнать. В комендатуре НКВД справку дать отказались и направили по месту службы, т. е. в штаб ЛВО. Там тоже официальной справки не дали, а косвенно дали понять, что Примаков как бы значится в командировке. Все это заставляет меня обратиться к вам с просьбой удовлетворить мое законное право матери – узнать, где мой сын и что с ним. Если он арестован, я хотела бы знать, в чем он обвиняется... если же он не арестован, то где же он. Очень прошу Вас не задерживать ответ, так как я не могу дольше оставаться в Москве и не могу уехать, не узнав о судьбе сына»¹.

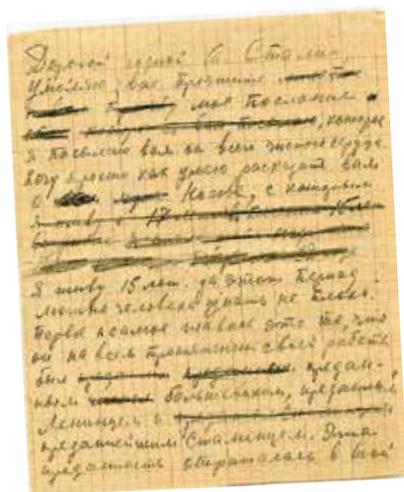
Многие писавшие «наверх» родственники были убеждены, что «произошла трагическая ошибка», что их близкий человек ни в чем не виноват. Задавая вопросы сотрудникам ОГПУ–НКВД–МГБ, за что арестовали их отца, мужа, сына, они, как правило, получали устный ответ: «Следствие разберется». Не удовлетворенные такими ответами, многие тут же начинали писать в «высшие инстанции», и прежде всего, «лично товарищу Сталину».

¹ «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи: Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / Сост. Н. С. Черушев. М.: Звенья, 2001. С. 231.

Из воспоминаний Д. Э. Тубельской, дочери заместителя управделами Наркомфина Э. Я. Кадика, арестованного в 1939 году: «На вопрос, в чем мой отец обвиняется, мне отвечали, что ордер [на арест] подписан самим Берия, значит, были веские основания для ареста. Приговор станет известен лишь после окончания следствия, а когда оно закончится, никому не известно. У меня была навязчивая мысль, что я как-то должна сообщить о случившемся Сталину. Я была убеждена, что он поймет и восстановит справедливость – вернет мне отца. Я даже отнесла Сталину письмо в проходную Кремля. Ответа, естественно, не дождалась».

Наивная вера в Сталина, который, узнав о беззаконии, «во всем разберется», была сильна в массовом сознании. Э. Ю. Барит вспоминала, как ее муж, молодой инженер-автомобилист, воспринял в 1937 году арест коллеги по строительству Турксиба: «Когда я сообщила мужу эту страшную новость, он побледнел, горько усмехнулся: “Потихоньку весь Турксиб подбирают”. Миша уселся за письменный стол, долго-долго что-то писал, потом дал мне запечатанный конверт: “Если меня арестуют, отнеси это письмо в приемную Сталина”. На конверте было написано: “Иосифу Виссарионовичу Сталину”. Мишу арестовали в ночь на 30 апреля, и 3 мая я письмо отнесла. Как я верила, что Сталин разберется!» Через несколько месяцев она сама была арестована.

Основная масса писем начинала идти после вынесения приговоров. Оказавшись после следствия в лагере, заключенные получали формальное право обращаться с заявлениями о пересмотре своего дела, об изменении приговора и т. п.

Черновик письма
И. В. Сталину от
жены заключенного.
Москва, 1937

«Дорогой родной т. Сталин, умоляю вас прочтите мое послание, которое я посылаю вам от всего чистого сердца. Хочу просто как умею рассказать вам о Носове, с которым я живу 15 лет. <...> Он на всем протяжении своей работы был преданным большевиком, преданным ленинцем и преданнейшим сталинцем. <...> 26-го ночью его арестовали, за что, я совершенно не могу понять, не иначе как негодяи что-либо нагнали на него. <...> Дорогой т. Сталин, прошу вас, уделите хоть чуточку внимания к его делу, и вы убедитесь, что он нужный вам человек. Ведь он может погибнуть ни за что».

Женщины, которые были арестованы вслед за мужьями по статье ЧСИР, первое время были лишены права переписки. Однако жалобы и заявления им писать разрешали.

Из воспоминаний Г. М. Паушкиной (Темниковский ИТЛ): «До июня 1939 года нам не разрешали писать домой, зато писать заявления в инстанции нам разрешали столько, сколько мы хотели, хоть каждый месяц. И мы писали. Для этого нам давали бумагу и ручки. Помню свое длинное и, вероятно, сумбурное письмо-заявление, которое я написала самому И. В. Сталину. Ему я выкладывала всю свою душу, все недоумение и отчаяние».

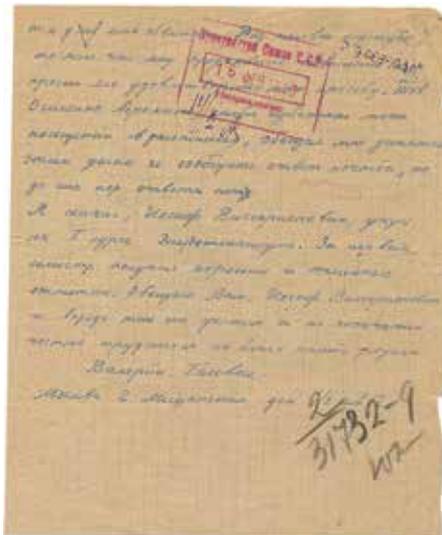
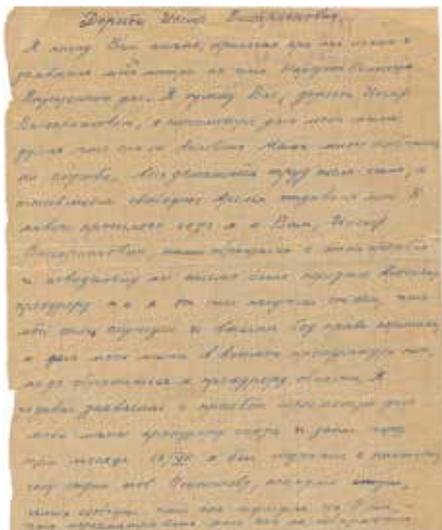
Осужденные и оставшиеся на воле родственники писали депутатам Верховного Совета СССР, членам правительства, в приемную М. И. Калинина, в ЦК ВКП(б), наркому НКВД, прокурору СССР и, конечно же, «товарищу Сталину».

Извещение
о регистрации письма
в секретариате
И. В. Сталина. 1939

Из воспоминаний жены художника Г. Г. Филипповского (заключен в Соликамский ИТЛ в 1939 году): «Чуть ли не в каждом письме уговариваю Гришу писать заявление о пересмотре дела. Писать

Сталину. Многие вначале думали, что репрессии совершаются без ведома Сталина. Это была последняя зацепочка. Нужно, чтобы ОН узнал. Тогда разберутся... Гриша написал заявление Сталину, потом Берию. <...> Он прислал мне свое заявление. Я в это время мучительно соображаю, кому, через кого мне вручить заявление самому Сталину, чтобы быть уверенной, что оно дойдет до адресата? Тогда, наверное, Гриша вернется...»

Письмо И. В. Сталину от Валерия Гольвека с просьбой о пересмотре дела матери. Москва, 1940

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я прошу Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, о пересмотре дела моей мамы, думая, что она не виновата. <...> Я подавал заявление с просьбой о пересмотре дела моей мамы прокурору Союза... был назначен к начальнику спец-отдела тов. Осипенкову, который лишь сообщил, что она осуждена на 8 лет и что пересматривать дело они не собираются... Тов. Осипенков, вероятно, чтобы избежать моих посещения в дальнейшем, обещал мне заняться этим делом и сообщить ответ почтой, но до сих пор ответа нет.

Я сейчас, Иосиф Виссарионович, учусь на 1 курсе энерготехникума.

За первый семестр получил хорошие и отличные отметки.

Обещаю Вам, Иосиф Виссарионович, и впредь так же учиться и по окончании честно трудиться на благо нашей родины.

Валерий Гольбек».

Е. В. Соколова-Бартеньева (Темниковский ИТЛ, 1939) сохранила письмо сына, писавшего ей в лагерь: «Здравствуй, дорогая мама! Я хочу послать в Москву второе заявление Сталину. На первое ответа не было. Но я еще напишу тебе обо всем, что было и что будет. Привет, мама, всем честным, всем чистым людям – друзьям твоим...»

Письма в основе своей были похожи: писавшие взывали к справедливости, уверяли в невиновности, в преданности коммунистической партии и социализму, просили о пересмотре дела, дать возможность доказать свою нужность Родине. И, конечно же, сообщали о противоправных методах следствия, бесчеловечных условиях содержания.

З. И. Федько была арестована в июле 1938 года вслед за мужем – первым заместителем наркома обороны Иваном Федоровичем Федько. До отправки в Тайшетлаг находилась во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Оказавшись в лагере, она пишет жалобу прокурору СССР М. И. Панкратьеву: «На 1-м же допросе мне предъявлялись самые жуткие обвинения, что я типичная шпионка, что я работала на иностранную разведку, что я более жуткий враг, чем Федько. Мне следователь Иванов на 2-м допросе заявил: “Мы вам создадим такие условия, что вы не увидите белого света, от вас мы не оставим и мокрого места”. Не выдержав всех этих переживаний, я решила покончить жизнь самоубийством. <...> После попыток к самоубийству я была посажена в душный карцер на несколько суток. <...> Я находилась на грани безумия, об этом великолепно знал и начальник тюрьмы, и следователь Иванов, и, несмотря на это, меня упорно продолжали держать в этом карцере»¹.

Инженер В. Р. Расс был объявлен «участником антисоветской фашистской группы», обвинен в «систематической антисоветской пропаганде» и получил 8 лет лагерей. Находясь в ИТЛ Соликамбумстроя, он трижды пишет прокурору СССР. Из его заявления от 5 июня 1939 года: «Несмотря на чудовищные, многосуточные издевательства, побои и другие резкие физические меры воздействия, применявшиеся ко мне во время допроса, я категорически отрицал все предъявленные мне обвинения, т. к. ни в чем виноват никогда не был. Доведенный методами следствия до состояния полной физической невменяемости и видя, что угрозы следателя забить меня до смерти могут оправдаться, я согласился подписать все, что он требовал от меня, надеясь, что на суде я смогу доказать

¹ «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи: Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / Сост. Н. С. Черушев. М.: Звенья, 2001. С. 287.

свою невиновность. <...> Не считаю себя ни в чем виноватым перед Родиной и Советским правительством, еще раз прошу Вашего указания о пересмотре моего дела».

В архиве «Мемориала» много писем из лагерей женщин (чаще всего – жен «изменников родины»), которых разлучили с детьми. Это горе было главным в их обращениях к высшим руководителям.

Из письма Ф. Т. Тухарели И. В. Сталину: «17 апреля 1937 года был арестован мой муж – быв. комдив Георгий Александрович Тухарели, описали вещи, выгнали из квартиры, а спустя семь месяцев самое страшное и худшее, что случилось, – это арестовали меня как жену мужа. Моим арестом я потеряла все, вырвали у меня моих двух дорогих сыновей Отара 16 лет и Гиви 6 лет, отняли у меня материнство, и я как сумасшедшая нахожусь в лагерях. Не вижу дорогих мальчиков, не слышу их голоса. <...> Дорогой, чуткий любимый Вождь, вся надежда только на Вас, на Вашу чуткость – услышите меня и верните невинную мать к своим мальчикам. <...> Отец родной, верните меня к сыновьям, дайте возможность их воспитать советскими людьми, и я спокойно тогда умру»¹.

О том, как приходилось «стучаться» во все инстанции в поисках детей, свидетельствуют хранящиеся в архиве «Мемориала» письма М. М. Ильиной, жены репрессированного секретаря Киевского обкома ВКП(б). Арестованная как ЧСИР, она отбывала срок заключения в Барашевском ИТЛ (Мордовия). В семье было трое детей. Старшего, 16-летнего Володю, арестовали вместе с матерью и тут же разлучили. Младших, 6-летнего Феликса и 3-летнюю Марину, отправили в разные детские дома; в какие и куда – матери не сказали. Все годы заключения М. М. Ильина искала своих детей.

Из письма М. М. Ильиной начальнику Управления Трудовых исправительных лагерей НКВД: «Уже скоро шесть лет как я разыскиваю своего сына – Ильина Владимира Ильича, 21 года, арестованного за отца как члена семьи в 1937 г. В октябре 1942 г. истекает срок его освобождения. Но за все шесть лет я не получила от него ничего. По справкам из НКВД СССР мне сообщили, что его послали в Караганду в Труд.-исправ. лаг. Оттуда мне сообщили, что его переслали в бухту Нагаево ДВК, а оттуда в Сиблаг, город Мариинск. А из Сиблага на мой запрос мне сообщили, что его там нет. Где же мой мальчик, где мой сын, который переносит такое наказание? Если б я знала, что он, отбыв срок, направлен на фронт, и даже если он там погиб, то у меня не было б такого отчаяния.

¹ «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи: Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / Сост. Н. С. Черушев. М.: Звенья, 2001. С. 265.

Ответ Ильиной М. М.
на просьбу о розыске сына.
Сиблаг, 1939

«Мордовская АССР, п/о Явас,
гр-ке Ильиной М. М.
Сообщаем, что Ваш сын Ильин
Владимир Ильич в Сиблаге
НКВД не содержится.
Обратитесь в УИТЛК НКВД
НСО г. Новосибирска, куда
пересылаем Ваше заявление».

Я бы знала, что он там, где все юноши Советского Союза. Я прошу Вас, ответьте, может быть, есть у Вас хоть какие-нибудь сведения – где он и что с ним. Не откажите мне в моей просьбе. Неужели я так ничего и не узнаю о нем? Я еще и еще раз прошу Вас, помогите мне узнать, где мой сын».

Наконец она получила справку, что ее старший сын – в бухте Нагаево (Севвостлаг). И она пишет ему письмо, еще не зная, что в 1942 году он умер в лагере: «Дорогой мой, родной сыночек Володечка, мальчик мой любимый. Я хочу знать, где ты, что с тобой, какое твое здоровье, болел ли и как ты перенес эти мучительные горестные пять лет. Что бы я дала за одно твое письмецо. А теперь я надеюсь, крепко надеюсь, что получу от тебя ответ, и этим я живу сейчас. Я здорова, чувствую себя хорошо, для Вас, мои родные детки, я берегу себя, хочу жить для Вас и с Вами, мои любимые Вовочка, Феликс и Мариночка. Вместе проживем еще, вот увидишь, да еще как!»

Куда только ни писала Мария Марковна Ильина, разыскивая детей! В архиве «Мемориала» сохранились ее письма Г. М. Маленкову: «Я к Вам обращаюсь как секретарю ЦК, я прошу, я умоляю Вас о помощи – разыскать моего сына Ильина Феликса 1931 г. рожд. И если его найдут, то привезти в детский Дом в Темники, Мордовская АССР, поблизости от моего заключения. Я ему сумею помочь, я буду знать, где он. Неужели и это мое письмо останется без результата? Я Вас прошу, я умоляю об ответе – нет больше сил».

И, как крик последней надежды, – письмо Председателю ЦК текстильной промышленности М. М. Каганович, жене члена Политбюро: «Я к Вам обращаюсь как бывший работник текстильной промышленности (профсоюзной и хозяйственной) много лет. Может, Вы меня и помните. Я была арестована в 1937 г. как член семьи за мужа (Ильин И. Л., бывш. секретарь Киевск. обк. КП(У)). Тогда же

был арестован и мой старший сын, которому был 16-й год. Он был осужден и отправлен на Крайний Север, бухта Нагаево. Через пять лет, накануне освобождения, он умер. Но у меня есть второй сын, и об этом я молю Вас, как мать, помогите мне...» Ответа не было.

Как заключенные отправляли обращения и жалобы из лагерей?

Коллективные письма и жалобы были запрещены. Что касается индивидуальных жалоб и заявлений, то заключенные имели на них право и могли надеяться, что они дойдут до адресата.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 9. Л. 94–95.

В циркуляре наркома НКВД Генриха Ягоды¹, спущенном в 1936 году, предписывалось:

Во всех лагерных пунктах, тюрьмах и колониях вывесить специальные ящики для заявлений на мое имя и начальника ГУЛАГ. Ящики опечатать печатью Управления лагеря и вскрывать эти ящики только лично начальнику лагеря и его заместителю... отправляя всю корреспонденцию, взятую из ящика, лично мне, ни в коем случае не вскрывая ее. Всем заключенным широко разъяснить назначение этих ящиков.

Из Приказа министра внутренних дел Союза СССР № 0190 С от 27 марта 1947 года²:

² ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1. Д. 316. Т. 3.
Л. 25.

153. Для письменных жалоб и заявлений в зоне каждого лагерного подразделения вывешиваются ящики. Ящики опечатываются печатью лагерного подразделения и вскрываются не реже одного раза в сутки начальником лагерного подразделения.

154. Все жалобы и заявления заключенных, поданные в письменном виде, учитываются в специальной книге, которая хранится у начальника лагерного подразделения.

155. Поступившие от заключенных и изъятые из ящиков жалобы и заявления в открытом виде просматриваются лично начальником лагерного подразделения, а запечатанные направляются адресату без вскрытия.

156. Заявления и жалобы заключенных, адресованные членам правительства, центральным партийным органам, МВД СССР, в ГУЛАГ МВД СССР и органы Прокуратуры и судебно-следственные органы, направляются адресатам без вскрытия.

Но в реальной лагерной жизни все обстояло по-другому: вопреки министерским распоряжениям, администрация лагерей часто задерживала такие письма.

А. С. ГЕБЕЛЬ рассказывал, как это делалось на пересыльном пункте Норильлага: «Письма и заявления бросались в специальный ящик. Но все это, как оказалось потом, было бесполезным делом. Ни одно письмо, ни одно заявление не было отправлено. Для видимости и успокоения людей повесили ящик. Каждый день из него вынимали корреспонденцию, изучали и уничтожали».

Узница Акмолинского лагеря жен изменников родины А. Ф. БАРИНА-ШИЛОВА вспоминала: «Написала письмо товарищу Сталину. Он поймет, самый умный, самый добрый, самый справедливый человек!.. Незадолго до Нового года пошла на прием к замполиту.

– Я написала письмо товарищу Сталину уже давно, как только разрешили переписку, а ответа нет. Почему? Вы не можете мне объяснить?

Он подошел к стене и отодвинул плотную синюю занавеску, открывая многополочный стеллаж, забитый пачками бумаги.

– Вот они.

Я вскочила со стула, пораженная сначала тем, что письма наши не ушли, потом тем, что он признался в этом мне, заключенной!

– Не имею права посылать их. Приказ!

Ну, всё, рассуждала я по дороге в зону, сидеть нам все восемь лет. Говорят, Сталин болен, вот и не хотят волновать его такой массой жалоб».

Ссылаясь на некий «приказ», запрещающий посылать жалобы, замполит АЛЖИРа лукавил. Администрация лагеря совсем не была заинтересована в отправлении заявлений заключенных. Их заявления копились в лагерях многие месяцы. Волокита с отправкой писем была обычным явлением. К тому же по инструкции к каждому заявлению нужно было прилагать сведения о заключенном и его развернутую характеристику.

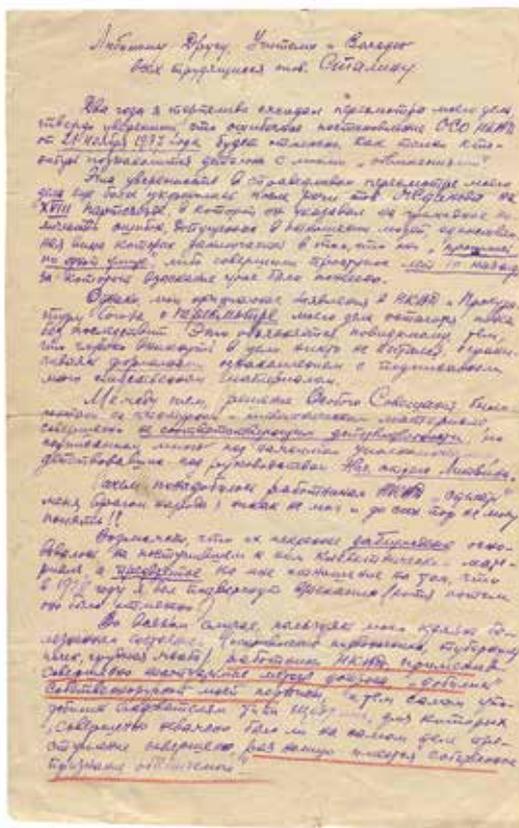
Извещение о регистрации заявления в приемной наркома внутренних дел Л. П. Берия. Пометка на бланке: «Сдано под расписку дежурному НКВД». 1939

Царящий в лагерях произвол с письмами заключенных был настолько распространен, что потребовал издания в 1941 году специального Приказа НКВД СССР № 39 «О нарушении местами заключений порядка оформления и направлений жалоб и заявлений заключенных»¹. В нем отмечалось:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 95. Л. 85–86.

...Жалобы и заявления заключенных зачастую направляются адресатам с недопустимыми опозданиями, достигающими 3–4 месяцев и больше. <...> 27 декабря 1940 года Спецотдел НКВД СССР выкупил в Московском почтамте ценную посылку с 502 заявлениями заключенных Севвостлага НКВД, написанными еще в 1939 году. К заявлениям были приложены секретные документы, как-то: выписки из решений Особого совещания при НКВД, бывших троек УНКВД, справки-характеристики».

Несмотря на то, что инструкция прямо запрещала вскрывать заявления и жалобы заключенных, адресованные в высшие инстанции, они тем не менее подвергались проверке.

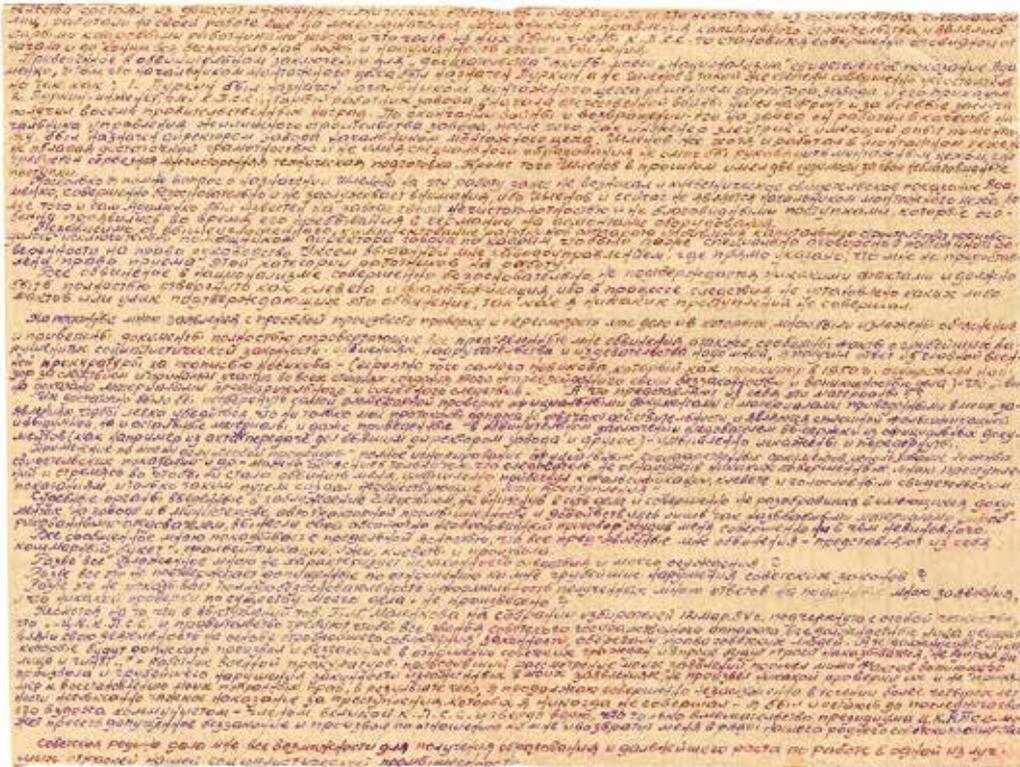
Письмо заключенного Амурлага И. В. Сталину с просьбой ускорить пересмотр дела. 1939

«Любимому Другу, Учителю и Вождю
всех трудящихся тов. Сталину.

Два года я терпеливо ожидал пересмотра моего дела твердо уверенный, что ошибочное постановление ОСО НКВД 21 ноября 1937 года будет отменено, как только кто-нибудь познакожится детально с моими «обвинениями». <...> Однако мои официальные обращения в НКВД и Прокуратуру Союза о пересмотре моего дела остаются пока без последствий. <...> Зачем понадобилось работникам НКВД «сделать» меня врагом народа, я никак не мог и до сих пор не могу понять!! <...> Работники НКВД, применив совершенно недопустимые методы допроса, «добились» собственноручной моей подписи. <...> Убедительно прошу Вашего вмешательства для скорейшего пересмотра моего дела и освобождения меня немедленно из заключения.

Хабаровск, Амурлаг, 16 отряд, лагпункт № 1. 25 ноября 1939 г.»

Из воспоминаний заключенного Тайшетлага А. А. Дасковско-го (1951): «Разрешили мне написать жалобу прокурору СССР Вышинскому. Я написал довольно резкую жалобу, где протестовал против недопустимых методов допроса, жестокого обращения в тюрьме и лагерях и весьма неместно отзывался о чекистах. Мое заявление попало к начальнику режима лагеря. Он, вызвав меня, предложил переписать жалобу и выбросить места, в которых я плохо отзывался об органах. <...> Я не стал изменять текст. Жалоба не была отправлена. Тогда я в частном письме послал копию сыну в Москву, она была передана прокурору. Ответ получил через полгода: “Осужден правильно. Пересмотру не подлежит”».

Черновик заявления заключенного о пересмотре дела, пересланный родственникам для отправки в инстанции. Песчанлаг, 1952

Не надеясь на то, что заявления в инстанции будут отправлены лагерной администрацией, заключенные, в обход цензуры, пересылали их родственникам с просьбой отправить. Неконтролируемый вал жалоб и обращений вызывал неудовольствие руководства ГУЛАГа.

Из Указания ГУЛАГа № 9/2-2/34285с «О пресечении нелегальной отправки корреспонденции заключенными. 15/26 ноября 1952 г.»¹:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1. Д. 2865.
Л. 17–18.

В ГУЛАГ поступает большое количество заявлений заключенных. <...> Значительная часть этих заявлений в нарушение приказов МВД СССР... и указаний ГУЛАГа... направляются заключенными помимо администрации лагеря-колонии через вольнонаемный состав, охрану, расконвоированных заключенных и другими путями. Так, заключенным Рожковым В. И., отбывающим срок наказания в Севураллаге МВД, в разные органы, минуя администрацию лагеря, направлено 38 заявлений; заключенным Амосовым И. В., содержащимся в УИТЛК МВД Татарской АССР, направлено 14 заявлений. <...> В целях недопущения разглашения заключенными секретных и совершенно секретных данных и сведений, составляющих государственную тайну, прошу по каждому случаю направления заключенными писем и заявлений помимо администрации производить расследование, устанавливать, через кого оно было направлено, и принимать решительные меры к пресечению нелегальной отправки корреспонденции заключенными. <...>

Зам. начальника ГУЛАГ МВД СССР полковник внутренней службы А. Щекин

Жалобы заключенных, как и письма родственников в их защиту, нередко пересылались «инстанцией» лагерному начальству, что грозило узникам дополнительными неприятностями.

Квитанция о доставке заказного письма К. Е. Ворошилову. 1940

Вот как вспоминала об этом Н. Ф. Ливчак, муж которой отбывал заключение в лагере на строительстве Закавказского металлургического комбината (1949): «Пришло письмо из лагеря от Володи об ухудшении условий жизни, работы и здоровья. Изыскивая любую возможность помочь Володе, приурочив действия к празднованию дня рождения Сталина, я написала письмо: “Дорогой Иосиф Виссарионович...”, адресовала конверт “Лично”, считая, что так обязательно дойдет до адресата. После слов поздравления, я написала, что Володе осталось два года до отбытия срока наказания, что я имела свидание с ним и поняла, что эти два года превратятся в смертный приговор, а он невиновен и осужден ошибочно. И вместо ответа пришло письмо от Володи (наша переписка шла неофициально), в котором он с недоумением сообщал, что его вызвали и спросили:

– Итак, ты не знаешь, за какие преступления и насколько осужден?

По письму чувствовалось, что он угнетен и расстроен. И я не решилась сообщить ему, что писала Сталину. А вскоре Володя умер от сердечного приступа».

Какие меры принимались по обращениям заключенных?

Написанные руководителям страны письма чаще всего оставались без ответа, и вера в то, что «дорогой товарищ Сталин» и другие руководящие лица во всем разберутся и восстановят справедливость, сменялась у заключенных и их родных глубоким пессимизмом. Об этом свидетельствуют хранящиеся в архиве «Мемориала» письма отправленного на Соловки А. Ф. Вангенгейма. После многократных обращений к Сталину, в ЦК ВКП(б), к членам Политбюро, к прокурорам СССР Акулову, Вышинскому, председателю Коминтерна Димитрову (все знали Вангенгейма лично) его былые надежды на освобождение исчезли.

Из писем А. Ф. ВАНГЕНГЕЙМА жене:

«5 июня 1934 г.

Узнай через Т. А., получил ли т. Сталин мое заявление от 11 мая. Оно очень ответственное, меня очень интересует его судьба. Узнай через Т. А., что решил т. Сталин. Не верится, что заявление будет игнорировано. Так много сил отдать, вложить всю душу и... И кроме того, сейчас передо мной более важная задача, я хочу свой революционный долг выполнить до конца, чтобы остаться верным сыном советской страны и Партии до конца и с реальным результатом. Ты себе не можешь представить состояние человека, который выполняет свой священный коммунистический долг, но не может добиться реальных результатов. И обида, и боль, и сознание дикого безумного бессилия. Но вера меня пока не бросает. Я еще 9 марта писал т. Сталину, что веру в Партию и в ЦК я не терял и не потеряю ни при каких условиях. Уверен, что это так и будет».

«18 июня 1934 г.

6 июня я послал заявление т. Калинину М. И. Ничего не знаю о судьбе своих заявлений на имя т. Сталина от 11 мая и в Комиссию Партийного Контроля при ЦК ВКП(б). Как-то не верится, чтобы мои обращения остались гласом вопиющего в пустыне. Буду ждать, надежд еще не потерял».

«14 июля 1934 г.

Обращение к тов. Сталину, к Кагановичу, Калинину, заявление в приезжавшую Комиссию – пока безрезультатны. Тревога невольная в душе, что правда никому не нужна. Невольно подкрадываются ужаснейшие сомнения. Пока я их гоню».

«18 ноября 1935 г.

Завтра месяц, как я отправил седьмое письмо Сталину, но результаты прежние, или письма не доходят, или не читаются».

«24 декабря 1935 г.

Подаю заявление Вышинскому, не знаю, что будет. Подаю прокурору о пересмотре впервые, хотя другие заявления подавал и Акулову и вообще прокуратуре. Особых надежд не возлагаю, учитывая опыт двух лет, хотя глубоко убежден, что в конце концов, если останусь жив, Партия разберется и выяснит все. Вопрос времени. А уверенность в Партию у меня непоколебима».

«29 февраля 1936 г.

Получил ответ на одно из своих заявлений по поводу доставки моего восьмого заявления Сталину – отослано в секретариат ЦК ВКП(б) еще 15 ноября 1935 г. А результатов никаких. Думаю, что и не будет. И Димитрову писал напрасно».

До 1938 года был еще один адрес, по которому шли письма с надеждой на помощь и поддержку. Репрессированные и родственники писали Е. П. Пешковой, которая с 1922 года возглавляла Помполит (Помощь политическим заключенным) – общественную организацию, выполнявшую функции Политического Красного Креста.

Из письма профессора И. И. Соколова, отбывавшего ссылку в Башкирии (1936): «Дорогая Екатерина Павловна. Прошу Вашей помощи и защиты.

3/X 1936 г. я послал т. Вышинскому ходатайство о пересмотре моего дела и досрочном освобождении. Дополнительный документ об инвалидности послан мной т. Вышинскому 5/X 1936.

4/X 1936 мои ходатайства об амнистии посланы тов. Сталину, Молотову, Ежову.

3/X 1936 ходатайства об амнистии посланы мною т. Калинин и в Комиссию по делам частной амнистии при ЦИК СССР. Основания для амнистии: возраст 66 л., инвалидность третьей группы. Бедственное положение пяти детей октябрят и другие.

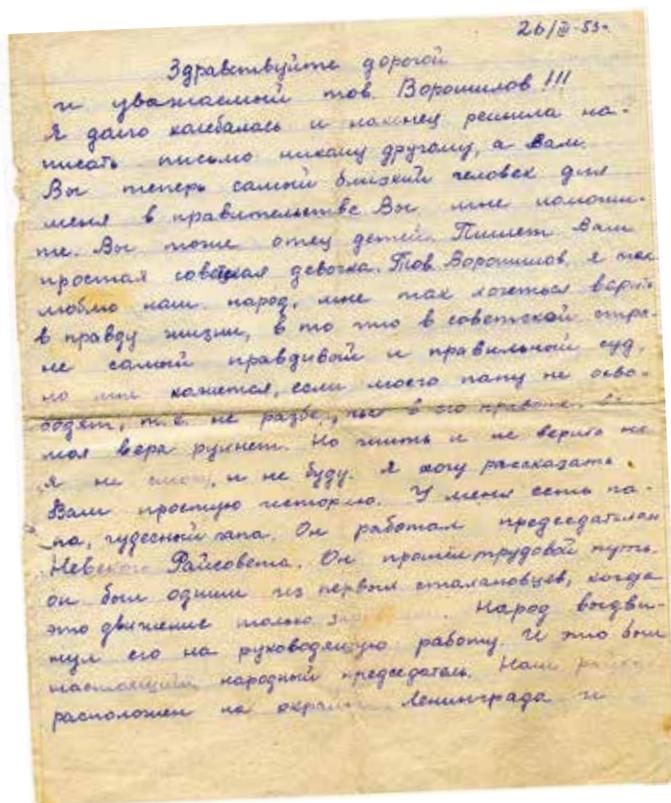
Прошу Вас, дорогая Екатерина Павловна, помогите мне освободиться из ссылки, в которой я нахожусь почти три года, возвратите меня в Ленинград со всеми правами советского гражданина и ученого, спасите моих детей, бедствующих и голодающих, помогите, чем можете...»¹

¹ «Дорогая Екатерина Павловна...» Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. СПб.: Звезда, 2005. С. 326.

Из письма З. А. Юрченко, просившей за осужденного по политическим мотивам 17-летнего сына (1928): «Со слезами умоляю Вас: помогите, родная, дайте хоть маленькую весточку о сыне. <...> Мы, по стечению обстоятельств, заклеянные контрреволюционеры, покорно несем свое клеймо. Кто же заглянет нам в душу? Кому нужна наша старая честность? У нас нет протекций. <...> Что делать? Научите, родная. На мое ходатайство перед Калининным никакого ответа не получено»¹.

¹ Там же. С. 142.

Возглавляемый Е. П. Пешковой Помполит вплоть до его закрытия в 1938 году принимал посильное участие в облегчении судьбы репрессированных. Иногда это удавалось. Однако Помполит не имел возможности обеспечить им юридическую защиту и мог только запрашивать органы и ходатайствовать перед ними об облегчении участи своих подопечных.

Письмо К. Е. Ворошилову от
дочери заключенного. 1953

«26 марта 1953 г.

Здравствуйте, дорогой и уважаемый тов. Ворошилов!!!

Я долго колебалась и наконец решила написать письмо никому другому, а Вам. Вы теперь самый близкий человек для меня в правительстве.

Вы мне поможете. Вы тоже отец детей. Пишет Вам простая советская девочка. Тов. Ворошилов... мне так хочется верить в правду жизни, в то, что в Советской стране самый правдивый и правильный суд. Но мне кажется, если моего папу не освободят, то есть не разберутся в его правоте, вся моя вера рухнет...»

Как правило, обращения заключенных, их жалобы, заявления о пересмотре дела и пр. пересылались в те судебные органы, которые выносили приговор и на которые жаловался заключенный. Ответ был заведомо предсказуем.

Из воспоминаний Н. А. Глазова, отбывавшего срок заключения в Ухтпечлаге с 1936 года: «Все считали свой приговор ошибочным, просили о пересмотре дела в Особом совещании. Писал и я. Четыре раза (ежегодно) я получал ответ: “Пересмотру не подлежит”. На пятый год ответ был: “Ваше заявление передано на рассмотрение в Особое совещание”, но тут началась война, и такие, как я, были задержаны до конца войны».

С каждым стандартным ответом: «Осужден правильно, пересмотру не подлежит» – надежда заключенных на положительный результат их просьб умирала, и даже сообщения о возможном пересмотре дела воспринимались скептически.

Из письма художника Г. Г. Филипповского жене: «Последние твои письма вселяют в меня безумные надежды. Но, дорогая моя, фраза “Ваше дело пересматривается” вызывает у нас бурный смех, ибо с таким сообщением люди сидят по году и более... Боюсь только, как бы не пришлось мне вместо Москвы выехать на Колыму».

Но верить и надеяться хотелось. Студент ИФЛИ Г. С. Слуцкий вспоминал, как писал письма «на верх» по просьбе солагерников-азербайджанцев (1937): «К нам, студентам, они относились очень дружелюбно: мы им писали заявления на имя Сталина, Калинина об их невиновности и с просьбой об освобождении. Мы по себе знали, что это пустая трата времени, бумаги и труда, пытались им втолковать это, но они даже обижались: “А вдруг, бог даст, меня отпустят домой? Пиши!”»

Были случаи, когда кто-то из получивших лагерное письмо готов был помочь его автору, но распространенная практика отказов шла вразрез с такими намерениями.

«С просьбой пересмотреть мое дело я писал письма и Калинину, и Сталину, но все безрезультатно, – вспоминал узник Печорлага, студент Индустриального института, А. А. Хаюров. – В конце 1943 г. я написал письмо депутату Верховного Совета Эрнсту Теодоровичу Кренкелю, за избрание которого в 1937 г. я, будучи в Уфе, голосовал. Я просил посодействовать моему освобождению и направить меня на фронт, а оставшуюся часть срока я отсижу после окончания войны. Кренкель довольно быстро ответил мне. Он писал, что мое письмо с его просьбой удовлетворить его он переслал Председателю Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриху. Этот ответ Кренкеля меня обнадежил, я уже считал себя освобожденным. Но через некоторое время пришло второе письмо от Кренкеля, в котором он сообщал, что Ульрих отказал удовлетворить просьбу».

Извещение о приеме заказного письма Н. С. Хрущеву. 1939

Если суть большинства писем «наверх» была в принципе одинакова, то их тон нередко резко различался, поднимаясь от лояльного до обличающе-гневною.

Н. А. Аронова рассказывала в своих воспоминаниях, что ее отца А. П. Берестова, командира РККА, арестовали в Чите в 1933 году и после пыточных допросов в Иркутской тюрьме отправили в Бамлаг. В 1943 году перевели на поселение, но в 1949-м последовал новый арест. «И тогда, отчаявшись найти справедливость, мать обратилась к прокурору Комсомольска-на-Амуре, где в то время жила семья: “Аре-

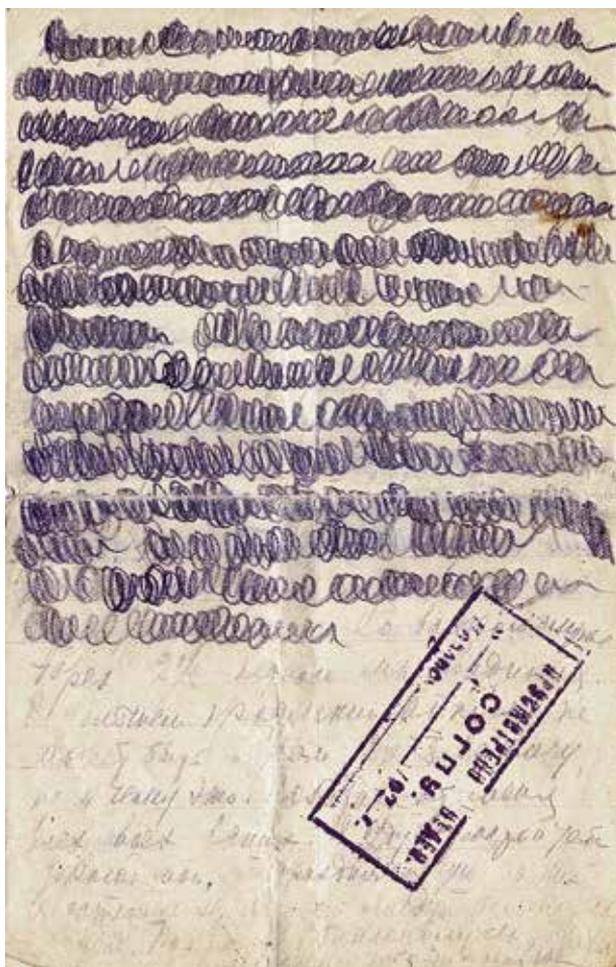
стуйте меня, я не могу больше молчать, выйду на площадь и буду кричать, что же происходит в нашей стране”».

Горе и отчаянье уничтожали веру в сталинский режим, становились сильнее страха. «Тов. Сталин! – писал в своем письме вождю школьный учитель истории М. Ш. Шифрин (1938). – Бледнеет история прошлого, бледнеют пытки испанской инквизиции и многие пытки времен средневековья перед тем, что перенес мой брат в подвале НКВД, и то, чему он там подвергался. Считаю брата честным и прошу, чтобы его освободили. Если же Вы считаете брата врагом, так пусть я буду там, где он, вместе с ним».

Это письмо тоже осталось без ответа. Наверное, к счастью для автора.

ЛАГЕРНАЯ ЦЕНЗУРА

Письмо К. Г. Гогу с печатью цензора

Как проверялась лагерная переписка?

Положение об исправительно-трудовых лагерях, утвержденное Совнаркомом 7 апреля 1930 года¹, предусматривало:

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 54. Л. 60.

- а) вся переписка просматривается администрацией;
- б) переписка заключенных и поступающая к ним корреспонденция может быть конфискована, причем о конфискации объявляется заключенному.

Руководство НКВД-МВД постоянно требовало от администрации лагерей особенной тщательности при проверке переписки заключенных.

Конечно, главной целью этой проверки было не предотвращение побегов (как это декларировалось в ведомственных нормативных актах), а сохранение в тайне происходящего в лагерях. Приказ НКВД СССР № 001418 от 2 ноября 1939 года содержал специальную «Инструкцию о работе цензуры в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР»², где прямо говорилось, что вводится она

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 528. Л. 167.

...в целях предупреждения бесконтрольной связи заключенных и проникновения из ИТЛ и колоний сведений, не подлежащих оглашению.

В лагерных подразделениях вводилась специальная должность штатного цензора. Цензоры подразделений (2–3 человека) подчинялись старшему цензору отдела режима лагеря или лагерного Управления.

Письмо заключенного с печатью цензора. Белбалтлаг, 1940

16 июня 1947 года заместитель министра внутренних дел СССР В. В. Чернышов подписал Приказ № 00634¹ с объявлением новой инструкции о работе цензуры в местах заключения.

¹ Кокурин А.,
Моруков Ю. ГУЛАГ:
Структура и кадры //
Свободная мысль,
2000. № 12. С. 98.

Цензура осуществляется почтово-посылочными отделениями и группами управлений ИТЛ, УИТЛК-ОИТК МВД-УМВД и цензорами в лагерных подразделениях и ИТК, согласно существующих штатов. <...> Личный состав почтово-посылочных отделений (групп) и цензоров комплектуется исключительно из числа вольнонаемных сотрудников, прошедших спецпроверку, преимущественно, членов и кандидатов ВКП(б) и членов ВЛКСМ. <...> Для работы цензоров администрацией лагподразделений и колоний предоставляются изолированные от других помещения в охраняемом здании. Эти помещения в нерабочее время опечатываются. Печать хранится у цензора. Допуск в помещение цензуры лиц, не имеющих к ней служебного отношения, воспрещается. Все цензоры обеспечиваются лупами и необходимыми для работы приспособлениями.

Работа цензоров подвергалась регулярным и строгим проверкам. Например, в апреле 1953 года по итогам проверки цензорской работы в Озерном лагере МВД СССР был составлен акт², в котором отмечалось:

² ГАРФ. Ф. Р-9414.
Оп. 1. Д. 2609. Л. 21.

Старшие цензора лагерных отделений (т.т. Долженко, Сидоров, Любимова) нетвердо знают требования инструкции по работе цензуры и не требуют точного ее выполнения от своих подчиненных, а старший цензор отдела режима и спецработы Особого лагеря № 7 МВД СССР тов. Ширяев не осуществляет должного контроля за цензорскими группами и не оказывает им практической помощи в устранении недостатков.

Фамилии цензоров, упомянутых в акте, были подчеркнуты карандашом, а на полях появилась резолюция руководства: «Надо их уволить, заменив более работоспособными работниками».

Инструкции гласили:

Вся входящая и исходящая корреспонденция проверяется цензором или оперуполномоченным отдела оперработы.

Чтение цензорами писем из лагерей и в лагерь не было секретом ни для самих узников, ни для пишущих в лагерь.

Вспоминает Ф. Д. РАХЛИН, навещавший мать в лагере в Явасе (Дубравлаг) в 1954 году: «Когда я поехал к маме, то мне пришлось там заночевать в “ленкомнате” надзирателей, которая была в одноэтажном домике, где жил и некий молодой офицер – лейтенант войск МВД. Вечером я в поисках огонька для курева зашел к нему, и мы разговорились. Я было начал что-то рассказывать о себе, но он меня перебил: “Да я все знаю!” Но он не стал меня интриговать, а попросту объяснил, что работает цензором. То есть читает все письма: мои к маме и ее ко мне. А значит, в курсе всей моей нехитрой жизни. Без малейшей наглости, а просто как само собой разумеющееся рассказал он мне историю моей неудачной любви, потом – удачной любви и женитьбы. Чувствовалось, что мои письма доставили ему несколько десятков минут развлечения».

Заключенных больше волновала не сама по себе цензура, с которой они свыклись, а зависящие от нее отправление и получение писем.

Вспоминая свое пребывание в Севвостлаге (1937–1939), Н. Р. САРКИСОВ писал: «Наши лагерные цензоры не любили вымарывать в письмах слова или строки, они просто выбрасывали в корзину письма, содержащие, по их мнению, недозволенное». В. И. СМЕРНОВ (Вологда, 1931): «Долго маринуются письма в ГПУ, где не успевают их просматривать». Е. И. ЯБЛОКОВ (Няндом, 1941): «У нас новость – прибыл цензор, будет здешний; хорошо, если это скажется ускорением работы цензуры».

Что искали цензоры в письмах?

Согласно инструкции, в письмах, присылаемых заключенным, цензоры должны были отслеживать прежде всего сообщения, за которыми могла бы скрываться подготовка к побегу, организация нарушений лагерного режима или информация бывших сообщников по «шпионской» и другой антисоветской деятельности. Поэтому все письма, говорилось в инструкции¹, следует вскрывать аккуратно,

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1. Д. 528. Л. 169.

...чтобы не повредить содержимое, и внимательно изучить, нет ли в письме тайнописи или шифра.

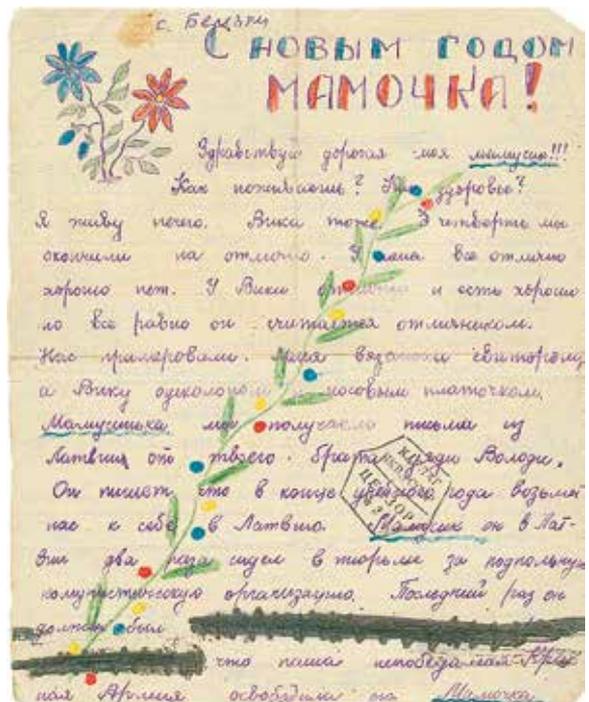
О недостаточно тщательном исполнении этих требований инструкции читаем в Акте проверки режима содержания заключенных Озерного лагеря (апрель 1953)¹:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414.
Оп. 1. Д. 2609. Л. 34.

Допускаются случаи, когда отдельные строки письма, содержащие запрещенные сведения, зачеркиваются некачественно, чистые листы и вкладыши на предмет обнаружения тайнописи горячими утюгами не проглаживаются из-за отсутствия последних.

Акт завершается распоряжением снабдить цензоров утюгами.

Недозволенный текст – слова, фразы или целые абзацы – цензор вычеркивал, а фрагменты, которые казались ему особенно подозрительными, выписывал в специальный «меморандум», который передавался оперативным работникам в 3-й (оперативно-чекистский) отдел лагеря для дальнейшей проверки. Письма, в которых «преобладает содержание, не могущее быть пропущенным», тоже должны были передаваться в 3-й отдел. Там оформлялась их конфискация, после чего письма уничтожались.

Письмо от дочери Авроры к матери
К. Я. Рубен в Карлаг. 1946

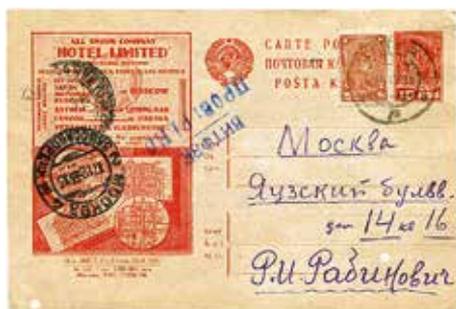
«...Мамусинка, мы получаем письма из Латвии от твоего брата дяди Володи. <...> Мамусик, он в Латвии два раза сидел в тюрьме за подпольную коммунистическую организацию. Последний раз он должен был [вымарано] что наша непобедимая Красная Армия освободила его...»

В письмах с воли выискивались «антисоветские высказывания, искаженное освещение международных и внутренних событий». Нельзя было сообщать о стихийных бедствиях – неурожаях, голоде, эпидемиях и т. д. Заключенные об этих запретах знали. Так, например, М. Н. Воробьев (Кемь, 1938) предупреждал родственников: «В письмах пишите только о домашних делах, о детях, о себе и о близких родных».

О том, что искали и вычеркивали цензоры из писем, проходящих в лагерь с воли, дает представление «Докладная записка о работе цензуры Нижне-Амурского ИТЛ НКВД за I-й квартал 1943 года». Вот строки из писем, конфискованных лагерной цензурой.

Из воинской части 331, п/п 394 – з/к ТАБЕЛЕВУ А. Ф.: «Дорогой брат Александр, сегодня в праздник 25-й годовщины Октября несую почетную вахту и вспоминаю все старое. Грустно становится. Здесь погода холодная, теплых вещей нет, сапоги дырявые, ноги мокрые, не просыхают, очень зябнут, и кушать ничего нет...»

Из Новосибирска – з/к Коваленкову П. Я.: «Дорогой папа, очень трудно жить и нам на воле, купить нечего, в столовых варят крапиву и кормят рабочих, за июнь месяц на иждивенцев по 200 грамм хлеба и больше ничего...»

Открытка с печатью Вятской исправительно-трудовой фабрично-заводской колонии. Вятский домзак, 1933

Открытка из Карлага. 1943

Конверт письма в Карлаг. 1954

Из Каширы – з/к Кузнецову Г. Т.:

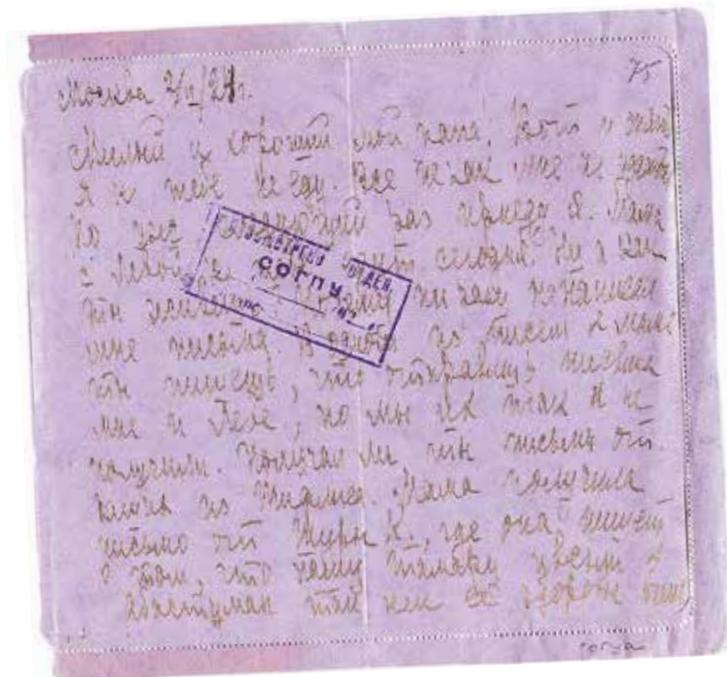
«В сильные морозы у нас в квартире было 10 градусов холода, дров больше недели не было, ходим по знакомым, только тем и топимся, что дадут добрые люди, на желудке тоже очень слабовато – водичка, т. е. щи, щи, щи...»

Из Омской области – з/к Порогину В. П.: «Папа, жизнь наша очень скверная, хлеб родился плохой и картошка очень плохая, наверно, нынешний год придется погибнуть, но не только нам, но и другим...»

Из дер. Гаврино Московской области – з/к Колесникову Е. И.: «В колхозе ни одной лошади нет, вот и отыгрывались все лето на бабах, всё на себе таскали... вот не знаем, как дальше жить будем...»

Из села Вишневка Акмолинской области – з/к Енину В. Т.: «За 1942 год мы заработали 500 трудодней, хлеба нам дали только полкило на трудодень и больше не давали ничего, овощей никаких нет, даже свою картошку у нас забрали, а налоги с нас тянут и подарки каждый день».

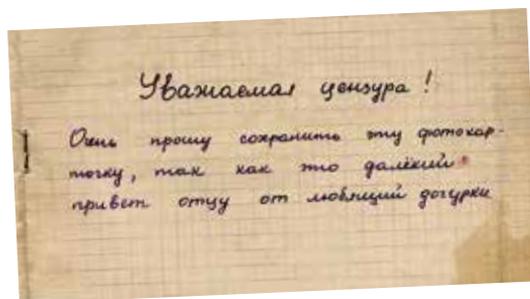
Об авторах таких писем и их высказываниях лагерная администрация сообщала в органы НКВД по месту жительства отправителей.

Письмо К. Г. Гогуа.
Суздальский
политизолятор, 1924

Что еще входило в обязанности цензора?

Цензоры должны были изымать из конвертов все обнаруженные вложения, кроме самого письма. По свидетельству заключенных, такая «конфискация» могла производиться не только из-за служебного рвения.

Обращение к цензору, вложенное в письмо к отцу. Кемеровская область, 1951

Из воспоминаний З. Д. Усовой (Талаги, Кулойлаг): «После освобождения в феврале 1945-го меня подселили к молодой вольнонаемной сотруднице, работавшей цензором. В комнате был комод, принадлежавший моей соседке. На комод стояли, прислоненные к чему попало, очень красивые открытки. Я как-то взяла в руки одну из открыток, чтобы лучше рассмотреть, и перевернула ее. Открытка была адресована кому-то из заключенных. Тогда пересмотрела их все и убедилась: контролируя переписку заключенных, эта особа изымала в свою пользу понравившиеся открытки. Я пришла в ужас. Открытки с картинками чаще всего были от детей. Для матери они были драгоценны. С каким же черствым сердцем можно было их отнимать, просто так, для забавы!»

Особую сложность для цензоров представляли письма на иностранных языках и языках союзных республик. Согласно инструкции, если цензор не знал языка, на котором написано письмо, то можно было привлекать вольнонаемных переводчиков и даже знающих язык заключенных, которые давали подписку о неразглашении (но не из числа осужденных по 58-й статье). На практике, однако, это чаще всего не выполнялось. В Акте комплексной проверки подразделений Алданского ИТЛ от 4 марта 1951 года¹ констатировалось:

Письма народов Союзных республик не контролировались — переводчика нет, письма изымались и уничтожались...

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2611. Л. 144-147.

Об этом же говорится в материалах проведенной в 1953 году проверки Песчаного ИТЛ:

Хуже всего обстоит дело во всех лагерных отделениях с вручением писем, поступающих из прибалтийских республик, так как из-за отсутствия переводчиков письма, поступающие на литовском, латвийском и эстонском языках, заключенным не вручаются.

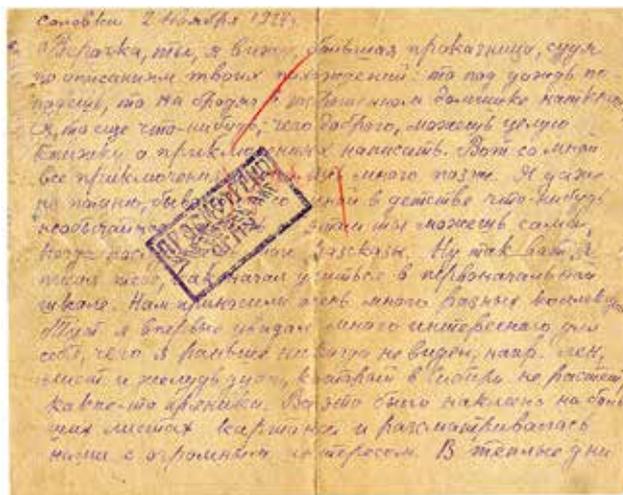
Что касается писем из-за границы или от иностранных миссий, то их зачастую просто отказывались принимать,

...мотивируя отсутствием и неизвестностью местонахождения такого заключенного.

Цензоры должны были следить не только за содержанием присылаемых писем, но и за тем, чтобы письмо было написано именно тем человеком, с которым разрешена переписка. Согласно инструкции 1948 года¹,

...из писем, поступающих в адрес заключенного, передаются ему только письма от членов семьи, а при отсутствии последних — от близких родственников, остальные письма конфискуются.

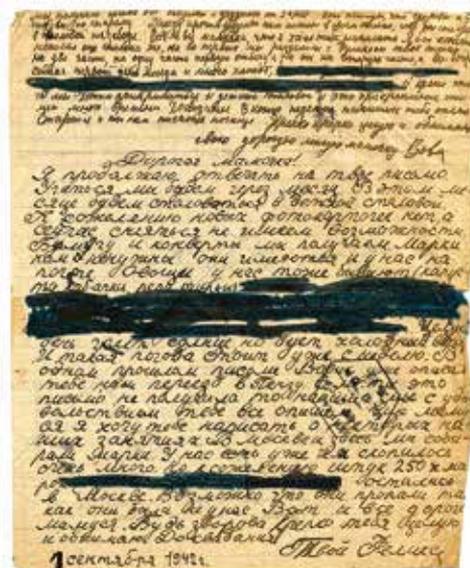
¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А. Яковлева; сост. А. Кокурин, Н. Петров. М.: МФД, 2000. С. 561.

Письмо Б. Ф. Тарасова. Соловецкий лагерь особого назначения, 1924

Не менее строго проверялась и «исходящая корреспонденция» – письма на волю. Все письма из лагеря поступали к цензорам незапечатанными. Цензор проверял, не содержит ли письмо запрещенных тем, перечень которых был определен инструкцией. Только после проверки письмо запечатывалось и отдавалось в почтовую экспедицию лагеря для отправки.

В письмах запрещалось сообщать какие-либо сведения о лагере: о месте его расположения, о численности заключенных, о характере производства, об охране, о внутреннем распорядке, о любых происшествиях, особенно об эпидемиях и побегах. Не допускались жалобы на быт и питание, на судебные-следственные органы, запрещались «антисоветские высказывания». Особенное внимание цензор должен был обращать на то, не содержится ли в письме каких-либо указаний или намеков на способы нелегальной переписки. Письма, которые не соответствовали этим требованиям, подлежали уничтожению.

Письмо от сыновей Владимира и Феликса к матери А. Э. Каган в АЛЖИР, 1942

Заключенные эти правила хорошо понимали и старались их учитывать.

В. В. Левитский (Мариинск, Сиблаг, 1934): «По цензурным уставам я тебе рисунков лагеря не посылаю, дабы не было каких-либо недоразумений».

Отбывавший срок в Степлаге Н. З. Настюков говорил в интервью: «Рассказывали, что в одном лагере был такой порядок: начальник спецчасти, чтоб не морочить голову и не проверять каждое письмо, которое напишет заключенный, заготовил бланки: “Живу хорошо, ни в чем не нуждаюсь. Вышлите посылку”. И подпись. Такой вот был эксперимент. Кто-то додумался: научная организация труда».

Рассказанное Н. З. Настюковым – скорее всего, лагерный фольклор, но он хорошо передает отношение администрации лагерей к письмам, уходящим на волю.

З. И. Равдель (Норильлаг): «В письме от матери много слов и даже строчек было замазано густой черной краской. Это были следы цензуры. С такими замазанными строчками получала мама и мои письма, если что-либо, хоть отдаленно, касалось описания нашей жизни или касалось моих взглядов на политические события».

Л. Г. Мищенко (Печорлаг): «Цензуре подвергались письма, которые мы получали и которые мы посылали. Этим делом занимались дочери или жены охранников и сотрудников лагеря. Но они, я бы сказал, были очень либеральные, они вымарывали часто совершенно невинные фразы, чтобы показать, что они проявляют бдительность, но старались не зачеркивать ничего, что могло бы заинтересовать заключенного или того, кому он пишет. И там часто можно было под нанесенным слоем чернил разобрать, что “у нас третий день идут дожди”, или что-нибудь в этом роде. Они это выбрасывали, чтобы показать свое прилежание».

Да, среди цензоров попадались и такие, о которых рассказывал Л. Г. Мищенко, но в целом лагерная цензура была отнюдь не либеральной, особенно когда возникали опасения, что заключенные могут связаться с «волей» в обход лагерной администрации. Например, в «Докладной записке об агентурно-оперативной, следственной и профилактической работе в исправительно-трудовых лагерях специальных строителей Главпромстроя МВД СССР за 1947 год» в разделе «Сохранение государственной тайны и профилактические мероприятия»¹ приводятся примеры, когда участвующие в секретных стройках заключенные сообщают об этом в письмах к родственникам. Для предотвращения этого:

Первыми отделами ИТЛ и Строительства в 1947 году проведены следующие мероприятия:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414.
Оп. 1. Д. 2540. Л. 35.

1. Ориентирована наиболее квалифицированная аген- тура на выявление попыток заключенных к установле- нию нелегальных связей и переписок с родственниками и знакомыми как непосредственно, так и через вольно- наемных работников лагеря и Строительства.

2. Проинструктирован цензорский аппарат о более тщательном просмотре всей входящей и исходящей кор- респонденции заключенных и изъятии документов, в ко- торых разглашаются данные о характере Строительства, дислокации, наличии контингентов и другие сведения, не подлежащие разглашению.

1941-40.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе второе письмо.

Как твоё здоровье, как себя чувствуешь?

Мы встретились по-прежнему с теми сердцами.

Только нехватало мам и папи.

Нам зато что мы отменили турки- шаллаканого и мы в 1941 году были мы по франке, бере не понравился, мы очень понравились.

Сейчас мы «отскакаем», вояжи в 1941-м в 11 часов.

Мы катаемся на лодках и шурим на конках, на лодках балли.

На конках мы катаемся на рожки там ребята расшатают, но не

книгу «В гостях у людей ушедших» и конфетки «Слива в шоколаде».

Потом я маю приездом мам Мих. и подарил маме сделанный из картошки бутылочка, разорванный и из дырок вытискивает баллиной палец этой дырки бутылочка сделан на резинке и его можно одевать на ногу для сканья.

Бисе мам Мих подарил маме шоколадку к мам 30/8-40 и 1/8-40. приезду мам Адосяка мам с мам играли в шахматы и он обыграл маму, потом мам играли в другие игры.

Целую тебя крепко, крепко
Дядька мам И. Я. Метло

Письма от сына Игоря к матери
Е. П. Метло в Темлаг. 1940

В «Докладной записке о работе цензуры Нижне-Амурского ИТЛ НКВД за I-й квартал 1943 года» приведены выдержки из конфискованных цензорами писем заключенных.

З/к Коваленко М. И. – в Свердловск: «Ну, война, жизнь и нам похудшила гораздо скверно, только что живем, приварок вода, хлеба 500 грамм, с осени доставали картошку, пока была на поле, а сейчас голодуем...»

З/к Карюхин А. В. – в Кизил-Аля: «Жизнь моя стала хуже, хлеба дают только 700 грамм, приварок очень плохой, каждый день недо- едание, вот такие дела, Веруся, жизнь, хоть лезь в петлю...»

З/к Гришин Ф. И. – в Казахстан: «Жизнь моя очень плохая, чувствую себя очень плохо, кушать дают очень мало, одеваться не во что, зима холодная. Муся, навряд ли придется встретиться...»

З/к Мальцев В. Г. – в Улан-Удэ: «Лежу в лазарете, питание плохое, хлеба дают 550 грамм, одежда плохая, все старое, телогрейка, бушлат, брюки, гимнастерка, одна тяжесть...»

З/к Ключев И. Ф. – в Новосибирск: «Зубы выпали, цинга, если вы не поможете, жизнь на волоске...»

Все эти письма были отправлены в оперчасть лагеря «для принятия мер».

Можно ли было обойти цензуру?

Есть немало примеров, когда заключенные и их родственники находили способы перехитрить цензуру.

В. Д. Успенская рассказывала, что не имела права писать своему любимому в Верхнеуральскую тюрьму (их брак не был зарегистрирован), но нашла такой выход: в каждом письме она писала ему несколько строк, которые своей рукой переписывала мать осужденного (только она имела право на переписку). «Он, конечно, понимал, кто ему пишет, и так же поступал в своих ответных письмах – несколько строк, трепетно ласковых и успокаивающих, были обращены ко мне. Такая “зашифрованная” переписка продолжалась все годы его заключения».

Вспоминает А. П. Арцыбушев (Известковый карьер, Воркута): «Я думал: а вдруг меня освободят? Была такая сумасшедшая надежда. Мы с другом договорились, что если кто-то из нас благополучно выйдет, то пришлет другому в передаче тульский пряник. Вот такой пряник я и получил однажды: значит, друга освободили».

Были и более хитроумные способы. То, о чем в письмах нельзя было сказать прямо и открыто, говорилось иносказательно, намеками, эзоповым языком. Например, заключенный Печорлага физик Лев Глебович Мищенко и москвичка Светлана Александровна Иванова, которая впоследствии стала его женой, за девять лет лагерной переписки разработали целый «словарь» иносказаний, где словами «родственники», «родня», «дяди» обозначались сотрудники МВД–МГБ; «семейный совет» – беседа с представителями органов; «комната» или «квартира» – камера; «под зонтиком» – в заключении; «витамин Д» – деньги; «сумма» – срок заключения; «сцена» – лагерь;

«режиссер» – лагерное начальство; «актеры» – заключенные; «новое ампула» – изменение лагерного режима; «экзамен (консультация) по химии» – допрос, «диссертация» – дело и т. п.

Вот фрагменты из их переписки.

Л. Г. Мищенко (октябрь 1946): «Света, значит, дядина родня с тобой познакомилась. Это для меня оказалось неожиданностью и радости не принесло. В их семье большинство людей малосимпатичные – народ тенденциозный, неискренний и не всегда вежливый. И фамильная черта их семейства – каждый хочет сделать себе карьеру. Отсюда все качества».

Он же (ноябрь 1946): «Твой рассказ о родственниках, Света, не совсем я разобрал – до сих пор приходится тебе встречаться с ними, или ты пишешь в прошедшем времени? Не понимаю, что им теперь от тебя надо, не понимаю, как они вообще к тебе путь нашли».

С. А. Иванова (октябрь 1946): «Теперь о всяких родственниках. У меня для них нет ни одного теплого слова. Разговоры о комнате могли быть и просто разговорами болтовни ради, а может быть, и желанием связать наши имена. В общем, во всем этом большой шантаж. И я думаю, что даже главным было желание привлечь меня на свою сторону или, вернее, заставить принять ее, потому что разве можно привлечь, поливая грязью близких людей?»

Л. Г. Мищенко (январь 1947): «Много непонятого для меня в родственных отношениях, в том, в частности, что их трогательная забота простиралась на тебя уже, так сказать, задним числом, если по моему календарю считать, и кроме попытки пригласить меня еще раз на семейный совет в расчете, что я там соглашусь на более крупную сумму, – ничего в этом увидеть не могу».

Л. Г. Мищенко (октябрь 1948): «С неделю назад был на консультации по химии – нежданно, негаданно. Разговор моей диссертации не касался, речь шла все о работах других авторов, которых я уже почти и не помнил и ничего существенного изложить, само собой разумеется, не мог».

Конечно, цензуре не подвергались письма, отправленные в обход администрации лагеря (через вольнонаемных сотрудников, которых было немало, в особенности на производстве, через охранников, через заключенных-«бесконвойников» и т. д.) – но такая нелегальная переписка, в случае ее выявления, жестоко каралась.

Из Указания ГУЛАГа № 9/2-2/34285с «О пресечении нелегальной отправки корреспонденции заключенными»¹ (ноябрь 1952):

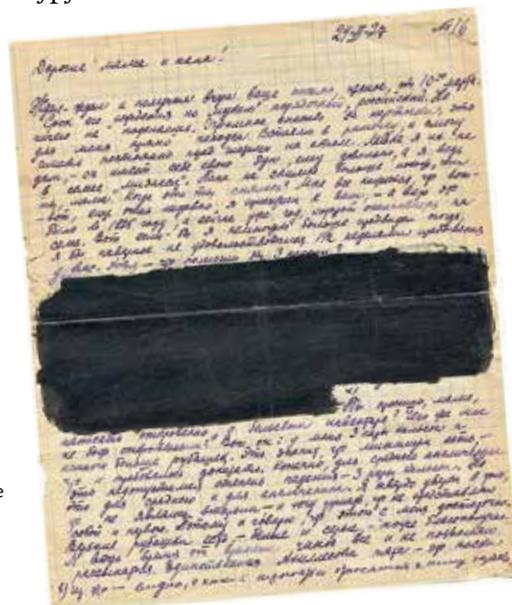
¹ ГАРФ. Ф. Р-9414.
Оп. 1. Д. 2865.
Л. 17–18.

При обнаружении нелегальной отправки и получения корреспонденции материал на нарушителя передается в отдел оперработы для расследования. Проводить расследование по каждому факту, устанавливать пути, накладывать строгие взыскания на вольнонаемных и охрану.

Согласно тому же указанию, если в пособничестве нелегальной переписки были замечены расконвоированные заключенные, то их следовало «немедленно брать под стражу и лишать бесконвойного хождения».

Е. П. Посник, отбывавшая заключение в Чаунлаге на Колыме, вспоминает: «Меня посадил опер за то, что я писала маме, чтобы она мне прислала пальто и платье на освобождение. Письмо я посылала через вольнонаемных, но оно почему-то попало к нему. И он меня посадил. Два дня я отсидела в этом кандее». Е. П. Посник легко отделалась. Замеченные в подобных «проступках» заключенные лишались права переписки на несколько месяцев (иногда на 1–3, иногда на 6, а то и на год), а при повторных случаях помещались на полгода в штрафной изолятор, где переписка была строго запрещена.

Но несмотря на кары, грозившие и авторам писем, и тем, кто им помогал, заключенным довольно часто все же удавалось переслать на волю письма, минуя цензуру.

Письмо В. Ф. Бромберга родителям из Суздальского политизолятора. 1927

«24-III-27. Дорогие мама и папа! Ждал-ждал и получил вчера ваше письмо, ценное, от 19-го марта. Срок его "хождения по мукам" порядочный, российский. Но ничего не поделаешь...»

Вспоминает А. И. Перельман, муж которой, М. А. Лимоник, отбывал заключение в лагере при химическом заводе в Дзержинске Горьковской области: «Вместе с мужем от завода работала вольнонаемная – молодая женщина-инженер. Она предложила ему передавать ей письма для меня, а она будет отправлять их от себя, минуя цензуру. Несколько раз я получила такие письма».

К. М. Маркман (Минлаг): «Отношения между нами и некоторыми конвоирами были хорошие. Так вот, эти конвоиры брали у нас письма. Они рисковали: за это им грозила гауптвахта или даже тюремный срок».

Н. Ф. Одолинская (Норильлаг): «У нас был конвоир Вася. Больше всего Вася заслужил любовь девчат за то, что брал наши письма и отправлял их. Чтобы узнать, доходят ли эти мои письма, я просила маму: когда получишь это письмо, напиши мне, что получила письмо от “тети Шуры”. И письма “от тети Шуры” доходили».

Читая лагерные письма, дошедшие на волю официальным путем, надо всегда помнить о существовании лагерной цензуры, о том, что их авторы старались говорить, как правило, лишь о дозволенных темах в дозволенных рамках. Собственно, и письма, отправленные нелегальным путем, в обход цензуры, зачастую написаны с учетом возможного перехвата их «органами». Тем ценнее для нас информация, которую сумели сообщить своим родственникам, а значит теперь и нам, заключенные ГУЛАГа.

ПОСЫЛКИ

Чемодан, сделанный из частей
посылочного ящика. Темлаг

Как часто заключенные могли получать посылки из дома?

Надо ли говорить, чем была для человека, заключенного в лагерь, посылка из дома? Полученная посылка означала для него не только весточку с воли. Подчас она становилась едва ли не главным условием выживания истощенных людей. «Если бы не посылки от мамы, то не знаю, что было бы», – признавался отбывавший срок в Степлаге В. М. Рудницкий.

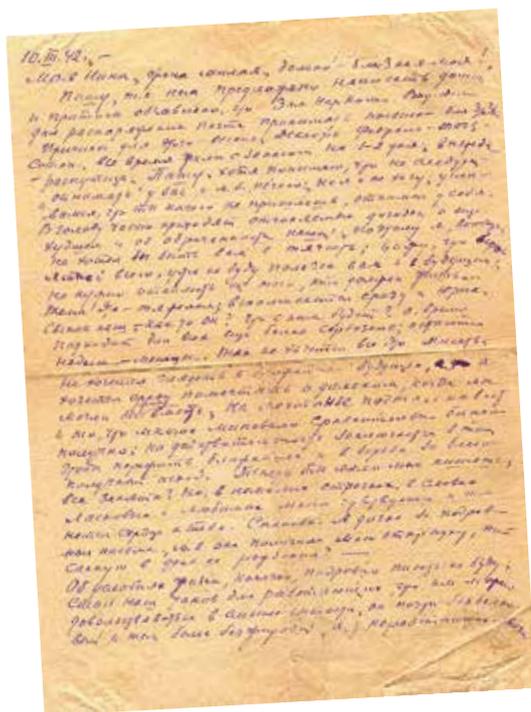
«Я был на один шаг от смерти. Ваши посылки помогли мне встать на ноги. Впереди есть луч надежды на встречу, если я физически выдержу», – писал жене и детям из Бамлага Ф. А. Евсеев (1938).

«Пошлите мне посылку: табаку, чесноку, сухарей каких-либо, а остальное – что можете, я очень сейчас ослаб, чуть жив, если можете, то может еще поживу...» (Из письма заключенного Амурлага П. Н. Герасименко).

Часто ли заключенные могли получать посылки? В «Положении об исправительно-трудовых лагерях» (1930) право получения посылок было зафиксировано, однако четких нормативов на этот счет до конца 1930-х годов, кажется, так и не появилось. «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР», введенная 2 августа 1939 года, разрешала заключенным получение посылок один раз в месяц. Однако осужденным за «контрреволюционные преступления» посылки полагались лишь раз в три месяца. При этом за нарушение режима заключенного могли лишиться права получения посылок на срок до 6 месяцев. Однако заключенным, «соблюдающим режим, хорошо проявившим себя на производстве и перевыполняющим установленную норму», администрация лагеря, при желании, разрешала получать посылки без ограничения. То есть все зависело, в конечном счете, от воли конкретного лагерного начальника.

С этим связан, по-видимому, и разноречивый в письмах заключенных предвоенных лет. Большинство пишет о возможности получать посылки раз в три месяца, некоторые (З. Д. Усова, лагерь в Темниках; Ш. Ш. Устинова, Карлаг) – об одной посылке в месяц; встречаются упоминания и о нескольких посылках в течение одного месяца (Е. И. Яблоков, Каргопольлаг). Предельный разрешенный вес посылки в 1940 – начале 1950-х – 8 кг.

С осени 1941 года в связи с началом войны в почтовых отделениях страны перестали принимать посылки, в том числе и в лагеря. Одновременно значительно ухудшилось снабжение лагерей продуктами. Наступивший голод и катастрофически возросшая смертность среди заключенных заставили руководство НКВД в 1942 году вновь разрешить прием посылок. «Нам предложено написать домой и притом объявлено, что Зам.Нар.Ком.ВнуДел дал распоряжение почте принимать посылки для з/к», – сообщает в марте 1942 года из Каргопольлага Е. И. Яблоков.

Страница письма
Е. И. Яблокова
из Каргопольлага.
10 марта 1942

Понятно, что это решение было продиктовано не гуманными, а сугубо экономическими соображениями – нельзя было допустить срыва поставленных перед ГУЛАГом производственных планов, а обеспечить заключенных одеждой и едой только за казенный счет власти не могли. В марте 1943 года издается специальный Циркуляр ГУЛАГа «Об организации приема продуктовых и вещевых передач для заключенных»¹, требующий от начальников лагерей принятия энергичных мер по увеличению потока посылок в лагерь для решения проблем с питанием и одеждой:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 153.
Л. 27–28.

Получаемые заключенными передачи... в данное время имеют исключительно важное значение. <...>

Отменить лишение права получения передач (посылок) как меру наказания; разрешить заключенным получать до трех передач (посылок) в месяц; отменить ограничения в количестве передаваемых продуктов и вещей. <...>

Опросить заключенных о возможности получения ими передачи от родственников и знакомых... оповещать указанных родственников о порядке приема передач, а также обеспечить все условия для создания потока передач.

Ограничения в количестве получаемых посылок остаются только для осужденных на каторжный режим и отчасти для узников созданных в 1948 году особых лагерей.

Государство очень быстро оценило «выгоду» посылок и постаралось переложить снабжение заключенных на родственников. Последовал Приказ ГУЛАГа № 9/6117 от 7.09.1946¹, который предписывал:

В связи с крайне ограниченными возможностями обеспечения содержащихся в лагерях и колониях заключенных одеялами за счет централизованных фондов, Вам необходимо максимально использовать дополнительные источники снабжения в виде получения одеял по почте в передачах от родственников заключенных. <...> С этой целью необходимо добиться, чтобы заключенные, не имеющие одеял и постельных принадлежностей, уведомили об этом своих родственников и сообщили о возможности направления им этих предметов в передачах и посылках по почте.

Начальникам лагерей вменялось в обязанность в ежемесячных отчетах указывать количество полученных в посылках заключенными продуктов и вещей. Такая отчетность сохранялась и после войны.

Из Доклада о работе ГУЛАГа МВД СССР за сентябрь 1946 года² следует:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414.
Оп. 1а. Д. 587. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. Р-9414.
Оп. 1. Д. 330. Л. 37.

За месяц в адрес заключенных получено 442 тыс. посылок и передач. <...> В посылках и передачах поступило 2092 тонны продовольствия, 58,4 тыс. штук одежды и белья и 11,3 тыс. пар обуви.

Приведенные в докладе цифры могут создать впечатление «посылочного благополучия». Однако это далеко не так. Более или менее регулярно получал посылки лишь каждый пятый заключенный. Остальные находились на грани выживания.

Из письма Я. Е. Кулигина (Амурлаг, 1943): «Питание плохое, очень слаб, не знаю, как пережить, очень плохо. До свидания с вами, однако, не доживем, очень плохой я стал...»

Уведомление о посылке С. А. Тайцу. Бухта Нагаево, Севвостлаг, 1939

В 1946–1947 годах из-за разразившегося в стране голода продовольственные посылки принимать перестали. «Принимали только лекарства, а пищу посылать не разрешали» (свидетельство З. Д. Усовой. Кулойлаг, Архангельская область). «Ничего съестного сейчас в посылках не пропускают», – писала из Москвы в Печорлаг С. А. Иванова в апреле 1947 года.

Многих заключенных этот порядок фактически обрекал на голодную смерть. «Не знаю, до чего дойду, но откровенно говоря, нету уже сил терпеть голод, и теперь еще хуже будет, нет уже сил работать», – писала из Амурлага домой Н. И. Укаровская.

Да и сами посылки были разные. Большинство тех, кто их посылал, нередко сами едва сводили концы с концами. И можно только догадываться, как тяжело давались эти посылки оставшимся без кормильцев женам, матерям, детям заключенных. И заключенные

это очень остро чувствовали. «Прислали мне Тамара с Леночкой посылку. Не знаю, радоваться ли мне ей или огорчаться. Радуюсь ей, как знаку внимания и любви, и огорчаюсь, когда подумаю, что дети оторвали от себя, от своего скудного пайка, чтобы прислать мне продовольствие», – это строки из письма отбывавшего заключение в Карлаге детского врача Ф. О. КРАУЗЕ (1944).

«Посылки посылай недорогие, при условии, что это не отразится на питании детей», – просит жену Ф. А. ЕВСЕЕВ (1938).

Об этом же просит заключенная Тайшетского лагеря В. Ф. БЕРСЕНЕВА: «Продуктов никаких не думайте посылать, не отрывайте от себя!» (1943).

«Нелегко, я думаю, набрать было вам все эти блага земные, – пишет семье из Качинского лагеря С. К. КУСКОВ, получив долгожданную посылку. – И напрасно ты, Лёлочка, хвалишь мне ваше финансовое положение. Я ведь тоже знаю цену всем этим вещам. Посылки ваши стоят, конечно, дорого» (1940).

Что посылали лагерникам их родные и близкие?

Из воспоминаний И. А. ГАЙСТЕР (14-летней школьницей она отправляла посылки матери в АЛЖИР): «В основном посылали продукты, иногда теплые вещи. <...> Я посылала сухари, лук, чеснок. Что еще я могла послать? Колбаса, сало – это дорого для нас было. Мясо посылали, котлеты. Бабушка жарила кусочками мясо, складывала в банку и заливала растопленным сливочным маслом»¹.

Ф. О. КРАУЗЕ писал из Карлага: «Получил я 1 кг. манки, $\frac{1}{2}$ кг. соленой кеты, килограмма два сухарей и даже немного жиров: топленого и соленого сала около 100,0 гр. Кроме того, два засохших, но очень вкусных мандаринчика и четыре головки чеснока» (1944).

Это то, что касается еды. О ней заключенные в своих письмах просят вынужденно, многократно извиняясь. «Милая, как тебе ни трудно, как мне ни стыдно, но прошу тебя, поддержи мою жизнь, нужно, чтобы ты регулярно, каждые $\frac{1}{2}$ месяца, высылала полную (не менее 8 кг) посылку; пускай дешевую, обязательно со съестным, не только не изысканным, но наиболее дешевым, доступным для тебя: хотя бы комбикормом», – пишет жене из Каргопольлага Е. И. ЯБЛОКОВ. Бывший преподаватель ботаники Рязанского пединститута, он оказался на лесоповале: работа тяже-

¹ Шихеева-Гайстер И. А. Дети врагов народа: Семейная хроника времен культа личности. М.: РазДваТри, 2012. С. 67.

лая, а паек более чем скудный. «Как я питаюсь – опишу. Сегодняшний стол: в 5 ч. утра – “завтрак”: суп с рыбой (но почти без рыбы), “обед”(или ужин) наступает в 5 1/2 ч. вечера – состоит из чечевицы или овсяного супа. О, как мы ценим черный хлеб!» (1938) Что могла собрать в посылках жена, оставшаяся в Рязани без работы с двумя маленькими детьми?

Евгений Иванович Яблоков умер в лагере от истощения в марте 1944 года.

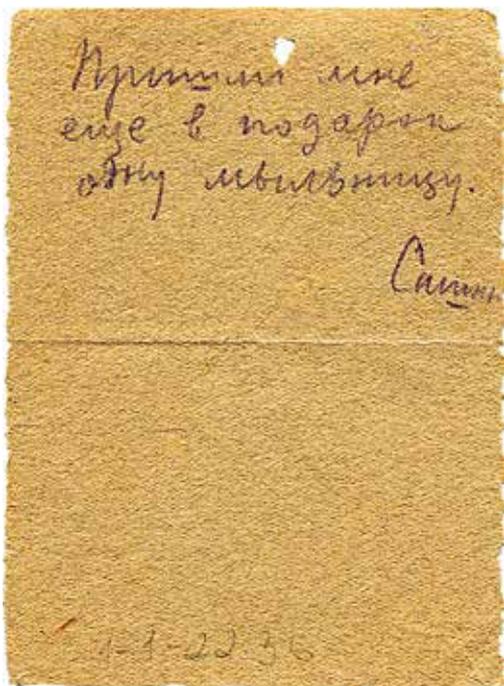
В чем, кроме продуктов, заключенные испытывали постоянную нужду? Ф. О. КРАУЗЕ сообщает жене, В. Ф. БЕРСЕНОВОЙ, которая находится в другом лагере: «Из вещей мне дети прислали: вязаные кальсоны и ночная сорочка, требовавшие немедленного ремонта (уже починил, положил заплаты), носки малого размера (очевидно, Леночки старые), иголки, нитки, алюминиевую ложку, вот эту бумагу, на которой пишу (листов 8), три открытки, лоскутки разные для заплат и тапочек, несколько носовых платочков. Карандашей, перышек, резинки, пуговиц не прислали, к сожалению. Зато получил я еще торбочку табаку, мундштук и коробку спичек» (1944).

Письма заключенных о посылках замечательны тем, что в них содержится перечень того минимального «набора» настоятельных нужд, без удовлетворения которых существование в лагере было трудным, подчас невозможным. Эти письма – неопровержимые документальные свидетельства бесчеловечных условий, в которых оказывались узники сталинских лагерей.

Сообщение о получении посылки. А. Х. Клячко: «Я вполне здоров, чувствую себя хорошо. Не беспокойся. Присылай сухарей, сахару, сала. Еще мне пригодится один простой мешок и мешочки для продуктов, трусы. Все получил. А. Клячко».

114
Я вполне здоров, чувствую себя хорошо.
Не беспокойся. Присылай сухарей, сахару,
сала. Еще мне пригодится один простой
мешок и мешочки для продуктов, трусы.
Все получил.
А. Клячко

О содержании посылок мы узнаём из лагерных писем уже упомянутых Е. И. Яблокова из Каргопольлага, Ф. А. Евсеева из Бамлага, из переписки Л. Г. Мищенко с С. А. Ивановой (он в Печорлаге, она – в Москве), а также К. Гайгаласа из Краслага и др. Просили прислать

Записка А. Х. Клячко:
«Пришли мне еще в подарок
одну мельницу. Саша».

и, по возможности, присылали почтовые марки, бумагу, конверты, открытки, карандаши; сушеный лук и чеснок; самые простые лекарства – горчичники, аскорбиновую кислоту, глюкозу; табак, курительную бумагу; иголки, нитки, булавки, пуговицы; ложки, чашки, мыло, зубной порошок, зубную щетку, гребенку; средства от комаров, мошек, блох, марлю для полога; наволочки, полотенца, одеяла, подушки, теплую одежду, обувь...

Вот строки из писем.

К. Гайгалас, арестованный в Литве в 1941 году: «Я пока здоров, но сильно ослабел. Если бы вы могли прислать пару килограмм сушеной картошки, килограмм муки и рыбы сушеной. Картошку сварить, поре-

зать и засушить – такую у нас многие получают. Это было бы мне большая поддержка. Если будете посылать посылку, то пришлите хоть немного и соли» (1943).

С. К. Кусков: «Ценней всего, конечно, жиры, сахар и особенно табак. В посылке в другой раз, когда вы сумеете послать, хоть немного, но хотелось бы найти сала свиного, масла, немного хотя бы дешевой колбасы. У меня нужда в луке, чесноке, пришли их во что бы то ни стало, немного сахару и книжечек 50 курительной бумаги, толокно не надо, компот и сгущенное молоко – это уже роскошь. Пока у меня есть запас картофельной муки – ее тоже не надо. Хорошо, если будет немного сухарей... Нужны письменная бумага, конверты. Табак – хоть что: махорка, самосад, папиросы. Здесь пачка махорки – 10–18 рублей» (1940).

Ф. А. Евсеев: «Присылайте лук, сахар, хлебные сухари, махорку, побольше курительной бумаги, нитки черные и суровые, чеснок, чеснок, чеснок». [Подчеркнуто автором письма.] (1938)

Расписка В. Э. Романовского
на описи посылки

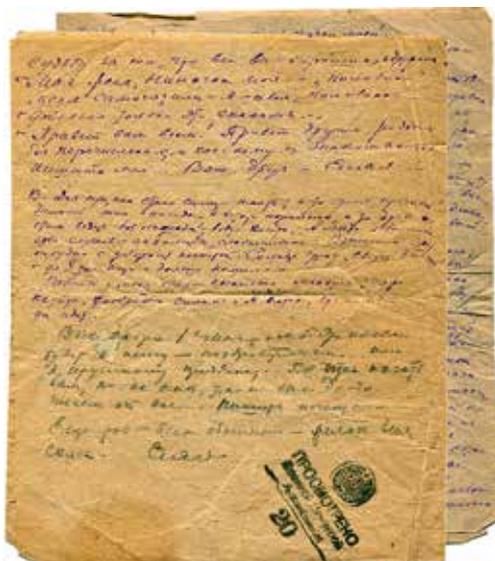
«Посылаем одеяло, подушку, чашку, чаю, сахару, 8 пачек папирос, молока, мяса, полотенце, масла, мыла, хлеб 2 булки. Шелепов Александр». – «Получил полностью. Романовский».

Е. И. Яблоков: «Пришли одеяло, только не громадное и не очень хорошее. Пришли подшивку для валенок; надежды на получение обуви здесь нет; сегодня дают только лапти; а ведь есть люди, очень нуждающиеся в обуви; валенок нет почти ни у кого. Пришли свечи, м. б., пропустят, а то у нас плохо с освещением в бараке, ни почитать, ни написать часто нельзя. М. б., стоит прислать в посылке котелок (или военного образца, или алюминиевый), но с ручкой (дугой); еще ложку (алюминиевую, столовую). Пожалуй, стоит прислать такого лекарства, как горчичники (готовые, штук 10). Бумага, конверты, открытки – здесь всегда в дефиците; достать нельзя, пока у меня есть, но положи в посылку, чтобы мне не оказаться без них» (1938).

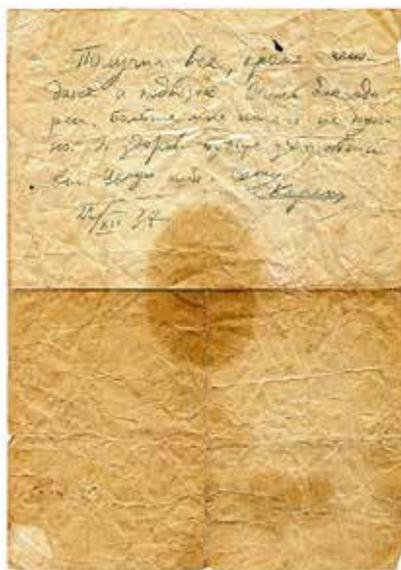
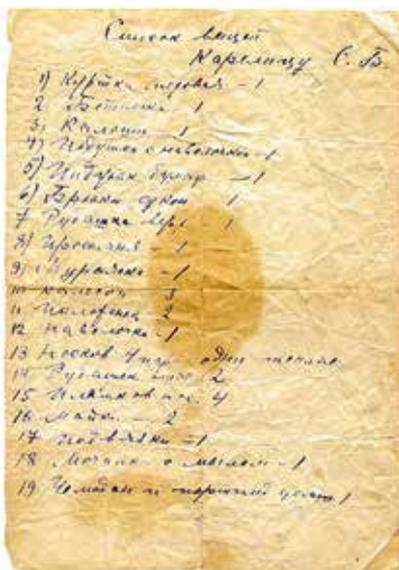
Письмо Е. И. Яблокова.
Каргопольлаг, 11 апреля 1942

«Мои милые, суть жизни моей! Моя жена – Нина, моя дочура – Ируся, мой сынок – Юра, моя мама. Наконец-то позавчера получил ваши письма (от 18-20.III); до них были только январские; и отпала тревога за вас проистекише два месяца. <...> Хлебный паек у нас тот же (600), приварок – мучной суп без овощей. Три раза за март я сообщал вам о себе, писал о разрешении посылок, понимаю, что посылать нечего, приходит посылка

мало пока; иногда умершим – вчера трем из восьми адресатов. Трезво рассуждая, надежды на свидание с вами мало; жизнь прошла, остался грустный кончик; но для жизни пригодны только надежда и бодрость. <...> 5. III хотел писать вам, но не смог, т. к. не было долго писем от вас... Пишите почаще. Еще раз всех обнимаю, желаю всем силы. Евг. Яблоков».

Заклученные со стажем просили прислать какие-то вещи (даже газеты) специально для обмена или продажи. Об этом пишет в своих воспоминаниях заключенный Норильлага А. НАВАЙТИС: «Для меня было самым важным то, что жена мне присылала газеты. У меня в бригаде был один свободный. Я давал ему газеты, чтобы он относил их на базар продавать. Газета стоила пять рублей. Местные норильские жители покупали их для курева. Бумаги не было – только цементная бумага, которую привозили вместе с цементом. За три газеты я буханку хлеба покупал, и хлеба не лагерного, а хорошего».

Типичный пример описи передачи в лагерь. Севвостлаг, 1937

«1) Куртка меховая – 1; 2) Ботинки – 1; 3) Калоши – 1; 4) Подушка с наволочкой – 1; 5) Пиджак бумаж. – 1; 6) Брюки сукон. – 1; 7) Рубашка верх. – 1; 8) Простыня – 1; 9) Фуфайка – 1; 10) Кальсон – 3; 11) Полотенец – 2; 12) Наволочка – 1; 13) Носков 4 пары, 1 теплые; 14) Рубашка нижн. – 2; 15) Платков нос. – 4; 16) Майки – 2; 17) Подвязки – 1; 18) Мочалка с мылом – 1; 19) Чемодан и портплед домаш. – 1. Получил все, кроме чемодана и подвязок. Очень благодарен. Больше мне ничего не нужно. Будьте здоровы и вы. Целую тебя и Сашу. С. Карелиц. 22/XII-37».

О книгах (как художественных, так и по специальности) просят своих домашних находящиеся в лагере ученые, врачи, инженеры, агрономы.

Из письма Л. Г. Мищенко (физик): «Насчет книг. С физикой пока подождем. Немного погодя попрошу конкретно из этой области, а пока еще не знаю, что будет нужней. Пришли что-нибудь из беллетристики по своему выбору; пришли и какую-нибудь мелочь на иностр. яз.» (1946).

Из письма Д. С. Бейки (литератор) жене: «Я хочу просить тебя снова о французских книжках. Присланные брошюры я уже поработал и очень прошу свежий материал. Без книжек ведь вообще нестерпимо скучно» (1944).

Из письма В. Ф. БЕРСЕНОВОЙ (библиограф): «Очень мне нужно мыло, да не знаю, можно ли попросить больших детей, чтоб прислали. Хлопотно это очень. Обойдусь как-нибудь. Плохо, что нет газет и книг – никакой работы глазу» (1946).

Какой был порядок отправления и получения посылок?

Не только собрать, но и отправить в лагерь посылку было зачастую очень непросто. Об этом, в частности, очень ярко написала в своих воспоминаниях И. А. ГАЙСТЕР, посылавшая из Москвы посылки матери в АЛЖИР: «Как часто я отправляла посылки, точно не помню, но если удавалось хотя бы одну в месяц отправить, то счастлива была безмерно. Посылки в лагерь ведь не каждый день принимали, а только в определенные дни. Вот так просто прийти на почту и отправить посылку было невозможно. На почте по адресу видели, куда посылка. Для приема посылок в лагерь были специальные почты. Не какие-то особые – обычные. Просто объявляли, что на такой-то почте будут тогда-то принимать посылки. <...> На самом деле вообще ничего не объявляли. Но ведь на самой почте наверняка работал кто-то, у кого сидели или родственники, или знакомые. А те передавали своим знакомым по тюремным очередям. Так что люди моментально узнавали, где будут принимать посылки. Сначала посылки принимали в Москве. Но это быстро прекратили, ведь в такие дни на почте выстраивались очереди больше, чем в продуктовых магазинах. Надо было ездить куда-нибудь в Александров или в Можайск – это сто километров от Москвы. Хорошо помню,

как ездила в Можайск. Входишь в вагон, а он весь в посылках. Дорога до Можайска – два часа. Почта от станции недалеко, рядом с привокзальной площадью, но надо перейти железнодорожные пути по длинному пешеходному мосту. Поэтому, чтобы быстро добежать до почты и занять очередь, необходимо сесть в определенный вагон, тот, который в Можайске останавливается рядом с пешеходным мостом. И в этот вагон надо влезть первым, чтобы занять место у нужной двери, чтобы потом первым выскочить в Можайске. Все было рассчитано, чтобы ни секунды не потерять. Когда поезд подъезжает к Можайску, у двери давка. Вырвешься из вагона и стремглав летишь на мост. Все несутся, друг друга обгоняют, один другого толкает. Бегут как сумасшедшие. И ты бежишь, бежишь по нему со своей восьмикилограммовой посылкой. Да еще тащишь молоток и гвозди. Первые разы страшно, но потом привыкаешь. Посылка должна быть ровно 8 килограмм. Ни больше, ни меньше. У них на каждой почте весы по-своему взвешивают. Отстоишь очередь, а у тебя не примут – больше на двести грамм. Надо посылку вскрывать, что-то вынимать. Пока обратно заколотишь, твоя очередь пройдет. Лезешь обратно к приемщице, а там в этот момент все как тигры, как львы друг на друга бросаются. Поэтому и везешь с собой молоток и гвозди, чтобы время не терять, тут же около приемщицы заколотить ящик. А если у тебя семь шестьсот, то жалко, что четыреста грамм не доложил. Когда, наконец, сдашь посылку, возвращаешься на станцию в полном блаженстве. Как из бани после парной»¹.

¹ Шихеева-Гайстер И. А. Дети врагов народа: Семейная хроника времен культа личности. М.: РазДваТри, 2012. С. 79–80.

Об издевательской практике отправления посылок пишут многие. Например, С. С. Печуро, отбывавшая в 50-х годах заключение в Инте, Абези, Потье, вспоминает: «Посылки принимали только в одном месте под Москвой. И не должно было быть больше веса определенного, восьми килограммов. Мне рассказывала потом мама, что отец пошел туда, выстоял ночь в очереди, а в посылке оказалось 8 килограммов 200 граммов. И у него не взяли, и у него был сердечный приступ».

Очень часто посылки задерживались. Из письма Е. И. Яблокова жене: «В Няндоме скопилось много посылок; кто говорит, три сотни, кто – четыре. Очевидно, получим числа 10-го, когда их перевезут отсюда в наше почтовое отделение» (1939).

Об этом же свидетельствует С. Нарбутас (Ухтпечлаг): «Дороги зимой были занесены. Лагерь не выдавал транспорта. Многие

заклученные кричали: “Почему посылки не привозят?! Мы доходим, не можем работать, а посылки наши лежат где-то в Ухте”. Мне родители каждые две недели высылали посылки. А я получал, получал телеграммы: “Выслали тебе посылку”, “Выслали тебе посылку”. А я их не получал. А когда получил, многие продукты оказались испорченными».

Письмо В. Э. Романовского

«Получил полностью все. Большое спасибо. Только больше ничего не надо, все остается. Пошлите очки и пару стекол 6 и 3 диоптрии. Спасибо. Здоров. Романовский».

Нередко случалось, что посылки просто не доходили до заключенного. «Бывало и такое, – читаем в воспоминаниях Е. М. Львова, – поедет сержант за посылками, возьмет штук 15-20, а на остальных напишет: “Адресат выбыл”. Посылки возвращались отправителям. Так случилось и со мной. Мать рассказывала мне, как это огорчало их. Не говоря уже о том, что содержимое посылок превращалось в гниль, их охватывало волнение: куда выбыл? Где я? Что со мной? Жив ли?»

Уведомление о вручении почтовой посылки заключенному В. Фриду. Посылку вручил заключенный А. Каплер. Инта, 1949

Но вот посылка, наконец, пришла. Однако радоваться рано – надо суметь ее получить и сохранить. А это тоже непросто.

Чтобы получать посылки, заключенный должен написать заявление с указанием фамилий и имен родственников, от которых он может получать посылки. Но легко сказать – указать фамилии

оставшихся на воле близких людей! А вдруг это им повредит? А вдруг ошибусь, назову не то имя, и посылку не отдадут?

Из воспоминаний Г. М. Паушкиной (Темниковский лагерь): «Староста барака выкликнула мою фамилию и слова: “В комендатуру!” Замерев от страха, я направилась нетвердым шагом в комендатуру. Что бы это могло быть? Кому я понадобилась? Уж не провинилась ли я в чем-нибудь. Вхожу. За конторкой среднее лагерное начальство. Оно обращается ко мне с вопросом: “Кто вам может прислать посылку? Назовите фамилию”. Перед начальством на столе лежит фанерный ящик с моим и обратным адресом, который мне не показывают. Боже, мне посылка! Кто же это мог быть? Мама? Нет-нет... Ее, наверное, нет в Москве. Ведь Гаральд, ее муж, арестован. Очень осторожно, робко я начала издали перечислять родственников. В итоге выясняется, что посылка – от мамы».

Прежде чем отдать посылку заключенному, ее вскрывала и тщательно проверяла целая «бригада» сотрудников лагеря – дежурный надзиратель, экспедитор, дежурный врач или фельдшер (в обязанности последних входило определение пригодности продуктов). Только потом посылка вручалась адресату под расписку в книге учета. Находящиеся в посылке скоропортящиеся продукты должны были сдаваться в ларек для реализации.

«Всю процедуру помню до мельчайших подробностей, – рассказывала бывшая заключенная Норильлага З. Д. Усова. – Зачитывают список тех, на чье имя пришла посылка. Слушаем с напряженным вниманием. Вдруг слышу свою фамилию. В указанное время иду к вахте. Посылку в моем присутствии вскрывают, вытаскивают все содержимое. Начинается мучительная процедура перетряхивания и прощупывания каждого предмета. Вещи из дома кажутся кусочком дома. Совсем недавно их в руках держали самые близкие мои люди. Обыск воспринимается как святотатство. Ревниво слежу, чтобы не затерялась ни одна мелочь. Прошу отдать посылочный ящик. Если на вахте “человек” – отдаст, жалко ему что ли. Если зверюга – нарочно бросит за зону».

Всё ли присланное доставалось заключенному?

Получить посылку еще не означало стать ее абсолютным и единственным владельцем. Что-то из ее содержимого оседало без объяснений у «вскрывающих» и «проверяющих».

Что изымалось при вскрытии посылок?

Инструкция предписывала особое внимание уделять предметам, которые можно было использовать при подготовке побега: острые и режущие предметы (ножницы, пилки, ножи, бритвы), документы, карты областей, на территории которых расположен лагерь. Запрещались также алкогольные напитки, одеколон, игральные карты.

Особенно строго следили за тем, чтобы в посылки не вкладывали деньги. Их конфисковывали. И все же деньги иногда прятались в посылке. Н. Ф. Одолинская писала матери из Норильлага: «Деньги отдавать не будут, так что если пришлешь, то запрядь на дно коробки или банки, вшей в толстую часть платья (в плечико накладное), вклей в стенку пачки – в общем, сама придумай» (1949).

Случалось, что присланное отнимали уголовники: «Либо ты ему выделяешь из посылки, либо вообще у тебя ее забирают. И хорошо, если морду не набьют», – вспоминал А. Н. Прядилов, заключенный Озерлага.

«Нередко посылка доставляла огорчение, а иногда и стоила жизни. Известны случаи, когда блатные убивали посылочника, чтобы отобрать посылку», – это строки из воспоминаний Е. М. Львова (Норильлаг).

Как правило, «делиться» содержанием посылок приходилось с лагерной службой и начальниками.

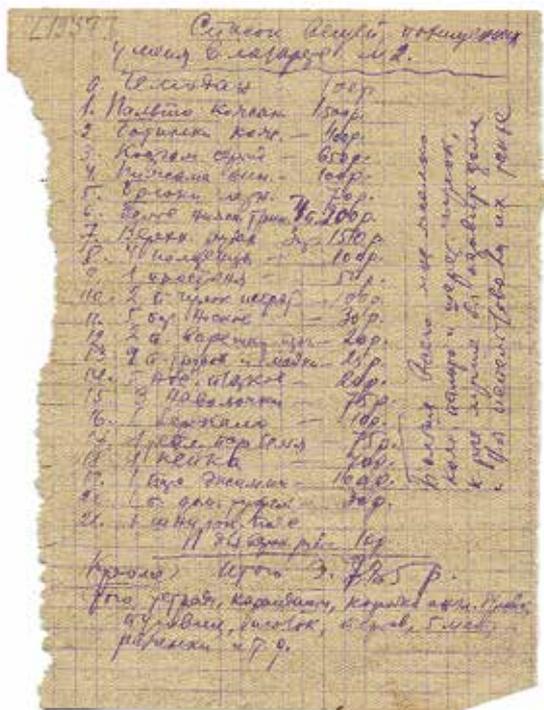
Из воспоминаний Е. М. Львова: «Получая посылку из рук надзирателя, надо немедленно проявить широту натуры. Горсть конфет, пачку папирос, пачку печенья и др. надо тут же положить на середину стола – угощение выдающему, присутствующим надзирателям и отсутствующим придуркам. Не сделаешь этого, с тобой поступят “по закону”: все вскроют, распечатают и одно за другим будут высыпать в наволочку (ящики не выдаются). В результате в посылке окажется смесь из сахара, круп, чая, табака и т. д.»

Но даже выполнив все необходимые формальности и лагерные «правила», заключенный рисковал лишиться своего имущества. Кражи были обычным явлением, особенно в тех лагерях, где политические заключенные находились вместе с уголовниками.

Вот что писал М. Д. Юдин (Бамлаг, 1938): «Родные мои! Ваша третья посылка доставила мне радость и в стократ больше горя. В ту ночь, когда я писал вам последнюю открытку – меня совершенно обворовали, или как тут говорят “раскурочили”. Украли всё, кроме

того, в чем я спал и на чем спал, то есть кроме одеяла, подушки, пальто, бушлата, шапки, теплых чулок. Короче говоря, меня раздели, раздели и оставили голодным. Невозможно иметь здесь что-нибудь кроме как на себе. Присылать что-нибудь из обуви, одежды, белья – выкинуть в бездонную яму. Я категорически запрещаю вам присылать мне что-либо из вещей».

Об этом же писал и Ф. А. Евсеев (Южлаг, 1938): «Из одежды и белья мне ничего не надо. У меня все раскрыли и просто разграбили. И не я один. Решил – голым так голым, босой, так босой – мне не стыдно. Так что ничего из одежды не надо».

Список вещей, украденных у заключенного К. Е. Сорина. Амурлаг, 1937

«Список вещей, похищенных у меня в лагере № 2

0. Чемодан – 100 р.
  1. Пальто кожаное – 1500 р.
  2. Ботинки кожаные – 400 р.
  3. Костюм серый – 650 р.
  4. Пижама син. – 100 р.
  5. Брюки летние – 70 р.
  6. Белье нижн. трик. 4 шт. – 200 р.
  7. Верх. рубах. 3 шт. – 1510 р.
  8. 4 полотенца – 100 р.
  9. 1 простыня – 50 р.
  10. 2 п. чулок шерст. – 100 р.
  11. 5 пар носков – 30 р.
  12. 2 п. варежек – 20 р.
  13. 2 п. трусов и 3 майки – 25 р.
  14. 5 нос. платков – 20 р.
  15. 3 наволочки – 75 р.
  16. 1 зеркало – 30 р.
  17. 1 тепл. пара белья – 75 р.
  18. 1 кепка – 70 р.
  19. 1 п. джимми – 100 р.
  20. 1 п. дом. туфель – 30 р.
  21. 1 шнурок-пояс для верх. руб. – 10 р.
- <...>

Кроме того: тетради, карандаши, коробка англ. булавок, пуговиц, иголок, 5 метров резинки и т. д.

Больше всего мне жалко кож. пальто и шерст. чулок, к-рые лучше бы оставить дома и вы использовали их также».

Можно ли было отправлять посылки из лагеря?

Можно. Конечно, таких отправлений было неизмеримо меньше, чем посылок в лагерь с воли, но все же они были. В музейной коллекции «Мемориала» немало вышивок, присланных женщинами-

заклученными родственникам, чаще всего детям.

Были случаи, когда посылки посылались даже из лагеря в лагерь.

Об этом свидетельствует, в частности, переписка ВЕРЫ ФЕДОРОВНЫ БЕРСЕНЕВОЙ и ФРИДРИХА ОСКАРОВИЧА КРАУЗЕ. Приведем строки из нескольких писем, в которых речь идет о посылках.

От Краузе – Берсеновой.

29 января 1946 года: «Узнавал я возможности посылки тебе некоторых вещей. Здесь не возражают, но на Марыйской почте требуется

справка вашего лагеря, без чего не принимают. Пожалуйста, получи такую справку через КВЧ и пришли мне. Конечно, послать тебе могу только ерунду, но я ведь знаю хорошо, как нужна и эта ерунда. Я приготовил кусок мыла, и есть у меня лишние теплые (рваные, конечно) кальсоны и черный дамский джемпер, который мне еще в Караганду прислала Ирина. Вот и все; а все-таки...

Разрешили мне посылать тебе иногда бандероли. Пошлю в ближайшие дни. Я попросил купить мне в городе центральных газет. Сохранился у меня еще старый номер “Медицинского Работника” и номер “Литература и Искусство”. Добавлю номер “Наука и Жизнь” – и будет тебе и пицца для мозга и бумага для куренья (не могу заставить себя писать “курева”).

29 марта 1946 года: «Получил твое письмо от 14 марта с вложенной справкой на посылку. Это дало мне право и возможность сейчас вечером, как бывало, собирать тебе, – если не стол, то, во всяком случае, кой-какие вещи для подарка. Пусть это будут очень скромные подарки, – рубище, которое один нищий подает другому, но они собраны, конечно, не с меньшей любовью и с страстным желанием, чтобы они полностью дошли и оказались нужными и милыми. Завтра пойду говорить с нашей ИТКовской почтой – надо узнать, как упаковать. Вот беда, нет фанерного ящичка. Ну, посмотрим...»

21 апреля 1946 года: «Дорогой мой друг, Верочка. Проходит день за днем, а посылку я тебе все еще не отправил. Миллион задержек: начальник, который разрешил отправить, уехал в отпуск; пришлось

Лагерная вышивка из АЛЖИРа.
1940–1946

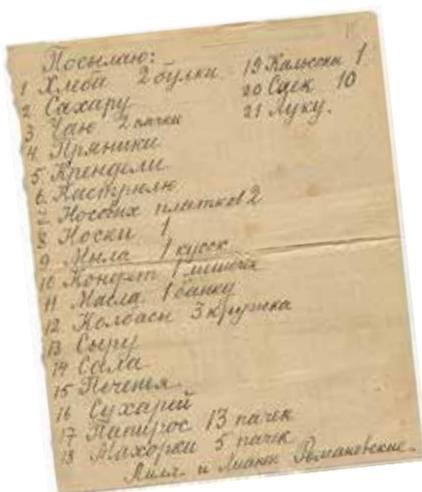
получить новое разрешение. Почта долго отказывалась принимать, так как необходимо будто бы в справке указать район; им разрешено отправлять только в три района Кемеровской области. Удалось доказать, что это не относится к местам заключения. Полосатая упаковка посылки, да еще с заплатами, забракована; необходима новая белая. Достал и это. Теперь остановка за переводным бланком, который надеюсь получить завтра. Не уверен и в том, что это последнее препятствие. А потом с нетерпением буду ждать твоего извещения о получении посылки».

От Берсеновой – Краузе.

21 февраля 1946 года: «Бесконечно растрогала меня твоя забота обо мне. Я получила твою бандероль с газетами, “Шинелью” и “Наукой и Техникой”. Газеты в несколько поврежденном виде, но все-таки большая часть цела. Особенно меня тронул номер от дня Победы. Знаю, как ты им дорожил, хранил его все это время на память о великом событии и вот – послал мне. Дошла только нижняя половина страницы – обрывок, но я заплакала от волнения, увидев его, и буду его хранить тоже. Может быть, нам когда-нибудь дозволено будет отпраздновать этот день вместе, тогда мы вынем этот кусок газеты и вспомним все, что пережили – радость и горе...»

За каждой из лагерных посылок – семейная трагедия, разлука, человеческое горе. Но и радостный миг в жизни заключенного. «Ах, посылки, что они значили в лагере! К письмам можно привыкнуть, воспринимать как радостное, но будничное событие. Посылки же – всегда чудо». Эти строки из воспоминаний бывшей узницы Темниковского лагеря З. Д. Усовой не нуждаются в комментариях.

Список вещей
к посылке
В. Э. Романовскому.
1938

СВИДАНИЯ

Открытка, присланная из Севвостлага. 1939

Могли ли заключенные тюрем получать свидания с родственниками?

Московский экономист М. Г. Биншток писал жене из Сиблага в 1941 году: «Разве я когда-нибудь мог представить себе не видеть тебя даже один день. <...> А теперь – два с половиной года. Это даже выговорить тяжело. Я много раз пытаюсь представить первую минуту нашего свидания... и у меня мурашки пробегают по телу и голова начинает кружиться. Самая встреча после такого долгого-долгого перерыва, мне кажется, должна быть потрясающей, как я ни призываю себя, свое сердце, свою волю – к спокойствию». Тогда, в 1941 году, свидание не состоялось. И он же – в письме 1947 года: «Хочется, так хочется с тобой повидаться – до жути, до боли. Теперь я живу мечтой, авось в 1948 году хоть повидаться доведется, ибо перспектив на полное освобождение я пока не вижу...» Он же – через год: «Сегодня 15.VII, ровно 10 лет моей трагической даты. Десять лет никого из родных не видеть, десять лет прожить так, как я прожил, – это ужасно, можно с ума сойти. Но я хочу с тобой повидаться и с таким нетерпением жду этого часа свидания, что все боюсь, как бы оно не сорвалось».

Заключенный на свидании с семьей.
Карлаг, 1932

Ничего так не ждали заключенные в тюрьмах и лагерях, ни о чем так не мечтали, как о свидании с родными. Но до окончания следствия никакие контакты арестованного с внешним миром не допускались. Только после вынесения приговора, когда

подследственный переходил в категорию «осужденный», он получал право на свидание с родственниками.

27 мая 1939 года была введена в действие Инструкция «О порядке предоставления свиданий с родственниками заключенных спецтюрем ГУТБ НКВД СССР»¹, согласно которой свидания должны были проходить в специально оборудованной комнате в присутствии оперативного работника. Устанавливалась продолжительность свидания – до 30 минут. Свидание с заключенным могли иметь одновременно не более двух родственников. При нарушении правил присутствующий сотрудник тюрьмы должен был предупредить нарушившего или совсем прекратить свидание.

Инструкция 1939 года закрепила сложившиеся ранее традиции, в соответствии с которыми свидания в тюрьмах разрешались только после приговора, всегда в общей комнате и в присутствии надзирателя.

Но, получив после окончания следствия право на свидание, заключенный не всегда мог им воспользоваться. Много зависело от следователя, от тюремного начальства.

Вот как писал о своем следователе в Семипалатинской тюрьме М. А. Чилинкиридис (1935): «Нет никаких причин, чтобы нам не давали свиданий, за исключением желания со стороны Гончарова демонстрировать свою власть. Вот де я какой: хочу дам свидание, а не хочу – и не дам, ндрав у меня такой».

Но были и другие примеры.

С. Г. Ландау, дочь арестованного в Вязьме в 1937 году инженера Г. И. Ландау, нашла своего отца в следственной тюрьме Смоленска. Придя к следователю, «стала у него спрашивать, что с папой, как он себя чувствует, жив ли он? Уж не знаю, что подействовало на этого человека – я, или у него были свои соображения, но он вдруг сказал: “Ну, хорошо. Чтобы вы убедились, что я вас не обманываю, я вам дам свидание”».

О процедуре свиданий в московских тюрьмах в 30-е годы дает представление отрывок из воспоминаний А. Н. Трещалиной о встрече с отцом – Николаем Александровичем Бруни (1934): «Было одно свидание в тюрьме: по широкому проходу, отгороженному с двух сторон решетками, ходил охранник с ружьем. За одной решеткой толпились женщины и дети, за другой – напротив – заключенные. Отец громко предупредил: “Только не плачьте, не кричите, а то сразу всех прогонят”».

¹ ГАРФ. Ф. Р-9413.
Оп. 1. Д. 1.

Из воспоминаний А. И. ПЕРЕЛЬМАН (1938): «Мне прислали открытку из НКВД, что мне разрешается свидание с мужем в Бутырской тюрьме, такого-то числа, в такое-то время... И вот иду я на свидание через два года, как мы расстались. Описать момент первого свидания трудно. Сели за стол напротив друг друга. Сбоку – военный. Предупредил: “Разговаривать только на русском языке, о деле не говорить”. Не успели поговорить, как уже: “Свидание окончено”. Всего 30 минут».

Сидевший в ленинградских «Крестах» А. А. ХАЮРОВ уже в начале 1941 года описывает такую же процедуру: «2 марта – день свиданий. С десяток человек из разных камер вывели в комнату свиданий. Комната была в середине перегороджена от пола до потолка сетками. Между этими сетками, находящимися друг от друга на расстоянии около 1,5 метра, прохаживался дежурный стражник. Нас поставили у одной сетки. Через некоторое время в другой части комнаты открылась дверь и в нее, толпясь, толкая друг друга, вошли пришедшие на свидание. Все десять пар говорили разом, переходили на крик, чтобы услышать друг друга... Разговора, конечно, не получилось. 15 минут истекли, и свидание закончилось».

Возможны ли были свидания во время этапирования заключенных из тюрьмы в лагерь?

В ожидании этапа родственники осужденных предпринимали бесконечные попытки встретиться с близкими – дежурили на вокзалах в надежде разыскать среди товарных поездов эшелон с заключенными и хотя бы издали увидеться.

Н. А. Глазов, осужденный в Ленинграде в 1936 году, вспоминал: «Родным время и место отправки этапа официально не сообщались, но окольными путями многие об этом узнали – моей жене шепнул об этом допрашивавший ее накануне следователь. Ко времени отправки поезда на путях собралась толпа провожающих. Мы с женой увидели друг друга, но сказать что-либо из-за шума не смогли. Провожающие старались приблизиться к вагонам, но стрелки с собаками отгеснили их на двести-триста метров, а поезд продвинули вперед».

А. Н. Наумова рассказывала, как в 1938 году после ареста отца, Н. Н. Пуймана, бухгалтера из уральского города Аша, ее мать шла

Перед отправлением на этап. 1941

за эшелон в надежде увидеть мужа: «Состав потихоньку передвигался, стоял на станции долго. Мама организовала женщин, их было человек восемь или десять. А женщины – где пешком, где как могли – пробирались. Челябинскую область мама прошла пешком, далеко она его провожала, все-таки догнала. И даже передачи пытались передавать. Он тоже сумел передать нам письмо, писал, что он мечтает, чтобы мы учились и выучились. Ну и маме тоже написал, чтобы она крепилась, держалась и воспитывала нас. Папа ее просил, умолял, чтобы она больше уже его не искала».

Свидания во время следования эшелона были невозможны, однако в архиве «Мемориала» сохранились свидетельства о совершенно невероятных встречах.

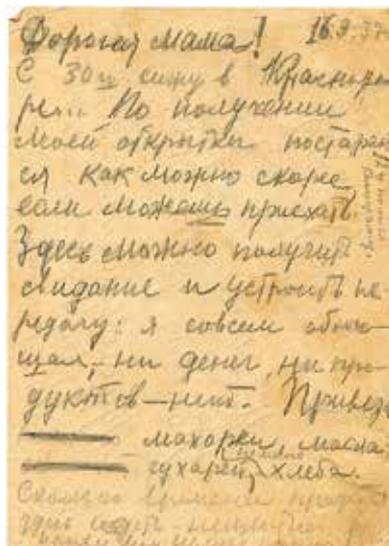
Этапированная в Темлаг В. А. Изумрудова рассказала о свидании (если это можно назвать свиданием) матери с дочерью во время этапа (1938): «В нашем вагоне была одна молодая женщина из Петрозаводска, дочь рабочего-железнодорожника. Она знала, что дети, мальчик и девочка, когда ее забирали, остались с бабушкой и дедушкой. Чем ближе мы подъезжали к Петрозаводску, тем больше она мучилась. На нее было больно смотреть. Всем вагоном мы думали, как ей помочь. В Петрозаводск поезд пришел вечером. Зарешеченное окно было высоко, но, став на чью-либо спину, до него можно было дотянуться. Мы устроили у окошка настоящее дежурство, и, дождавшись, когда конвоира не было поблизости, а вдоль

вагона шел обходчик, позвали его. Женщина назвала ему фамилию отца и умолила, чтобы он сообщил ему, где стоит наш поезд, и попросил привести детей. Всю ночь мы ждали и больше всего боялись, что поезд может отправиться. Рано утром под окном раздался стук. Мы подняли вверх подругу. У вагона стоял отец и держал на руках девочку. Что могли они успеть сказать друг другу за время, пока конвоир шел с другого конца состава!»

Первое после следственной тюрьмы официально разрешенное свидание могло состояться в пересыльной тюрьме или лагере по пути следования этапа. Несколько дней, а то и месяцев, в течение которых формировались эшелоны к месту назначения, заключенный имел возможность и право написать родным письмо, сообщить, где он находится. Если это было не очень далеко, родственники успевали приехать и получить свидание.

Открытка Владимира Муралова из Краснодарской пересыльной тюрьмы. 16.09.1937

«Дорогая мама! С 30-го сижу в Краснодаре. По получении моей открытки постарайся как можно скорее, если можешь, приехать. Здесь можно получить свидание и устроить передачу: я совсем обнищал, – ни денег, ни продуктов – нет. Привези махорки, масла, сухарей, немного хлеба. Сколько времени придется здесь сидеть – неизвестно. Привет всем, целую крепко.»

Какой был порядок получения свиданий в лагере?

Свидание в лагере и для заключенного, и для его родственников было событием исключительным не только по своей эмоциональной значимости, но и по сложности осуществления. Для того чтобы добраться до далеких мест заключения ради короткой встречи с близким человеком, требовалось и время, и немалые деньги, а нередко – и преодоление всевозможных препон.

Н. Р. САРКИСОВ (Бамлаг, 1934) пишет родителям в Москву: «Вы все спрашиваете: можно ли ко мне приехать? Конечно, нельзя. Представьте себе, что надо ехать 10-11 дней, чтобы побыть вместе всего несколько дней. Вдобавок надо на это уйму денег. Так что, по-моему, даже разговор об этом надо считать большим безрассудством. Помещение можно найти только в деревне, за 2-3 километра от управления, следовательно, видеться придется мало, да и на это надо выхлопотать разрешение».

Добиться свиданий лагерникам было непросто во все времена существования ГУЛАГа. О свиданиях в лагерях в 30-е годы мы можем судить по мемуарным источникам и переписке.

В архиве «Мемориала» хранятся письма арестованного в 1934 году и отправленного на Соловки руководителя Метеослужбы СССР Алексея Феодосьевича Вангенгейма, из которых видно, сколько усилий, переживаний, нервных затрат требовалось заключенному и его родственникам, чтобы попытаться получить свидание.

Из писем А. Ф. ВАНГЕНГЕЙМА жене:

«23.VII.1934

Возбуди ходатайство перед Начальником ББК в Медвежьей горе о разрешении свидания. Я на днях подаю со своей стороны. Ведь при отправке в этап нам не дали свидания, может быть, дадут теперь...»

«9.VIII.1934

О разрешении свидания ходатайство послал. Подала ли ты?»

«13.X.1934

О свидании я тебе писал. Я возбудил ходатайство еще 30 августа и просил в одном из писем тебя возбудить ходатайство перед начальником Беломоро-Балтийского Комбината. Получила ли ты это мое письмо и послала ли заявление?»

«24.X.1934

Ты спрашиваешь, родная, про условия поездки на Соловки, – это невозможно. На свидания вывозят на материк на несколько дней. Но мне пока и в этом отказано».

Когда-то А. Ф. Вангенгейм был вхож в Кремль, был знаком с А. М. Горьким, О. Ю. Шмидтом, прокурором СССР И. А. Акуловым, но все обращения к ним остались без ответа.

«9.XI.1934

Как и ожидал, и второй раз в свидании отказано. Очевидно, одновременно с отказом тебе Акуловым».

«7.VIII.1936

Ты спрашиваешь, что мне привезти в случае свидания. Лучше, моя дорогая, ничего. Все, что нужно, лучше посылками, а то лишние обыски, лишние удары по человеческому достоинству».

«13.IX.1936

Узнал из твоего письма об отказе. Как тяжело! Но мы должны и к этому отнестись философски, т. к. никакие страдания не помогут. Попытайся еще у М. И. Ульяновой».

И эта попытка, как и все предыдущие, окончилась ничем. А. Ф. Вангенгейм был расстрелян 3 ноября 1937 года. Свидания с женой он так и не дождался.

До 1939 года процедура получения свиданий не была прописана четко. Обязательным условием было заявление на получение свидания. Встреча могла состояться лишь после письменного разрешения, но только с ближайшими родственниками.

Порядок получения разрешения и форма свидания зависели от администрации лагеря. Не было ясно, кто должен писать заявление, – заключенный или его родственник, сколько времени свидание будет продолжаться, в каких условиях, так как специализированных помещений не создавалось.

Из письма И. И. Деягера к жене (1935): «Заявление о свидании подается либо заключенным, либо лицом, испрашивающим свидание. Я думаю, будет хорошо, если мы оба подадим заявления на имя начальника Управления Прорвлага, причем ты, пожалуй, должна будешь приложить к своему заявлению справку из домоуправления о том, что мы действительно муж и жена».

О справке из домоуправления И. И. Деягер пишет, зная, что свидания разрешаются лишь прямым родственникам (жене, детям, родителям, братьям, сестрам).

В 1939 году Приказом НКВД СССР № 00889 вводится «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР»¹. Она становится основным документом, регламентирующим свидания в лагерях. В ней говорилось:

Заключенным, содержащимся в исправительно-трудовых лагерях, разрешаются в лагере свидания с их родственниками при условии выполнения производственных норм и соблюдении лагерного режима... I раз в 6 мес., и в порядке поощрения лучшим производственникам — до I раза в 3 мес.

¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А. Яковлева; сост. А. Кокурин, Н. Петров. М.: МФД, 2000. С. 464.

Порядок получения свиданий прежде всего зависел от статьи осуждения. Отбывающим срок за контрреволюционные преступления (террор, шпионаж, измена Родине, участникам троцкистских, зиновьевских, правых, фашистских и националистических организаций, членам антисоветских партий – меньшевикам, эсерам и др.) свидания предоставлялись только с разрешения начальника ГУЛАГа НКВД. Осужденные за другие политические преступления получали свидания с разрешения начальника лагеря.

Отбывавший заключение в Каргопольлаге преподаватель Рязанского пединститута Е. И. Яблоков писал жене в 1939 году: «Первые три месяца считаются испытательными, свидания не разрешаются. Недавно к одному из преподавателей, заключенному в нашей колонии, приезжала жена, он получил свидание на один час. По моему, этого делать не стоит; больше огорчения, чем радости. Был случай раньше, когда не допустили сына (мальша) к отцу. Таковы, видимо, правила для первых трех месяцев лагеря».

Свидания служили инструментом поощрения и наказания заключенных, и администрация лагерей к этой мере постоянно прибегала.

Из воспоминаний Н. Ф. Ливчак о посещении мужа в Соликамском ИТЛ (1940): «Начальник меня обнадежил, сказав, что Володя хорошо работает, есть основание для сокращения срока, и он дает поощрительное свидание – два раза по полчаса».

Добиться свидания в лагере без разрешения было невозможно, тем не менее родственники не теряли надежды и все равно приезжали.

Е. В. Соколова-Бартеньева (Темниковский ИТЛ) приводит в своих воспоминаниях письмо матери (1939): «Здравствуй, дорогая доченька! Не было предела моей радости, когда я получила от тебя

Заклученный Вятлага.
1950-е

письмо. У меня сразу прибавилось очень много здоровья, и я все-таки надеюсь хоть одним глазком взглянуть на тебя. Говорят, что надо у кого-то попросить разрешение на свидание с тобой, а я не знаю, к кому обратиться, чтобы разрешили с тобой свидание. В конце сентября я ездила к тебе в Потьму, но свидание почему-то не разрешили».

Художница Н. Ф. Ливчак вспоминала, как они вместе с сестрой пытались получить свидания в Соликамском ИТЛ, где содержались их мужья: «На нас накинудись с грубой бранью: мы-де ничего не понимаем, никаких свиданий не будет, и если мы немедленно не исчезнем из Соликамска, то последуем по стопам своих мужей».

По Инструкции 1947 года¹ свидания, как и прежде, нужно было «заслужить» примерным поведением и ударной работой. При рассмотрении заявления заключенного с просьбой о свидании администрация лагеря учитывала выполнение норм выработки за месяц. Второе обязательное условие – отсутствие нарушений лагерного режима. Эти сведения отмечались на обороте заявления.

Не имели права на свидания заключенные каторжных лагерей, а также иностранные граждане. С сентября 1947 года запрещались свидания заключенных с родственниками на строительстве объектов Главпромстроя МВД СССР² (строительства предприятий и учреждений, связанных с атомным проектом).

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1. Д. 319. Т. 3.

² ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 254. Л. 122.

Как проходили свидания в лагере?

Свидания предоставлялись общие и личные. На общем свидании обязательно присутствовал надзиратель. Для личного свидания предусматривалось отдельное помещение, где заключенные могли остаться наедине с родственниками.

В начале 30-х годов, в период неустоявшегося регламентирования, места для свиданий устраивались по-разному.

В архиве «Мемориала» есть воспоминание Г. Г. Гордона о поездке к отцу – профессору Гавриилу Осиповичу Гордону на Соловки в 1931 году. Уже тогда общие свидания там проходили в специально оборудованном помещении: «Нам дали три дня общего свидания. “Дом свиданий” представлял собой одноэтажный деревянный барак, по всей длине разделенный на две неравные части. В большой – было с десяток комнат, метра три длиной и неполных два метра шириной, между двумя топчанами с матрацами, суконными одеялами и чистым бельем как раз могла разместиться тумбочка. <...> Меньшая часть барака занимала комната свиданий. В рамке под стеклом висели художественно оформленные “Правила общих свиданий”. Эти правила запрещали здороваться за руку, что вызывало окрики двух надзиравших охранников с угрозой прервать свидание. Фактически свидание продолжалось часа полтора. Таких свиданий у нас с папой было два. Уже на первом свидании он сказал: “Завтра из Москвы возвращается начальник УСЛОНа, я буду просить его о личном свидании и, думаю, что он мне не откажет”. Начальник, действительно, не отказал. Сохранилась фотография Г. О. Гордона с женой и дочерьми, сделанная на Соловках.

Есть свидетельство Н. П. Серединой о свидании ее матери с отцом в 1934 году в лагере Медвежьегорска (Беломоро-Балтийский ИТЛ) совсем в других условиях: «Политические жили в отдельном бараке: 2-ярусные нары вдоль стен и длинный стол со скамейками посередине барака. Маме с отцом отделили уголок в бараке, завесив его одеялами. А мама перестирала и перештопала их одежду, и все время поддерживала уют. С тех пор, до 1937 года, она дважды в год навещала отца».

Впоследствии режим свиданий во всех лагерях был унифицирован в соответствии с Инструкцией НКВД 1939 года. Свидания решались только с прямыми родственниками. Общие – не более чем на 2 часа в сутки, но не свыше 8 часов. Личные – на срок не бо-

лее 5 суток. Последующие инструкции с большими подробностями описывали правила поведения родственников и заключенных во время предоставленных встреч.

Приезжавшие на свидание должны были зарегистрироваться, их предупреждали о запрете нелегальных передач, их вещи проверяли, а документы сдавали на хранение. И родственников, и заключенных обязательно обыскивали до и после свидания. Беседы допускались только личного и семейного характера. Дежурный надзиратель ставил отметку на заявлении заключенного, что свидание состоялось.

«Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» 1939 года легла в основу всех последующих правил проведения свиданий без существенных изменений. Инструкции следующих лет (1947, 1954) подробнее описывали организацию мест для свиданий.

Из Инструкции о правилах проведения общих свиданий (1947)¹:

- Свидания происходят в изолированном от зоны охраняемом помещении или специально оборудованном помещении при вахте. Пропускать родственников в зону лагеря запрещается.
- Для общих свиданий оборудуются площадки, огражденные забором или колючей проволокой, вход через вахту. На площадке должны быть стенды с газетами, журналами и приказами начальника колонии о поощрении хорошо работающих заключенных.
- На свидания заключенные допускаются в опрятном виде: постриженные, побритые, чисто одеты и обуты.
- Во время свиданий заключенных с родственниками допускаются разговоры только личного семейного характера.
- Надзиратель следит, чтобы во время свидания заключенному не передали бы запрещенных предметов или писем.

Несмотря на четко прописанный в Инструкции регламент свиданий (2 часа), администрация лагеря могла изменить условия. В воспоминаниях бывших заключенных есть примеры, когда свидания длились дольше назначенного времени.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1. Д. 319. Т. 3.
С. 22.

Узница Темлага А. С. Войтыга вспоминала о таком свидании с матерью и дочкой (1938): «Прибывших поселили в специальном помещении, которое находилось вблизи лагерной территории, а меня приводили под конвоем. Все время свидания конвоир сидел за столом, за которым сидели и мы. Я рассказывала о моем лагерном житье, естественно, стараясь пропускать всякие неприятные подробности, такие, как проверки, тревоги, обыски и т. п. Свидания продолжались два дня: с утра до обеда, на обед меня забирали в лагерь, а после ужина [до отбоя] я опять была со своими. Два дня пролетели молниеносно, и уже пришло время проститься на следующие четыре года».

Приезжавшие на общие свидания родственники, как правило, должны были сами искать место для ночлега. Иногда в этом помогали работающие в лагере вольнонаемные или кто-то из лагерной обслуги.

Приехавшая на свидание к матери в Печорлаг М. Ю. Геккер вспоминала (1937): «Мы с сестрами решили в зимние каникулы поехать к маме. В проходной будке была перегородка, за ней маленькая комнатка – полтора на полтора метра. В ней стояла железная печка, скамья и табурет. Я подумала, что там бывают свидания. Нас запустили в эту комнатку. Томительно тянулось время. Наконец раздался шаг в проходной и мамин голос. Я кинулась к маме на шею и очень плакала. Дальше все было как во сне. В обед нарядчик принес нам чай с кипятком. Он договорился, что нас пустит ночевать семья конвоира, в домике напротив ворот, а завтра маму опять пустят на свидание».

О свиданиях в Сиблаге рассказывает письмо Е. Ф. Краузе, которая вместе с теткой и братом ездила в лагерь к матери в 1946 году: «Приехали мы [в Мариинск] 8-го сентября днем (воскресенье) и остановились на вокзале, в зале ожидания. Узнать в комендатуре, где находится мама, было невозможно, потому что все было закрыто. На следующий день мы узнали, где находится мама (25 км в сторону от железной дороги), поехали туда на машине. И мы, как были – грязные, пыльные, вонючие от бензиновых бочек, на которых мы ехали, ввалились на вахту вместе с вещами. <...> Маму окружают очень хорошие, умные, культурные люди, которые искренне привязаны к ней и любят ее очень сильно. Поселили нас ее друзья очень хорошо. У нас до конца была комнатка, достаточно меблированная, чтобы в ней возможно было жить, с печкой, с электрическим осве-

щением. С 10-го мы 5 дней подряд ходили к мамочке на свидание и, хотя на бумажке стояло “2 часа”, сидели с ней по 4 часа».

Заклученный
Песчанлага.
Фотография сделана
во время свидания
с отцом. 1955

Заклученный Норильлага А. С. Гебель рассказывал, как к нему в лагерь приезжала жена после отбытия своей ссылки в Актюбинской области: «Свидание в 1947 году, после 10 лет разлуки! Я бросился к воротам и через окно вахты увидел жену. Когда открылась дверь и ее пустили в вахтенную избушку, мы бросились друг другу в объятия и долго, обливая друг друга слезами, молча, без слов и радовались, и страдали.

– Дайте посмотреть вашу корзинку, – громко сказал дежурный вахтер, обращаясь к жене.

Осмотрев корзинку, он пустил ее в лагерную зону на площадку, где проходили свидания. Мы сели на скамейку. Вокруг нас взад и вперед расхаживал надзиратель. Разрешили ей завтра еще один раз прийти. Радости нашей не было конца».

Радость встреч, однако, омрачалась самой обстановкой свидания. Об этом пишет в Москву заклученный Севжелдорлага физик Л. Г. Мищенко (1947; письмо отправлено в обход лагерной цензуры): «Насчет свиданий, Света. Я не знаю, как тебе описывали эту возможность. Выглядит же это “в натуре” большей частью очень тяжело, а порой и унижительно. Чаще всего это – несколько десятков минут в караульном помещении у ворот лагеря, в при-

сутствии обычно там находящиеся охранников плюс надзирателя. Причем этот последний у нас на редкость самодур и иной раз запрещает по своей воле свидания, разрешенные начальником лагпункта, и ничего с ним не поделаешь. Правда, бывают и удачные случаи, когда разрешают свидания по несколько часов в течение нескольких дней, в зоне лагеря, практически без свидетелей, но это редко и, как правило, не нашей статьи. Вот так-то. Когда мне приходит в голову мысль о возможном характере нашего с тобой свидания, буде такое состоится, то я сразу думаю, принесет ли оно тебе облегчение, или только поднимет вновь мучительную боль, улегшуюся немного». Светлана все же решилась поехать в Севжелдорлаг, и свидание состоялось.

С. Иванова.
Кожва, 1947

Железнодорожный билет
в жестком вагоне Кожва-Москва

Но даже получив разрешение на свидание, заключенный не был уверен, что оно состоится. Вот как вспоминал об этом К. С. Синелобов, отправленный после войны в лагерь на Львовщину (1945): «Я заблаговременно подал ему [начальнику] соответствующее заявление. Он засунул мое заявление в какую-то толстую папку бумаг, находившуюся у него в кармане, и буркнул: “Ладно, дадим”. С волнением я написал маме: “Выезжай, разрешение получено”. Маме было 59 лет, она пережила ленинградскую блокаду, а дорога ко мне была долгой и трудной. К счастью, по приезде мамы начальник нашел у себя в кармане мою бумажку. Маму пустили, предупредив, что если будет плакать, могут удалить...»

Б. Мкртчян. Свидание с сыном. Ивдельлаг, 1954

Главное отличие личного свидания от общего состояло в том, что заключенные могли общаться с родными наедине, без присутствия сотрудников лагерной администрации и охранников.

Вот что писал жене о личном свидании И. И. Деягер, находившийся в Прорвинском ИТЛ (1935): «Если сюда приезжают чьи-нибудь родные, на время свидания есть специальная отдельная комната... Я думаю, что нам летом (раньше вряд ли) свидание разрешат, т. к. обычно его дают лагерникам, не имеющим замечаний и ведущим общественную работу».

Заклученный Каргопольлага Е. И. Яблоков в своих письмах домой подробно обговаривал возможность приезда к нему жены на личное свидание, предварительно выяснив, как оно проходит в его лагере. Оказалось, что лагерная реальность далека от того, что декларировалось в Инструкции.

Из писем Е. И. Яблокова:

«25.V.1939

Для свидания служит отдельная комната при вахте; т. е. в том домике, который стоит у ворот лагпункта; в этом домике день и ночь дежурит караул, окошечко комнаты для свиданий смотрит внутрь лагпункта, внутрь зоны. Заклученные, имеющие отдельную комнату, конечно, пользуются для свидания ею. Так мог бы получить свидание, например, ветеринарный врач Василий Иванович Августов, живущий за зоной, при ветлечебнице; кстати, он предлагал мне на случай твоего приезда свою комнату; но разрешит ли мне администрация воспользоваться этим (он-то индивидуально расконвоирован)?»

«1.VI.1939

Недавно к одному из знакомых заклученных приезжала жена, ходатайствовал о свидании он задолго (за месяц), получил разрешение на сутки... Свидание происходило в тесноте маленькой каморки, где кроме нее были две других посетительницы, а рядом за стеной дежурили и разговаривали конвойные. Таковы условия свидания».

«3.VII.1939

Милая Нина, родная моя, жена моя хорошая, сейчас узнал в конторе (в УРЧ), что получено разрешение на свидание с тобой, на одни сутки; говорят, что начальник нашего лагпункта может дать дополнительно еще на сутки разрешение...»

Продолжительность личных свиданий и условия, в которых они проходили, как и многое в жизни заклученного, зависели от отношения администрации. Начальник лагеря мог разрешить продлить кратковременное свидание на всю ночь или мог изменить условия работы заклученного, чтобы у него оставалось больше времени для встречи с близкими людьми.

Заклученному Унженского лагеря З. Ш. Шифрину продлить свидание с матерью разрешили в порядке поощрения: «В феврале 1939 года ко мне на свидание приехала моя пожилая слабенькая, больная и близорукая мама. Она одна лесом, неся в руках чемодан

с передачей для меня, шла ко мне в лагерь... Свидание было разрешено только на один час. Но поскольку я считался примерным заключенным, начальник лагеря разрешил свидание на всю ночь».

А. Н. Прядилов (Щелково, 1944) рассказывал: «В лагерь ко мне приехала на свидание мама. Надо сказать, что администрация отнеслась сочувственно. Нам с мамой выделили комнату, а мне сказали: “Всю ночь можешь проводить с матерью. Утром останешься работать в зоне, чтобы тебя не гонять на трассу”. И мы с ней провели все это время. Никаких там этих – ни надзирателей, никого не было. То есть, отнеслись сочувственно».

Но «сочувственно» относились не ко всем, не всегда и не везде.

Находившаяся в Темниковском ИТЛ «член семьи изменника родины» Э. Ю. БАРИТ с горечью вспоминала о свидании с 10-летним сыном: «Летом 40-го сестра привезла мне на свидание Роальдика. Трудно даже вспомнить сейчас об этом свидании – это было одновременно и счастье, и кошмар. Мысль о том, что вот мы сейчас расстанемся, отравляла каждую минуту радости. Несмотря на все просьбы Ани продлить свидание еще на один день, ей отказали».

С началом войны свидания были запрещены.

И. А. ГАЙСТЕР вспоминала о свидании с матерью в АЛЖИРе, которое вышло на 22 июня 1941 года: «В лагерь мы приехали ни свет ни заря. Лагерь стоял в голой степи. Не просто голая, а выжженная степь. Колючая проволока с вышками, а за ними длинные мрачные бараки. Саманный домик для свиданий стоял прямо за вахтой. Внутри домика только скамейки. В 8 часов утра конвоир привел наших мам на свидание. Но свидания нам всем уполовинили. У меня было 24 часа, оставили 12». Родственникам, приехавшим в лагерь на следующий день, несмотря на все разрешения и согласования, свидание получить не удалось.

Возобновлены свидания были лишь в 1944 году. Указом начальника ГУЛАГа № 42/207¹ они разрешались

для передовиков производства с прямыми родственниками, проживающими на территории области, где дислоцируется лагерь.

После окончания войны инструкции 1945 и 1947 годов фактически повторяли правила 1939 года, подробнее описывая организацию мест для свиданий.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414.
Оп. 1а. Д. 324. Л. 50.

Из инструкции по режиму содержания заключенных в ИТЛ и колониях МВД (1947)¹:

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1.
Д. 319. Т. 3. С. 22.

- Личные свидания предоставляются I раз в 6 месяцев.
- На время разрешенного личного свидания заключенные находятся вместе с родственниками после прихода заключенного с работы и до утренней поверки ежедневно.
- Комнаты личных свиданий должны быть обставлены мебелью (кровать, стол, стулья), иметь освещение, постельные принадлежности (матрац, простыня, одеяло, подушка), занавески на окнах, скатерти, на стенах картины.
- Заключенным должна быть предоставлена возможность приготовления и приема пищи во время личного свидания, для чего в комнате должны иметься: плита, посуда, кипятилок.

Мать на свидании с сыном.
Песчанлаг, 1954

Комнату для личных свиданий заключенный или приехавшие родственники должны были оплатить по установленному тарифу.

25 декабря 1948 года последовал Приказ МВД и Генпрокурора СССР № 0788/284с «О запрещении личных свиданий заключенным, содержащимся в ИТЛ и колониях МВД, с их родственниками»². Этим приказом предписывалось «впредь предоставлять заключенным только общие свидания».

² ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 281. Л. 115.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401.
Оп. 1а. Д. 534. С. 23.

В 1953 году, после прокатившихся по лагерям восстаний, общие свидания были разрешены и в особлагах¹: «только с прямыми родственниками два раза в год от 1 до 4 часов в нерабочее время».

Кедровскому 1^ю махмутов
Федоровской Евг. Михайлов
Старшему лейтенанту
Ерёшкину

От з/к Дорочкина
Леониды Коновала,
б/да №23

Заявление

Прошу Вас, разрешить мне
общее свидание с второй
сестрой - Ивашкиной Валентиной
Николаевной.

Прошу удовлетворить мою
просьбу з/к Дорочкин

12/V-56г.

Заявление на общее свидание.
Песчанлаг, 1956

Личные свидания в лагерях были возобновлены только в 1954 году.

СУДЬБА ЛАГЕРНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Сумочка из одеяла Н. А. Маковской. АЛЖИР, 1940–1945

Как заключенным удавалось сохранять полученные с воли письма?

Писем из дома, от родных и близких заключенные ждали с огромным волнением, а получив – бережно хранили и перечитывали. Письма были единственной ниточкой, связывающей узников с другой, нелагерной жизнью, подтверждением, что близкие их ждут, что им есть куда возвращаться.

В. Ф. БРОМБЕРГ (Магадан): «Когда, наконец, получаешь письмо, быстро и жадно пробежишь его: вот уже и нет его, вот уже и жди до следующего, а когда оно будет? Когда держишь в руках этот листок “оттуда” – какое странное и сложное чувство радости и новой тоски, надежды и неверия, сознания огромного одиночества и горячей ниточки, связывающей тебя с дорогими твоему сердцу!»

З. Д. УСОВА (Талаги, Архангельская область): «Тот день, скорее даже ночь, когда я получила из дома первое письмо, до сих пор помню во всех подробностях. Была гроза с дождем и ветром. Работали в ночной смене. Все промокли до костей. И тут доброжелательница, из тех, что ночью разбирали почту, передала мне письмо. От волнения и радости я больше не спала в ту ночь».

В. Ф. БЕРСЕНЕВА (Мариинск) – мужу: «Опять я могу жить! Получила письмо твое и открытку. Можешь ли ты вообразить, с каким волнением, с какой радостью я схватила этот конверт. Быстро вытащила листок из него. Да, твоя рука! Ты сам пишешь! Больше мне в этот момент ничего не было нужно. Читать я даже не могла. Потом, когда прочла, то даже сразу не могла понять, о чем ты пишешь. Одно только дошло, что здоров и что все по-прежнему. Уже много позже разобрала все остальное. Вечером уснула крепко и спала как мертвая – в первый раз за долгое время. Я дрожу каждый раз, что письмо твое может пропасть...»

Е. А. ШТЕРН (Кольма): «Дочура, родненькая, целую, обнимаю тебя. Звездочка! Твое февральское письмо очень меня обрадовало. Когда письма получаешь раза два в год, а то и раз, когда читаешь письмо в первые дни раз двадцать, то каждая подробность, каждое слово – деталь из той далекой, желанной жизни».

Г. М. ПАУШКИНА (Темлаг): «Когда я получила первое письмо от мамы в июне 1939 года, мне казалось, что я держу в руках все драгоценности мира! Все вокруг замерло и затихло. Я должна была быть только одна с этим письмом, чтобы никто мне не мешал читать

и перечитывать каждое слово, букву, рассматривать каждый штрих. <...> Я забила в какую-то щелку между бараками, где меня никто не видел, села на перекладину и не спеша читала письмо».

Ф. О. КРАУЗЕ (Мары, Туркмения) – жене: «Получать твои письма, это для меня всегда как стакан холодной родниковой воды в душный день. Живешь среди человекообразных; брань, ругань, крики, обман, воровство – вот монотонные, повторяющиеся изо дня в день впечатления. Душа томится по общению с настоящими людьми. И вот твои письма, – это мой праздник, подтверждение моей веры в людей. Мы-то с тобой, конечно, никогда не перестанем с любовью думать друг о друге и мечтать о новой встрече, хотя бы перед концом. Для этого и существуем кое-как. Но письма, письма-то необходимы как воздух. Без них и мечтать трудно».

Получив драгоценное письмо с воли, заключенный жил в постоянном страхе его лишиться. Несмотря на то, что установленный ГУЛАГом режим официально не запрещал хранение писем, сберечь их было чрезвычайно трудно. Письма могли уничтожить во время «шмонов» – обысков, регулярно проводимых в бараках лагерной администрацией. Они могли пропасть на этапе, при переводе заключенного в другой лагерь или тюрьму. Наконец, письма могли отнять уголовники, чтобы пустить их на самокрутки (бумага для курения была в постоянном дефиците).

Бывший узник Печорлага Л. Г. Мищенко вспоминал: «Если я храню у себя письмо, адресованное мне, то никакого криминала тут нет – пожалуйста, храни сколько угодно. Но возможно, что при каких-нибудь переменах начальства кто-нибудь захочет освободить зону “от лишних вещей”. И потребуют, чтобы все личное, в том числе письма, было выброшено из бараков».

Весточки, полученные с воли нелегально, в обход лагерной цензуры, хранить

Ю. Соостер. Заключенный.
Карлаг, 1950

Обгоревший рисунок,
спасенный из печки после
обыска в бараке.

было просто опасно – при обнаружении их изымали, а «провинившемуся» грозило наказание. Чтобы спрятать письма, придумывались тайники:

Л. Г. Мищенко (Печорлаг): «Для писем, которые были мне дороги, я сделал тайник – прятал их под доской, под деревянным полом. И никому об этом не говорил, даже близким товарищам. А если выпадала оказия, то старался переслать в Москву – тем, кто эти письма мне присылал».

В. Ф. Берсенева (Мариинск) – детям: «Самое дорогое – конечно, ваши письма. Над ними я трясусь. Это доходит до болезни. Были периоды, когда я носила все ваши письма на себе, из боязни их лишиться. Я дрожу каждый раз, что письма могут пропасть».

Как сохранялись письма из лагеря?

Но и на воле было непросто сохранить письма, полученные из лагеря. Они пропадали во время переездов и эвакуаций, их прятали от соседей по коммуналке, от детей, от которых нередко скрывалось, что мать или отец находятся в заключении. Страх перед новыми арестами и обысками заставлял уничтожать полученные письма или прятать их в самые дальние углы.

Но несмотря на все страхи и трудности, многие бережно сохраняли письма «оттуда»: они подтверждали, что родной человек жив, а значит, есть надежда когда-нибудь снова увидеть его.

Н. В. Колпикова вспоминала: «Я еще совсем молоденькая девочка была, когда пришло письмо от мамы из Акмолинского лагеря, – уголочек, – через два года. Я вообще-то сдержанный человек, но когда я увидела этот уголочек и мамин почерк, я думала, что потеряю сознание. Обнаружилась мама, обнаружилась мама!»

Выжившие в лагерях, освободившись, приносили сохраненные письма с собой. Возвращались из лагеря с заплечными мешками или с деревянными чемоданами, в которых главным сокровищем были письма, и очень переживали, если по каким-то причинам не удавалось их сберечь.

Вот как вспоминал об этом П. И. Гусев, освобожденный из Тагиллага в 1948 году после семилетнего заключения: «Выдали справку об освобождении, деньги на билет, 25 рублей пособия и сухой паек на 6 дней. Спрятал письма, попрощался с друзьями и бегом побежал к проходной с хлебом в узелке. А там меня ждал

Письмо
Нади Королёвой
маме в АЛЖИР, 1937

Шкатулка А. А. Ицына.
Вяртсильский ИТЛ, Карелия,
1946–1950

Саше К. И. Никольской
для детских писем.
Карлаг, 1940–1945

последний шмон. Вытряхнули все письма и бросили в печку. От обиды я чуть не заплакал. Обозвав охранников шакалами, поплелся от проходной на станцию. И в последний день в душу наплевали».

А те, кто приносил лагерную переписку домой, всю последующую жизнь бережно хранили эти письма, в большинстве случаев никому их не показывая.

Порою дети и внуки репрессированных только после смерти их близких обнаруживали тщательно спрятанные пачки лагерных писем. Г. И. ТЫРИНА, внучка репрессированного: «Записки [от деда] бабушка хранила в шкатулке, под бархатной обшивкой шкатулки. О страшных днях не рассказывала, не хотела вспоминать».

Долгое время лагерные и тюремные письма хранились в домах потомков узников как семейные реликвии. За пределы семьи эти письма никогда не выходили. Ни в годы короткой оттепели конца 1950-х – начала 1960-х годов, ни, тем более, в брежневскую эпоху их невозможно было опубликовать в подцензурной печати.

Запрет на тему ГУЛАГа был снят лишь в годы перестройки. И впервые опубликованные лагерные письма стали частью нашей культурной памяти о репрессиях. Много лагерных писем было передано в течение последних двух десятилетий в архивы, в том числе в архив общества «Мемориал». Эти письма не только сохраняют память об их авторах и адресатах. Они – бесценные свидетельства того, через что пришлось пройти миллионам наших соотечественников, ставших жертвами советского государственного террора.

Многие стороны жизни в лагере и на воле без этих писем понять невозможно.

Мы благодарим коллег из красноярского и пермского «Мемориалов» за предоставление нам материалов из собранных ими коллекций.

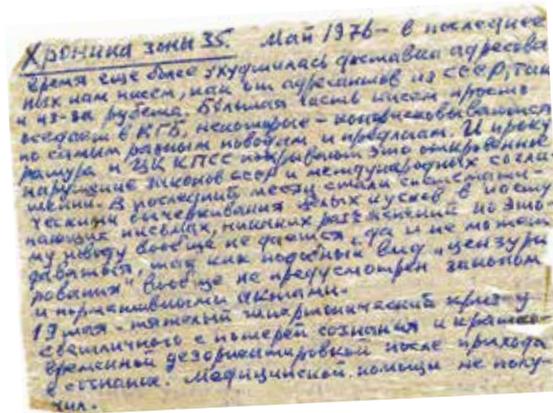
Огромная благодарность всем, кто сохранил эти письма, кто передал их в наш архив и сделал доступными для историков и читателей.

Деревянный чемодан
В. Д. Латкина-Туркова. Инта,
1955

«ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОМУ МОЖНО И НУЖНО ПОСЫЛАТЬ ПИСЬМА...»¹

Лагерная переписка 1950–1980-х годов

Хроника пермского политического лагеря № 35, которая тайно велась на протяжении нескольких лет политзаключенными и нелегально передавалась на волю. Составитель С. Ф. Глузман. Бумага для электроизоляции. 1976

«Хроника зоны 35.

Май 1976 – в последнее время еще более ухудшилась доставка адресованных нам писем, как от адресантов из СССР, так и из-за рубежа. Большая часть писем просто оседает в КГБ, некоторые – конфисковываются по самым разным поводам и предложениям.

И прокуратура и ЦК КПСС покрывают это откровенное нарушение законов СССР и международных соглашений. В последний месяц стали систематическими вычеркивания целых кусков в поступающих письмах, никаких разъяснений по этому поводу вообще не дается, да и не может даваться, так как подобный вид “цензурирования” вообще не предусмотрен законом и нормативными актами.

19 мая – тяжелый гипертонический криз у Светличного с потерей сознания и кратковременной дезориентировкой после прихода в сознание. Медицинской помощи не получил».

¹ В качестве заголовка раздела мы выбрали фразу из памятки «Некоторые соображения о помощи политзаключенным», составленной активистом правозащитного движения И. С. Ковалевым в 1979 году.

Послесталинская эпоха в истории советских политических лагерей длилась три с половиной десятилетия, вплоть до освобождения политзаключенных в 1987–1989 годах, то есть никак не меньше, чем эпоха террора.

География и масштабы «политического» ГУЛАГа начали резко меняться в первые же годы после смерти Сталина, а в 1960 году само название «ГУЛАГ» ушло в прошлое. И самое главное: коренным образом изменился смысл слов «политический заключенный». Они относились уже не к огромной людской массе, состоявшей в основном из ни в чем не повинных жертв слепого террора, а к гораздо меньшему числу людей – их были уже не сотни тысяч, а «всего лишь» тысячи (к концу периода – сотни); и многие, если не большинство из них, выбрали свою судьбу сами, отдавая себе отчет в последствиях выбора. Все это не могло не отразиться на смысловом наполнении системы связей между заключенными и «волей», в частности – на переписке.

Но перед тем как перейти к конкретной теме – переписке – необходимо сначала кинуть общий взгляд на мир политических лагерей и тюрем послесталинской эпохи и коротко рассказать о наиболее важных изменениях, произошедших в этом мире после смерти диктатора.

Что представляли собой политические лагеря и политические заключенные послесталинской эпохи?

В 1953 году осужденные за «контрреволюционные преступления» были разбросаны по всем лагерям империи ГУЛАГа вперемешку с уголовниками и «бытовиками». Осужденных же по «наиболее тяжким» политическим обвинениям отправляли, как уже говорилось, в особые лагеря («особлаги»), где их старались, по мере возможности, содержать отдельно от уголовников. Почти все «политические», находившиеся в обычных лагерях, были к 1957 году освобождены: кто по амнистии, кто по пересмотру дел «разгрузочными» комиссиями Президиума Верховного Совета; большая часть из них была уже реабилитирована. Что касается особлагов, то особый режим содержания заключенных, отличавший их от прочих лагерей МВД, был отменен еще в 1954 году; к 1957-му в них тоже оставалось сравнительно немного политзаключенных. Согласно

справке МВД СССР, на 15 сентября 1957 года в исправительно-трудовых лагерях – главным образом, в Дубравлаге¹, Озерлаге, Сиблаге, Воркутинском, Печорском и Карагандинском ИТЛ – содержались 13 494 осужденных за «контрреволюционные преступления», причем вновь осужденных отправляли только в первые четыре из них². А к 1960 году в стране существовало всего три лагеря, в состав которых входили «политические» зоны: Озерлаг в Иркутской области, Дубравлаг в Мордовской АССР и маленькая женская зона в Суловском отделении Сиблага, в пос. Яя.

Политические заключенные, осужденные на тюремный срок или переведенные за разные провинности на тюремный режим, содержались в одном из корпусов Владимирской тюрьмы (знаменитого Владимирского централа). В начале 1961 года политические зоны в Озерлаге и женская зона в Сиблаге тоже были ликвидированы, а всех политзаключенных оттуда перевезли в Мордовию.

Итак, с 1961 года единственными местами заключения в СССР для политических заключенных оставались Дубравлаг (Мордовские лагеря) и тюрьма во Владимире. Лишь в 1972 году в Чусовском районе Пермской области открылись две (впоследствии их стало три) новые политические зоны – Скальнинские лагеря (в литературе их чаще называют Пермскими). А в 1978–1979 годах политзаключенных, находившихся на тюремном режиме, перевели из Владимира в тюрьму г. Чистополя (Татарская АССР).

Режим содержания в политлагерях в 1956–1961 годах был сравнительно мягким (в частности, на переписку не накладывалось вообще никаких ограничений); в течение следующих 25 лет гайки постепенно закручивались.

Но независимо от мягкости или суровости режима основным требованием к содержанию осужденных по политическим обвинениям, начиная с 1958–1959 годов, была строжайшая изоляция «политических» от других контингентов заключенных – уголовников и «бытовиков».

Оговоримся: официально с начала 1959 года политзаключенных в СССР не существовало. Легендарная 58-я статья («контрреволюционные преступления») канула в Лету вместе с прежним Уголовным кодексом. Ее заменила 1-я часть Закона СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления», а затем 1-я часть 1-й главы Особенной

¹ В литературе часто встречается написание «Дубровлаг».

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 492. Л. 142–145.

части Уголовного кодекса РСФСР, вступившего в действие 1 января 1961 года – «Особо опасные государственные преступления». Те же статьи были включены и в кодексы других союзных республик. Конечно, основные статьи Закона от 25 декабря, как и соответствующие разделы Уголовных кодексов, более или менее воспроизводили пункты прежней 58-й (хотя некоторые устаревшие составы преступления – такие, как «саботаж», «контрреволюционная деятельность при царском строе» или «помощь международной буржуазии», – в них не вошли). Но деяния, описываемые этими статьями, именовались в них не «контрреволюционными», а «особо опасными государственными преступлениями». Соответственно, в политзонах Дубравлага, Пермских лагерей, во Владимирской и Чистопольской тюрьмах содержались уже не политические заключенные-«контрреволюционеры», а «особо опасные государственные преступники». «У нас нет политических заключенных», – публично заявил в 1959 году глава советского правительства Н. С. Хрущев, и формально он был прав.

Все же в этом разделе нашей книги мы не будем придерживаться лицемерной терминологии позднесоветской юстиции и продолжим называть вещи своими именами.

Как и за что люди попадали в политлагеря после смерти Сталина?

Среди политических заключенных второй половины 1950 – первой половины 1980-х можно выделить несколько основных категорий:

- Партизаны-националисты из Западной Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, отбывающие 15–20–25-летние сроки, полученные, по большей части, еще при Сталине. Приговоры им были вынесены по старой 58-й статье – главным образом, по пунктам «1а» («измена Родине» – именно так!), «8» («террор») и «11» («участие в антисоветских организациях»). В 1960-е годы это была, вероятно, самая многочисленная категория политзаключенных; а некоторых, – тех, кто дожил, – можно было встретить в Дубравлаге и Пермских лагерях еще в начале 1980-х.
- Участники невооруженного политического и национального сопротивления, те же прибалты и украинцы – молодежь, пришедшая на смену послевоенным партизанам; подпольщики-националисты из Армении, Грузии и других республик, где вооруженного сопротивления не было с 1920-х годов. Кроме того, в стране продолжали появляться подпольные кружки чисто политического характера, не имеющие какой-либо национальной окраски, чаще всего тоже молодежные (отсюда обиходное лагерное название заключенных этой категории – «студен-

ты»). Подпольщики-«националисты» и подпольщики-«студенты» получали свои сроки, в основном, за «антисоветскую пропаганду» и «участие в антисоветских организациях».

● Осужденные за «антисоветские разговоры» (по официальной терминологии – за «антисоветскую пропаганду в устной форме») в ходе хрущевской репрессивной кампании 1957–1959 годов, последовавшей за закрытым письмом ЦК от 21 декабря 1956 года «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Разговоры могли сводиться к обмену политическими суждениями в кругу друзей, в частной переписке или даже к непочтительным высказываниям в адрес руководителей партии и правительства в очереди к пивному ларьку – но в обозначенный период этого было достаточно, чтобы получить обвинение в «антисоветской пропаганде» и лагерный срок, правда, как правило, небольшой, так что к середине 1960-х годов таких осужденных в политлагерях осталось немного.

● «Религиозники» – организаторы и проповедники религиозных общин, которым советская власть активно не симпатизировала (пятидесятники, баптисты, адвентисты седьмого дня и т. п.), или вовсе запрещала их

как «антисоветские» (свидетели Иеговы, адвентисты-реформисты, униаты, «истинно-православные христиане», иннокентьевцы). Первые попадали в политлагеря за «антисоветскую пропаганду», вторым обычно дополнительно инкриминировалось еще и «участие в антисоветских организациях».

● «Беглецы» – советские граждане, пытавшиеся нелегально покинуть СССР, либо «невозвращенцы», затосковавшие по Родине и рискнувшие вернуться. Попытка побега за границу и, тем более, невозвращение из зарубежной поездки, пусть даже впоследствии «невозвращенец» явился в посольство с повинной, почти автоматически влекли за собой обвинение в «измене Родине».

● «Диссиденты», то есть осужденные за публичную критику тех или иных сторон «советской действительности», полемику с советскими идеологическими догмами и открытое неподчинение поведенческим нормам и ограничениям, принятым в советском обществе. Эпизодически подобные осужденные появлялись в лагерях с конца 1950-х годов; со временем их становилось все больше, и в 1980-е они уже составляли значительную часть политзаключенных. Почти все диссиденты, оказавшиеся в политлагерях, были осуждены за «антисоветскую пропаганду».

Следует, однако, отметить, что изрядная часть заключенных, содержавшихся в политических лагерях и тюрьмах, ни в одну из этих категорий не входила. Это те, кого никак нельзя считать «политическими», а именно – осужденные «за войну», на лагерном жаргоне – «полицаи». Так называли не только полицаяев в точном смысле этого слова, но и любого рода коллаборационистов, сотрудничавших с оккупантами, в том числе карателей и других соучастников нацистского террора на оккупированных территориях, на совести которых в самом деле были реальные злодеяния; как, впрочем, и бедолаг, втянутых в воронку Второй мировой войны и совершивших те или иные преступные деяния не по соб-

ственной охоте, а по слабости духа и в силу различных случайных обстоятельств. «Полицаи», конечно, не рассматривались как политзаключенные; настоящие политзаключенные не относили их к этой категории, да и сами они так себя не называли.

Были в политлагерях и заработавшие «политическую» статью во время отбывания наказания за уголовные преступления, например, уголовники с «антисоветскими» наколками (иногда они делали их специально – в уголовных лагерях бытовал миф, что у «политиков» режим полегче). Большинство из них тоже трудно назвать политзаключенными.

С другой стороны, не все, кого можно назвать политическими заключенными, попадали именно в политлагеря. Говоря о политзаключенных послесталинской эпохи, следует постоянно иметь в виду:

-
- осужденных по введенным в республиканские кодексы осенью 1966 года статьям о «клеветнических измышлениях, порочащих советский строй» (ослабленный вариант статьи об «антисоветской пропаганде»), «надругательстве над флагом и гербом» (привлекались, в основном, жители Прибалтики и Украины, где любили срывать по ночам советские флаги) и «групповых действиях, нарушающих общественный порядок» (подразумевались всякие «несанкционированные» митинги и шествия). Эти осужденные не попадали в политические лагеря – ведь они считались не «особо опасными государственными преступниками», а вроде как клеветниками и хулиганами; их и отправляли отбывать срок в обычные уголовные зоны. Между тем, только по первой из этих статей за 20 лет было осуждено более 1600 человек (для сравнения – за «антисоветскую пропаганду» за это же время осудили всего около 750 человек); в частности, большинство диссидентов проходило именно по статье о «клеветнических измышлениях»;
  - осужденных по двум специальным «религиозным» статьям – первая за «причинение вреда здоровью граждан под видом совершения религиозных обрядов» (позднее она была переформулирована как «ущемление прав граждан под видом совершения религиозных обрядов») и вторая – за «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» (по этой статье карали за обучение детей основам религии, даже если это обучение проходило в домашних условиях). Всего по этим статьям с начала 1960-х годов было осуждено от 2,5 до 3 тысяч верующих. Те из них, кого приговорили к лишению свободы, тоже отбывали срок в обычных уголовных зонах. «Политические» же статьи зарабатывали и, соответственно, в политлагеря попадали, в основном, те «религиозники», которые были в своих общинах руководителями либо принадлежали к запрещенным религиозным направлениям;
  - наконец, иногда случалось, что госбезопасность, затрудняясь подобрать своему подопечному подходящую статью Кодекса, фабриковала против него уголовное обвинение: «хулиганство», «подделка документов», «сопротивление милиции» и т. п. Естественно, этих людей тоже отправляли не в политические, а в уголовные лагеря – но от этого они не переставали быть политическими заключенными.

Как регламентировалась переписка политзаключенных в 1950–1980-е годы?

Что касается переписки заключенных, находящихся под следствием, то теоретически она допускалась – но исключительно по разрешению следователя. Практически же переписку подследственным, обвиненным в политическом преступлении, почти никогда не разрешали, ссылаясь на опасность «разглашения данных предварительного следствия». В этом отношении дело обстояло, пожалуй, еще хуже, чем в сталинские времена: тогда следователь, часто понимавший, что перед ним никакой не преступник, иногда разрешал подследственному обмениваться записками с родными – в виде поощрения за «хорошее поведение» или просто по внезапному человеческому импульсу. В послесталинскую эпоху такие случаи стали крайне редки: следователь и подследственный, как правило, видели друг в друге противников – какие уж там разрешения переписываться с родными! Разве что подследственный согласится играть по правилам, предложенным КГБ; тогда можно и переписку разрешить – конечно, под контролем следователя. Самый, вероятно, яркий пример – письма известных диссидентов П. И. Якира и В. А. Красина из Лефортовского следственного изолятора А. Д. Сахарову и другим товарищам по диссидентской деятельности осенью 1972-го и в начале 1973 года: в этих письмах бывшие лидеры московских диссидентов призывали друзей последовать их примеру и пойти на «почетную капитуляцию» перед властью.

Легальная переписка в период между приговором и отправкой на этап также не особо практиковалась: до кассационного разбирательства заключенному всегда можно было отказать в отправлении письма, ссылаясь на то, что приговор еще не вступил в законную силу. Так, например, именно на этом основании не было пропущено письмо диссиденту Л. Б. Терновскому от его жены; документы об этом сохранились в семейном архиве. После же утверждения приговора политических в СИЗО не задерживали, стараясь отправить их на этап как можно быстрее. О легальной переписке во время этапа – например, об отправке письма из пересыльной тюрьмы – и речи быть не могло.

Но вот осужденного доставляли к месту назначения, и он наконец мог вести регулярную переписку с волей. Как регламентировалась эта переписка в 1953–1987 годах?

Телеграмма
Л. Б. Терновскому
в омский лагерь. 1981

¹ Грицяк Е. С. Нори́льское восстание. Новосибирск: Свеча, 2001. С. 19.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А. Яковлева; сост. А. Кокурин, Н. Петров. М.: МФД, 2000. С. 569.

³ Инструкция о режиме содержания заключенных в особых лагерях МВД СССР // www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010399

⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 464.

⁵ Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД РСФСР. Утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 августа 1961 года. Опу́бл.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. № 37. 1961. С. 464.

Правила начали меняться сразу после смерти Сталина, во многом благодаря лагерным восстаниям 1953 года. Пункт о свободной переписке был среди требований забастовщиков Горлага¹. Комиссия МВД по Горлагу обещала им разрешить отправлять одно письмо в месяц² родным (до этого – раз в квартал)³.

Результат оказался промежуточным: согласно проекту нового Положения о лагерях МВД СССР от 5 января 1954 года, заключенным особлагов разрешалась «переписка со своими прямыми родственниками, но не чаще одного раза в два месяца⁴».

Впрочем, вскоре отдельный, особлаговский режим для осужденных за «особо опасные контрреволюционные преступления» был вовсе отменен, а не позднее 1957 года для большинства политзон установили так называемый «общий режим». С этого времени и до 1961 года переписка в обе стороны ничем не ограничивалась.

В 1961 году в системе исполнения наказаний вместо существовавших ранее трех типов лагерного режима – «облегченного», «общего» и «строгого» – были введены четыре – «общий», «усиленный», «строгий» и «особый». Все лагерные зоны, где отбывали срок «особо опасные государственные преступники», кроме женских, отнесли к лагерям строгого режима. Лимит отправки писем в этих лагерях составлял два письма в месяц⁵.

В 1962–1963 годах осужденных по политическим статьям повторно объявили «особо опасными рецидивистами» и перевели в зону особого режима (на лагерном жаргоне – зона «полосатиков»: заклю-

ченных особого режима одевали в полосатые робы). «Полосатики» имели право отправлять одно письмо в месяц.

В тюрьмах, по крайней мере с 1958 года, существовало два режима: общий и строгий. Вновь прибывшего заключенного автоматически помещали на строгий режим на срок не менее двух месяцев, а по истечении этого срока (и «при отсутствии замечаний») переводили на общий; в дальнейшем строгий тюремный режим назначался как наказание за нарушения. На общем режиме разрешалось отправлять одно письмо в месяц, на строгом – одно письмо в два месяца. Эти лимиты, установленные в 1961 году, в дальнейшем не менялись.

Сверх лимита заключенные могли в 1960-е годы отправлять поздравительные открытки и, по особому разрешению начальства, телеграммы, содержавшие срочные сообщения. По отбытии половины лагерного срока лимит на отправку писем могли увеличить вдвое; эта возможность была, однако, не правом заключенного, а «поощрением», которое реализовывалось по усмотрению администрации при условии «добросовестной работы и участия в общественной жизни». В начале 1960-х годов еще возможно было получить такое «поощрение», но уже к середине десятилетия эта льгота предоставлялась политзаключенным крайне редко.

Новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, принятый в 1970 году и вступивший в силу 1 июня 1971-го, не внес принципиальных изменений в регламент переписки политзаключенных: «особо опасные государственные преступники» на строгом режиме по-прежнему имели право на отправку двух писем в месяц, на особом – одного. Однако при этом серьезно ухудшилось положение с почтовыми бандеролями.

В 1960-е годы получение с воли почтовых бандеролей с книгами, журналами, открытками, зубной пастой, писчебумажными принадлежностями, сувенирами и т. п. не ограничивалось. Одно время бандеролями можно было присылать и некоторые продукты: чай, молотый кофе, сахар, табак, махорку, сигареты россыпью, причем такие бандероли не входили в лимит, установленный для продуктовых посылок.

По новому Исправительно-трудовому кодексу и в лагерях, и в тюрьмах ввели лимит на число получаемых бандеролей: не более двух в год. При этом в состав этих двух бандеролей не должны были входить книги, журналы и вообще любая печатная продук-

ция (в прямом виде Исправительно-трудовой кодекс такого запрета не содержал, но администрация мест заключения трактовала его статьи именно так, а в марте 1978 года этот запрет был закреплен новыми Правилами внутреннего распорядка).

Правда, бандероли с книгами и журналами, приобретаемыми через книготорговую сеть (например, по подписке или через «Книгу-почтой»), не входили в лимит. В первые годы после введения нового Исправительно-трудового кодекса можно было с воли подписать заключенного на периодику или на какое-либо издание из каталога «Книга-почтой». Но заключенный мог и сам, используя деньги со своего лицевого счета, подписаться на газеты и журналы или заказать литературу по каталогу; а с воли можно было перевести на его лицевой счет необходимые для этого суммы. Так что книжно-журнальный поток, поступавший в места заключения, не вовсе иссяк. Понятно, что для многих «политических» это было жизненно важно – важней, чем продуктовые посылки.

Самое главное изменение в регламенте переписки заключенных по сравнению со сталинскими временами состояло, на наш взгляд, в снятии ограничений на получение писем. Теперь заключенные, и в лагерях, и в тюрьмах, могли получать не только сколько угодно писем, но и от кого угодно, не только от родственников. Когда появилась эта возможность, мы точно не знаем, но уже в Положении об Исправительно-трудовом кодексе и тюрьмах МВД СССР от 8 декабря 1958 года о том, от кого заключенный имеет право получать письма, ничего не говорится. Вероятно, эти ограничения были сняты еще раньше: в известной нам переписке заключенных, датированной 1957 годом, подобные ограничения уже не просматриваются.

О кардинальных изменениях в системе эпистолярных, да и всех прочих связей между политлагерями и волей, обусловленных этой новой возможностью, мы и расскажем ниже.

Что изменилось в переписке заключенных с волей в 1966–1974 годах?

Во все периоды советской истории письмо с воли было для заключенного событием. Послесталинская эпоха не составляла исключения.

Из воспоминаний Ирины ВЕРЬЛОВСКОЙ (Сиблаг, Суловское отделение, пос. Яя): «Когда наступал блаженный час после ужина,

библиотекаря, они менялись по мере освобождения, разносила письма. Хорошо запомнилась первая – Ольга Васильевна Дучиминская, старая женщина медленно, хорошо поставленным учительским голосом читала фамилии на конвертах и отдавала письма. Никакой торопливости, спешки; скорее даже некая торжественность. От этого ожидание было еще более напряженным, и раздача писем, независимо от того, пришло тебе с этой почтой письмо или нет, была событием»¹.

Из воспоминаний Бориса Вайля (Дубравлаг, ст. Леплей, зона особого режима): «Почту приносили только в будние дни. И какое счастье, если было письмо, а в письме – фотографии родных тебе лиц. Самое дорогое у заключенных – письма и фотографии. Письма с воли часто зачитываются вслух, каждому слову придается особое значение, а фотографии переходят из рук в руки»².

Ну, а письмо или иной знак внимания с воли, пришедшие от незнакомого или малознакомого человека, до, примерно, 1966–1967 года являлось событием экстраординарным. Тем не менее, и такое случалось, даже в сталинские времена. Известно, например, что Б. Л. Пастернак живо и с готовностью откликался на письма неизвестных ему заключенных, вступал с ними в переписку, посылал им бандероли, посылки, деньги³.

Но еще и в 1966 году такое поведение было достаточно необычным. Политзаключенный Валерий Ронкин с большой теплотой вспоминал о том, как в первый свой год в Мордовии получил от школьного приятеля и в общем довольно дальнего знакомого, журналиста А. Мифтахутдинова, письмо, а затем и бандероль с подарком: книгой очерков, снабженной дарственной надписью от автора. Ронкину это хорошо запомнилось – стало быть, явилось для него событием⁴.

К концу 1960-х годов все в корне изменилось, и поддержка политзаключенных с воли, в том числе и эпистолярная, стала в определенных кругах не исключением из правил, а нормой социального поведения.

Как это происходило?

Как ни странно, в первой половине 1960-х советская общественность – даже та, которая отчетливо ощущала свою оппозиционность советскому режиму, – гораздо больше знала о сталинском терроре и сталинском ГУЛАГе, чем о современных политических преследованиях и политических лагерях. Разумеется, многие

¹ Вербловская И. Мой прекрасный страшный век. СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 253.

² Вайль Б. Особо опасный. Харьков: Фолио, 2005. С. 209.

³ См., например, фрагмент воспоминаний, посвященных переписке между Б. Л. Пастернаком и журналисткой и поэтессой Аллой Лебединской, заключенной Ивдельлага (Несколько штрихов к портрету Б. Л. Пастернака. Сообщение У. Д-да [Д. М. Бацера] // Память. Исторический сборник. Вып. 2. М., 1977 – Париж, 1979. С. 442–447).

⁴ Ронкин В. Е. На смену декаблям приходят январы... Воспоминания бывшего бригадильца и подпольщика, а позже политзаключенного и диссидента. М.: Мемориал – Звенья, 2003. С. 273.

в среде либеральной интеллигенции обеих столиц и других крупных городов Союза что-то слышали о наиболее резонансных политических процессах – таких, как «дело Пименова» (Ленинград, 1957) или «дело Краснопевцева» (Москва, 1958). Было известно и то, что этих людей приговаривают к лагерным срокам и куда-то отправляют. Но куда? На Колыму? На урановые рудники? В уголовные лагеря? Об этом знали только родственники и близкие друзья осужденных, но их знание оставалось при них и не становилось всеобщим достоянием.

Возможно, это «забвение» было остаточным феноменом мироощущения 1930-х годов, когда люди, арестованные НКВД, уходили «в никуда», и возвращались – если возвращались – «из ниоткуда».

Положение начало быстро меняться после судебного процесса над литераторами Андреем Синявским и Юлием Даниэлем (Москва, 1966) – первого политического процесса послесталинской эпохи, удостоенного широкого, хотя и более чем пристрастного освещения в советской прессе. Как известно, открытые протесты, индивидуальные и коллективные, против приговора, вынесенного по этому делу Верховным судом РСФСР, положили начало процессу консолидации независимой советской общественности и возникновению гражданского протестного движения, которое позднее стали называть правозащитным. Но еще раньше общественный интерес к дальнейшей судьбе осужденных литераторов привел к тому, что слова «Мордовские политические лагеря», «Дубравлаг» (напомним: других политических лагерей в этот период не существовало) вошли в лексикон не только родственников, близких друзей и коллег Синявского и Даниэля, но и более широкого круга представителей свободомыслящей интеллигенции.

В рамках нашей темы на примере Юлия Даниэля интересно проследить, как складывалась его переписка благодаря возможностям, которые давали новые правила отправления и получения лагерной корреспонденции.

В начале марта 1966 года Даниэль прибыл в 11-е отделение Дубравлага, расположенное в поселке Явас Мордовской АССР, где первым делом выяснил регламент переписки, действовавший в лагерях строгого режима, и сообщил о нем в Москву: «Я буду писать вам по два письма в месяц; но меня ждал здесь приятный сюрприз: ко мне можно писать сколько и кому угодно. Вам угодно? Другим угодно? Если угодно – валяйте. Письма – это возможность продолжать

(в какой-то степени) жить в Москве. От всех вас зависит, увеличить или уменьшать эту степень»¹.

Москвичи, равно как и знакомые Юлия Марковича в других городах, с энтузиазмом откликнулись на призыв новоиспеченного политзэка. Даниэль и сам, вероятно, не ожидал такого ошеломляющего результата своего предложения «писать сколько и кому угодно»: ему пишут не только близкие друзья и приятели, но и мало знакомые и даже вовсе незнакомые люди. В августе того же года он с нескрываемым удовольствием констатировал: «А у меня позавчера был юбилей: ровно сто писем. Я специально пересчитал дважды – сто! Сто писем от тридцати четырех человек. Это не считая всяких сувениров, книжек и пластинок – всего, что приходит в бандеролях. Неплохой улов за неполных пять месяцев – с того времени, как вам стал известен мой адрес»².

¹ Даниэль Ю. М. «Я все сбиваюсь на литературу...»: Письма из заключения. Стихи. М.: Мемориал – Звенья, 2000. С. 25.

² Там же. С. 83.

Открытка Ю. М. Даниэля с новогодними поздравлениями, адресованная друзьям – А. А. Якобсону и его семье. Дубравлаг, 17-е отделение, 1967

Это далеко не окончательная цифра; число корреспондентов Даниэля продолжало расти, и в январе 1969-го, на исходе своего третьего лагерного года, он сообщил: «Писем, действительно, много. Я не считал – надо будет заняться как-нибудь; по-моему, количество корреспондентов перевалило за 70 человек»¹.

¹ Там же. С. 425.

Количество получаемых писем вкупе с регламентом лагерной переписки определило жанровые особенности собственных писем Юлия Даниэля. Формально он пишет два письма в месяц на один и тот же адрес – сначала жене, а после ареста жены в августе 1968-го – сыну; фактически же эти письма представляют собой многостраничные тексты, оформленные как дневниковые записи, но в значительной своей части состоящие из ответов на многочисленные письма его корреспондентов. Таким образом, его письма адресованы многим людям одновременно, что до некоторой степени выводит их за пределы частной переписки. Бытование писем Даниэля после получения их в Москве тоже быстро приобрело черты публичности: поскольку не было ни сил, ни возможности показывать письмо каждому, к кому обращался автор, то приходилось собирать всех вместе и устраивать чтение вслух. Часто при этом присутствовали и малознакомые люди. Копии писем или их фрагментов, перепечатанные на пишущей машинке, отправлялись иногородним корреспондентам Даниэля – в Харьков, Киев, Ленинград, Новосибирск. В результате для достаточно обширного круга людей его письма оказались одной из деталей интеллектуального пейзажа эпохи.

История переписки Ю. М. Даниэля с волей важна не только как иллюстрация для раскрытия темы этой главы. Его переписка серьезно повлияла на дальнейшие поразительные метаморфозы информационных и иных связей во всей системе «воля – лагерь – воля». Дело в том, что содержание писем Юлия Марковича вовсе не сводится к реакциям на адресованную ему корреспонденцию и комментариям по поводу московских литературных и прочих новостей. В них заметно присутствует пласт, состоящий из зарисовок мордовского лагерного быта, и в частности – рассказов о солагерниках, которые таким образом заочно входили в круг московского общения. И некоторые слушатели писем заводили с его солагерниками собственную переписку. В 1966–1967 годах число узников Дубравлага, начавших получать из Москвы и других городов письма от незнакомых им людей, быстро росло. Так возникла (точнее – воскресла) старая рос-

сийская традиция общественной поддержки политзаключенных. И дело не ограничилось эпистолярной поддержкой. В Мордовию текли не только письма, но и посылки, бандероли с книгами, журналами, пластинками, каталоги и проспекты издательств, службы «Книга-почтой» и фирмы «Мелодия»; заключенных по их просьбам заочно подписывали на периодические издания.

Характерно, что сами заключенные, независимо от их образовательного ценза и «вольной» профессии, запрашивали у своих неожиданных доброхотов, в первую очередь, не материальную поддержку, а пищу духовную: книги, журналы, учебники, музыкальные пластинки. Впрочем ничего удивительного: это же были не просто ээки, а ээки политические; в этой среде напряженная интеллектуальная жизнь всегда воспринималась как норма, а не как отклонение от нормы. Данное замечание отчасти верно также для многих политэков сталинского периода (и полностью верно для узников соловецких «политскиотов» и политизоляторов 1920 – начала 1930-х годов); но в сталинских «истребительно-трудовых» было, конечно, гораздо труднее отрешиться от проблем непосредственного выживания, чем в сравнительно более благополучных по быту, снабжению и условиям содержания лагерях послесталинской эпохи. Уже в конце 1950-х все большее место в переписке лагерников занимает обсуждение событий текущей литературной, театральной, художественной жизни страны. Яркий тому пример – письма к друзьям поэта и историка литературы Л. Н. Черткова, приговоренного в 1957 году за «антисоветские разговоры» к пяти годам лагерей: почти все они, от первого до последнего слова, выглядят как критические обзоры свежих номеров литературно-художественных журналов и альманахов. Много места занимают отклики на новости культурной жизни в письмах А. И. Гинзбурга (особенно в 1961–1962 годы, в период его первого срока, который он отбывал в уголовной зоне Вятлага, но также и в более поздней его переписке из Дубравлага и Владимира), Ю. Т. Галанскова и многих других. Эпистолярные диалоги на культурные и, насколько допускало цензурирование писем, общественно-политические темы поддерживались с обеих сторон – и отбывавшими наказание, и их корреспондентами. Это было необыкновенно важно для самосознания многих заключенных интеллигентных профессий: благодаря переписке они не выключались из интеллектуальной жизни своей среды, не оттор-

гались от своих духовных интересов – а значит, одна из основных задач тюремщиков, «расчеловечивание» их подопечных, оставалась невыполненной.

Ярчайший пример такого рода связей – несколько более поздняя переписка с политическими заключенными псковского священника о. Сергия Желудкова, православного диссидента и автора ряда самиздатских работ. Нам известны по крайней мере двое политзаключенных, с которыми о. Сергей регулярно переписывался: К. А. Любарский, осужденный в 1972 году за самиздат и ставший в 1974-м главным инициатором проведения 30 октября Дня политзаключенного в СССР (переписка Желудкова с Любарским относится к 1974–1976 годам, когда последний сидел во Владимирской тюрьме), и С. А. Ковалёв, один из составителей «Хроники текущих событий» (Желудков переписывался с ним в конце 1970-х и начале 1980-х). Эта переписка отнюдь не носила односторонний характер «духовного окормления узников», а представляла собой глубокие и взаимно уважительные интеллектуальные диалоги, главным образом – о вере и неверии, христианстве и атеизме. Насколько мы знаем, о. Сергей вел аналогичную переписку и с несколькими другими заключенными, осужденными за «политику».

К 1980-м годам относится не вполне безуспешная попытка политзаключенного Ю. Ф. Орлова, физика-теоретика, члена-корреспондента АН Армянской ССР, продолжать заниматься в Пермских лагерях наукой. Попытку эту поддерживала переписка с коллегами-физиками и присылаемые научные журналы; свои научные статьи Орлов пытался отправлять в письмах. Вполне успешной ее тоже нельзя назвать: теоретическая физика требует систематического ведения рабочих записей, а у Орлова его записи столь же систематически изымали при обысках. Ответ, полученный им на жалобу в Прокуратуру СССР, гласил: «Осужденный может хранить у себя личную переписку, 5 книг и кроме этого ничего другого, в том числе под видом научных записей»¹.

Особое место – и в нашей теме, и в истории мировой литературы, занимают письма А. Д. Синявского: часть из них – фрагменты двух книг эссеистического жанра, которые он писал в лагере: «Прогулки с Пушкиным» и «Голос из хора». Когда он вышел на свободу, ему осталось лишь упорядочить и слегка отредактировать эти фрагменты, после чего он мог считать свою творческую командировку успешно завершённой. Если бы Синявский писал свои книги открыто, не ма-

¹ Архив Самиздата. Радио Свобода / Свободная Европа. АС № 2844 // Материалы самиздата. 1980. Вып. 15. С. 3.

скируя их под письма жене, они, без сомнения, были бы изъяты на первом же «шмоне» и уничтожены. Случай Синявского, пожалуй, самый яркий пример того, как заключенные через переписку реализовывали свои профессиональные творческие импульсы.

После прорыва информационной блокады в 1966–1968 годах независимая духовная жизнь (в широком смысле этого слова), никогда не прекращавшаяся вовсе в политических лагерях и тюрьмах, получила мощную подпитку с воли – через письма, открытки, бандероли уже не только от родных и близких, но от значительной части интеллектуального сообщества.

Письма в лагерь были только началом: за ними, как сказано, последовали бандероли, посылки, подписки на газеты, журналы, книги, денежная поддержка семей политзаключенных, что требовало немалых финансовых затрат. Собственных денег у всех этих литераторов, научных сотрудников, инженеров, школьных учителей, начавших поддерживать таким образом узников Дубравлага, конечно, не хватало – и начался стихийный сбор средств среди сочувствовавших. Деньги почти открыто собирались в редакциях и издательствах, академических институтах, вузах и, разумеется, среди друзей и знакомых. Деятельность по поддержке политзаключенных концентрировалась вокруг нескольких человек. Вот далеко не полный перечень московских активистов тогдашнего «красного креста», как эту деятельность полуиронически прозвали столичные интеллигенты: редактор издательства «Наука» Л. М. Алексеева, искусствовед Б. И. Шрагин и его жена этнограф Н. Н. Садомская, биологи Ф. П. Ясиновская и Н. П. Лисовская.

В конце 1967 года вновь обретенная традиция получила еще один мощный импульс: бывший (и, к сожалению, будущий) политзаключенный Анатолий Марченко, за год до того освободившийся после отбытия 6-летнего срока, закончил работу над книгой «Мои показания» – первым мемуарным свидетельством о политлагере 1960-х, получившим широкую известность. Книга быстро разошлась в самиздате, произвела на читателей огромное впечатление и окончательно ввела проблематику современных политлагерей в круг представлений оппозиционно настроенной интеллигенции (а интеллигенция в те времена была оппозиционно настроена почти поголовно).

В апреле 1968 года московские диссиденты-правозащитники начали издавать собственный машинописный информационный

бюллетень – знаменитую «Хронику текущих событий». Уже в первом выпуске бюллетеня появились сообщения о политических лагерях и политических заключенных; позднее они были выделены в отдельный раздел – «В тюрьмах и лагерях». Этот раздел составлялся, главным образом, из сообщений, полученных от самих заключенных, – на свиданиях с родными и из переписки, насколько то допускалось наличием лагерной цензуры. Таким образом, переписка становилась не только формой моральной поддержки узников, но и каналом связи для передачи на волю информации об их положении, то есть инструментом их борьбы за свои права. Острые коллизии 1970-х годов между лагерной администрацией и политзаключенными вокруг переписки возникли, в первую очередь, именно из-за этого: администрация всячески старалась ограничить переписку, а политзаключенные – ее отстоять.

Кроме того, в 1970-е годы судьбы советских политических заключенных привлекли внимание ряда зарубежных ассоциаций: политических групп (эмигрантский Народно-трудовой союз, итальянская «Эуропа чивильта» и пр.), религиозных и национальных общин, правозащитных организаций – в первую очередь «Международной Амнистии», крупнейшей международной организации, поддерживающей узников совести во всем мире. Многие активисты этих организаций вступали с заключенными в переписку. Тогда же началась «третья волна» эмиграции из СССР – некоторые друзья, сочувствующие, а иногда и родственники политзаключенных «последнего призыва» оказались за рубежом – и тоже пытались переписываться с ними. В политлагерях эта переписка чаще всего была односторонней из-за лимитов, которые заключенные предпочитали тратить все-таки на письма домой, – но и в таком формате она вызывала у администрации раздражение по целому ряду причин. Во-первых, даже в случаях, когда письмо из-за границы заключенному не передавалось, лагерное начальство знало, что об адресате помнят, а значит – простор для произвола сужался по сравнению с временами, когда речь шла о никому не известных эках. Во-вторых, сами заключенные, почувствовавшие интерес к себе со стороны международной общественности, становились более резистентными к «перевоспитанию». В третьих, эта переписка каким-то трудноопределимым образом нарушала привычный стереотип о том, что во внутренние дела Советского Союза никто не смеет вмешиваться.

Письмо из Японии
Ф. А. Сереброву,
правозащитнику
и диссиденту,
в казахстанскую ссылку.
18 декабря 1986

В конце концов, администрация политлагерей привыкла к тому, что подведомственным им энкам пишут какие-то непонятные люди и даже иностранцы. Но когда «политик» попадал в уголовный лагерь, его корреспонденция становилась потрясением для местного начальства. Когда против одного из лидеров крымскотатарского движения Мустафы Джемилева, отбывавшего срок в Омской области, было возбуждено очередное дело о «клевете на советский строй», следователи Омского УКГБ и лагерные оперуполномоченные в ужасе спрашивали у его сокамерников: «Вы знаете, что у него имеется связь с заграницей?.. Что он получал письма и телеграммы от Сахарова?»¹

В любом случае, письма из-за рубежа усугубляли новое качество переписки политических заключенных: из их частного, семейного дела она стремительно становилась общественно-политической проблемой.

К 1979 году поток корреспонденции в адрес политзаключенных вырос настолько, что активист правозащитного движения И. С. Ковалёв счел полезным составить специальную «методическую» памятку под названием «Некоторые соображения о помощи

¹ Хроника текущих событий. Вып. 37. Нью-Йорк: Хроника, 1975. С. 5.

политзаключенным», ориентированную, в основном, на западных активистов. Иван Ковалёв советовал:

«Политзаключенному можно и нужно посылать письма, открытки, телеграммы, фотографии, книги (если из СССР, то их можно передать или через следователя во время предварительного следствия или потом через «Книгу-почтой»). Необходимо делать запрос администрации о вручении любого отправления, особенно это относится к заграничным корреспондентам. <...> Если вы решили переписываться с ка-

ким-либо политзаключенным, учтите, что он скорее всего не сможет вам ответить. Старайтесь писать письма с учетом его интересов, сообщайте ему текущую информацию – при этом не бойтесь писать о событии, которое «у всех на устах». Может случиться, что эта новость не доходит до заключенного просто потому, что всем кажется, что все об этом уже знают»¹.

¹ Иван Ковалёв. Некоторые сообщения о помощи политзаключенным // Acta samizdatica / Пилотный выпуск. М.: ГПИБ России – Мемориал – Звенья, 2012. С. 104–105.

Вернемся однако во вторую половину 1960-х, к начальной стадии формирования нового типа коммуникаций между волей и лагерем. Быстро растущая протестная общественная активность внутри СССР привела в лагеря некоторых (впрочем, не столь уж многих) участников движения. Одним из них стал молодой, но уже известный московский диссидент Александр Гинзбург. В январе 1968 года он был осужден на пять лет заключения и весной того же года доставлен в Дубравлаг. Его жена Арина и их друзья (среди которых была Наталья Светлова, вскоре ставшая женой А. И. Солженицына) активнейшим образом подключились к организации помощи политзаключенным, постоянно расширяя ее и увеличив число подопечных в несколько раз. Это относилось и к переписке: письма с воли от незнакомых людей стали получать уже не 20-25 сокамерников Даниэля и Марченко, как раньше, а многие десятки политзэков. И не только в Мордовии: с 1967 года в уголовные лагеря начали привозить осужденных по новой статье УК – о «клевете на советский строй»; те, о ком становилось известно в Москве, тоже, естественно, включались в число подопечных. Некоторые из участников этой работы переписывались со многими политзаключенными одновременно, что иногда приводило к забавным казусам.

Юлий Даниэль, находившийся в это время во Владимирской тюрьме, отвечая на очередную порцию пришедшей ему корреспонденции, писал: «И, наконец, письмо Иры Корсунской. Н-да. По-всякому меня называли, но так... Раскрываю я это письмо (а на конверте, заметьте, написано «Даниэлю Ю. М.»), раскрываю и читаю: «Дорогой Генрих!» Тут я несколько удивился... Лыщу себя надеждой, что неизвестный Генрих получил письмо кокетливое –

у меня-то оказалось сугубо деловое послание. Прошу у Иры прощения, что, мало чего соображая, пробежал эти 15–20 строчек...»¹

Искусствовед Ирина Корсунская относилась как раз к числу новых «заочных» знакомых и Юлия Даниэля, и харьковчанина Генриха Алтуняна, осужденного за «клевету на строй» и отбывавшего срок в уголовном лагере в Красноярском крае. Корсунская переписывалась с десятками политзаключенных; неудивительно, что она перепутала конверты.

Бывало и по-другому: «заочные» знакомства сосредоточивались на каком-то одном корреспонденте, часто перерастая в дружбу. Случалось, что после выхода заключенного на свободу дело заканчивалось браком.

Со своей стороны, сами политические заключенные, привыкшие к заботе и помощи не только со стороны родных и близких, размышляли о том, как сделать эти связи между волей и зоной более системными и эффективными. Александр Гинзбург еще в заключении готовился к тому, что, выйдя на свободу, начнет заниматься тем же, чем сейчас занимаются его друзья и близкие – но в более широких масштабах. В мае 1970 года он писал жене: «Если ты хочешь представить себе сейчас мой идеал будущей моей жизни, так это – ты, когда берешься выполнить все мои просьбы. А поскольку я-то мечтаю о том, что смогу выполнять таких просьб в десять раз больше (во загнул!), представь себе, какая часть твоего мужа останется тебе в личное пользование...»²

В 1973 году Гинзбург вышел на свободу. А в 1973–1974 годах стихийная помощь политзаключенным получила институциональное развитие: А. И. Солженицын по договоренности с Гинзбургом создал новую диссидентскую организацию, не столько правозащитную, сколько «благотворительную» – Русский общественный фонд помощи политическим заключенным и их семьям; распорядителем фонда стал Гинзбург. Несмотря на непрекращающиеся репрессии против фонда (самого Гинзбурга вновь посадили уже в 1977 году), он открыто действовал до осени 1984 года; в его работе принимали участие многие десятки людей, Фонд оказал помощь сотням узников – в общем, стал одной из самых популярных, востребованных и успешных диссидентских организаций. Разумеется, переписка сотрудников фонда с заключенными, выяснение их обстоятельств и нужд оставались одним из приоритетных направлений его деятельности. Но эти письма, хотя и были

¹ Даниэль Ю. М. «Я все сбиваюсь на литературу...»: Письма из заключения. Стихи. М.: Мемориал – Звенья, 2000. С. 587.

² Письмо от 4–6 мая 1970 года. Цит. по: Александр Гинзбург. Русский роман / Сост. В. Орлов (Готовится к публикации). Гл. 11: «Кредо – изложение».

вызваны технической надобностью сбора информации для организации материальной помощи узникам, никогда не носили формального характера: в них сохранялось первоначальное тепло стихийного общественного порыва, который во второй половине 1960-х заставил множество вполне благополучных людей вступать в переписку с совершенно незнакомыми заключенными, посылать им книжные бандероли, подписывать на газеты и журналы, знакомиться с их семьями и помогать материально их детям.

Итак, самые главные результаты «эпистолярной революции» 1966–1968 годов:

- появление в переписке политзаключенных принципиально новой компоненты: писем, открыток, бандеролей от всё большего числа незнакомых сочувствующих, что стало новой формой моральной и отчасти материальной поддержки;
- возросшие возможности продолжения интеллектуальной и творческой жизни для заключенных интеллигентных профессий, и не только для них;
- возникновение и рост общественного интереса к проблеме политических заключенных в СССР и выстраивание информационных каналов между лагерем и волей, что заметно расширило возможности политзаключенных отстаивать свои права перед администрацией;
- формирование общественного движения, важной частью которого стали проявление гражданской солидарности с политзаключенными, организация систематической моральной и материальной помощи им и их семьям.

Что представляла собой цензура переписки?

Может создаться впечатление, что те, кому поручено было «перевоспитывать», то есть ломать, политзаключенных, равнодушно взирали на внезапно возникшую интенсивную коммуникацию подведомственного контингента с сочувствовавшей ему «волей». Это, конечно, не так.

Переписка была, с одной стороны, важным фактором в борьбе политзаключенных, отстаивавших свое человеческое достоинство и права, информационным каналом для ее координации с усилиями диссидентов, поддерживавших их на воле, с другой – постоянным предметом этой борьбы, полем противостояния.

Администрация мест заключения и курировавший ее КГБ располагали инструментами, позволявшими если не пресечь, то, по крайней мере, ослабить пошедший в обе стороны поток корреспонденции.

Основным таким инструментом являлась официальная цензура переписки заключенных, регламентированная рядом ведомственных инструкций и официально закреплённая в Исправительно-трудовом кодексе. Все письма проходили через оперчасть, в штатном расписании которой имелась специальная должность – цензор. Цензор обязан был просматривать всю корреспонденцию, исходящую и входящую, и в сомнительных случаях имел право не пропустить письмо или изъять какую-то его часть.

Проверку полагалось производить в течение трех дней после сдачи письма в оперчасть, равно как и после поступления в лагерь письма с воли. В реальности же проверка могла тянуться гораздо дольше, что особенно часто случалось, если письмо было написано не на русском языке. Заключенные имели право вести переписку на родном языке (для политзаключенных-националистов это имело принципиальное значение; что же касается литовских или украинских крестьян, попавших в лагерь в 1940-е годы за участие в партизанской борьбе, и их родственников на воле, то они зачастую и не умели писать по-русски), и мы не знаем случаев, когда им в этом праве открыто отказывали. Однако сроки проверки при этом резко увеличивались. Оперчасти Дубравлага, Пермских лагерей, Владимирской и Чистопольской тюрем можно понять: нельзя же оставлять переписку «особо опасных государственных преступников» без цензуры – а где набрать цензоров-полиглотов, владеющих украинским, литовским, армянским, казахским, ингушским и еще десятком языков? По всей видимости, значительная часть такой переписки посылалась на проверку в Москву, что, конечно, существенно удлиняло сроки прохождения писем. В 1978 году политзаключенного Пятраса Плумпу в Пермском лагере № 36 прямо предупредили, что если он будет переписываться с родными по-литовски, то его письма будут идти не меньше 3 месяцев.

Письма из-за границы, помимо обычной лагерной цензуры, также проходили проверку в Москве, в п/я 5110/1 – это, вероятно, был почтовый адрес ГУИТУ, Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями.

Решение о конфискации письма принималось цензором самостоятельно, никакой высшей инстанции, к которой можно было бы апеллировать, не существовало, хотя политзаключенные нередко пытались оспаривать решения цензора в прокуратуре.

Помимо конфискации существовал еще один способ, не записанный в нормативных документах, но широко применявшийся на практике – цензор самолично вымарывал из проверяемых писем сомнительные фрагменты. Диссиденты и созданные ими правозащитные организации, выступавшие в защиту прав заключенных, осуждали эту форму цензурирования переписки как не предусмотренную даже ведомственными регламентами. В самиздатской подборке материалов 1977 года, озаглавленной «Письма политзаключенных», с неудовольствием констатируется:

«Превышая даже требования параграфа 29 Инструкции о переписке МВД СССР, цензура систематически приводит вычеркивания в письмах»¹.

¹ Подборка материалов «Письма политзаключенных» (АС № 2844) // Материалы самиздата. 1977. Вып. 9. С. 4.

Аналогичное неудовольствие выражено и в документе № 68 Московской Хельсинкской группы от 30 октября 1978 года, специально посвященном проблемам, связанным с перепиской политзаключенных.

На деле же «вымарывание» – действие и в самом деле сугубо неправовое – куда менее болезненно для заключенного, чем прописанная в инструкциях конфискация письма. Конфискованные письма пропадали для адресата целиком и навсегда, причем цензор обязан был сообщать о конфискации только «исходящих» писем и знакомить заключенного с актом о конфискации (и то это правило не всегда соблюдалось).

Что касается писем с воли, то об их конфискации никто не обязан был информировать ни адресата, ни отправителя (последнего – только по его запросу о судьбе письма, если он догадывался отправить такой запрос).

Иногда цензор в порядке любезности все же сообщал заключенному, что на его имя пришло письмо, которое он, цензор, конфискует по такой-то причине. В порядке же особой любезности цензор мог даже пересказать заключенному кое-что из содержания письма или зачитать пару отрывков из него по своему усмотрению.

Оформление писем в лагерь «с уведомлением о вручении» помогало мало: адресованная заключенным корреспонденция доставлялась из ближайшего почтового отделения в оперчасть, где на уведомлениях расписывался цензор – «по доверенности». Излишне говорить, что доверенность от заключенного оперчасть

никогда не оформляла, а почтовые работники никогда ее у оперчасти не спрашивали. Таким образом, отправитель, получив уведомление, все равно не мог быть уверен, что письмо вручено адресату.

До 1972 года конфискованные письма заключенных приобщались к их личным делам. Но после введения в действие «Правил внутреннего распорядка исправительно-трудового учреждения» (Приказ № 020 МВД РСФСР от 14.01.1972) процедура упростилась – эти письма просто уничтожались.

В тех же Правилах были перечислены основания для конфискации писем, заимствованные из предыдущих нормативных документов – инструкций по цензурированию переписки заключенных:

- «нецензурные выражения» (в смысле – непристойные). Оперчасть заботилась о нравственности заключенных и их близких;
- «клевета на администрацию и лагерные условия». По этому пункту можно было конфисковать письмо от заключенного, содержащее, например, жалобы на плохое питание, тесноту в бараке или грубость надзирателей;
- «искажение внешней и внутренней политики СССР». Ну, это понятно без объяснений: например, запрещалось употреблять в письмах слова «политзаключенные», «политлагерь»;
- «подозрения на "условные выражения"». Этот пункт давал широкий простор для трактовок. Так, однажды (это было в начале 1980-х) цензор не пропустил письмо политзаключенного Ю. Ф. Орлова к жене, наткнувшись на озадачившую его фразу: «Окологуби гуляет лошадь»¹. Справедливости ради заметим, что изученная нами переписка политических заключенных действительно изобилует разного рода подтекстами, скрытыми смыслами, намеками, аллюзиями и т. д., позволявшими им без труда сообщать на волю све-

дения, которые, будь они изложены прямым текстом, цензура ни за что бы не пропустила;

- «недозволенные вложения». В это понятие цензура в разные периоды вкладывала разный смысл. Например, в либеральные 1960-е письма с воли и на волю часто содержали почтовые открытки, марки, рисунки детей и рисунки для детей, вырезки из газет и журналов. В 1970-е все это уже могло быть объявлено «недозволенным» и послужить поводом для конфискации.

В упомянутой выше самиздатской подборке 1977 года отмечалось: «Иногда не отправляют письмо или часть письма из-за того, что в тексте приведены цитаты из книг, газет, журналов (изданных в СССР)»². Документ № 68 Московской Хельсинкской группы, также упомянутой выше, рассказывает о конфискации письма политзаключенного З. П. Антонюка, в котором приводились выдержки из Геродота на украинском языке. Читатель помнит, что в 1960-е годы некоторые политзаключенные, формально адресуя свои письма семье, фактически обращались в них сразу ко многим своим корреспондентам; теперь этим

¹ Сообщено В. Э. Долининым.

² Подборка материалов «Письма политзаключенных» (АС № 2844) // Материалы самиздата. 1977. Вып. 9. С. 4.

вольностям пришел конец – такие обращения тоже стали рассматриваться как «недозволенные вложения»: «Изымаются части писем, в которых цензор усматривает обращение к другому лицу, кроме непосредственного адресата (указанного в адресе на конверте)»¹;

● «разглашение сведений, не подлежащих оглашению». Этот запрет, конечно, относился не к письмам в зону, а только к письмам из зоны. Что имелось в виду? В первую очередь – информация о солагерниках. В 1960-е годы рассказывать в письмах на волю о товарищах по лагерю, в общем, не возбранялось, если только автор письма не вдавался в подробности их дел. Правда, во Владимирской тюрьме к этому традиционно относились куда более строго: там основанием для конфискации письма могло послужить даже простое упоминание имени сокамерника. В начале 1970-х эти строгости докатились и до лагерей. Вероятно, сотрудникам КГБ надоело, что разные поименные перечни советских политзаключенных начали регулярно появляться в «Хронике текущих событий» и других самиздатских публикациях и звучать в передачах зарубежных радиостанций.

Помимо информации о солагерниках и сокамерниках, к «сведениям, не подлежащим оглашению», цензор мог отнести упоминание любой лагерьной реалии – распорядка дня, норм питания, норм выработки, системы наказаний. Например, он мог конфисковать письмо за упоминание в нем о конфискации писем. Так, во всяком случае, заявил политзаключенному С. Ф. Глузману сотрудник пермской прокуратуры Язев: «О конфискации писем вы не имеете права сообщать кому-либо в своих письмах. Это разглашение сведений о жизни колонии»².

А в августе 1981 года цензором женской зоны Дубравлага в пос. Барашево было конфисковано письмо политзаключенной Т. С. Осиповой к мужу, И. С. Ковалеву, за... упоминание в нем цензора: говоря о форматах переписки, она мимоходом заметила: «В разных лагерях разные традиции. Не знаю, от кого они зависят, может, от личного разума цензора».

Тем самым, разъяснили Осиповой, она разгласила не подлежащее оглашению сведение о существовании цензора. Ссылка на ст. 22 Исправительно-трудового кодекса, где записано требование цензурирования корреспонденции осужденных, не помогла³.

Впрочем, анализировать причины конфискации на примерах, относящихся к переписке политзаключенных второй половины 1970-х и первой половины 1980-х годов, не имеет смысла: очевидно, тогда уже была спущена сверху установка пресекать переписку под любыми мыслимыми и немыслимыми предлогами. Вот что сообщает весной 1976 года «Хроника текущих событий»:

«[Политзаключенный Г. В.] Давыдов по несколько раз переписывал январское и февральское письма. 17 марта 1976 г. он послал такое письмо: «Здравствуй... До свидания». Этот текст удовлетворил цензора»⁴.

¹ Там же. С. 4.

² Хроника текущих событий. Вып. 52. Нью-Йорк: Хроника, 1979. С. 69.

³ Хроника текущих событий. Вып. 63. Нью-Йорк: Хроника, 1983. С. 172.

⁴ Хроника текущих событий. Вып. 40. Нью-Йорк: Хроника, 1976. С. 80.

Давыдову еще сравнительно повезло: зачастую конфискованное письмо засчитывалось в лимит переписки, как если бы оно было отправлено, и заключенному не разрешали его переписать.

Наконец, существовал еще один способ блокировать переписку: письмо из лагеря на волю или, чаще, с воли в лагерь просто «пропадало на почте».

С годами к этому способу стали прибегать все чаще: «пропажи» не давали явного повода для жалоб и протестов. Так, из 32 писем, отправленных А. Б. Щаранскому матерью и братом во Владимирскую тюрьму за три года, до адресата добралось только 11. В 1982–1983 годах в течение двенадцати месяцев «пропало на почте» около ста писем, адресованных Т. М. Великановой.

В личном деле А. Т. Марченко, переписка которого с женой на протяжении двух или трех лет была почти полностью блокирована конфискациями и «пропажами» писем, мы обнаруживаем удивительный документ, написанный им незадолго до гибели в Чистопольской тюрьме. Это заявление, датированное 19 ноября 1986 года (то есть 107-м днем голодовки, которую Марченко объявил 5 августа) и адресованное прокурору по надзору за местами лишения свободы Татарской АССР; копию заявления он направил Генеральному прокурору СССР. Вот два фрагмента этого заявления, в которое Анатолий Марченко «вмонтировал» просьбы к жене, содержащиеся в непропущенных письмах:

«...Администрация тюрьмы не позволяет мне ни в каком виде сообщить жене мою [просьбу] о присылке мне денег. Тем самым мне навязывается скотский [быт] в камере-одиночке: быть физически в беспомощном состоянии из-за длительной уже голодовки и быть лишенным возможности иметь при себе (покупать в ларьке) предметы первой необходимости. <...>

Кроме этой просьбы к жене о присылке мне денег у меня есть и другие просьбы, с которыми администрация тюрьмы тоже не разрешает мне обратиться.

Короче говоря, вот мои просьбы домой, с которыми я уже трижды [пытался] обратиться к жене:

заполучите медицинские справки-выписки из истории болезни из облбольницы Иркутска и райполиклиники Чуны с диа-

гнозом невропатологов о болезни моих рук и такую же справку из больницы № 36 Москвы (операция радикальная на левом ухе после перенесенного гнойного менингита). Снимите со всех 3-х копии и, заверив у нотариуса, вышлите по одной сюда на начальника медчасти;

[при]шлите телеграфом 30 р. денег (теперь из-за блокады переписки буду на всякий случай просить уже 100 р.);

бандеролью шлите только конфеты;

шлите новые батарейки к слуховому аппарату;

свидания очередного в декабре я лишен за невыполнение нормы выработки, так что не вздумайте приезжать зря;

3 ноября конфисковали от тебя, Лар, письмо и от Злобиной и 10 ноября одно твое письмо и все три из-за условностей в тексте;

получил от вас телеграмму от 22 окт. и открытку от Флоры Павловны от 22 окт., письмо № 21 и 23 получил тоже. Все.

Гражданин прокурор! Какие из этих моих просьб-сообщений [к] жене могут быть признаны запретными в нормальном государстве, даже если они и исходят от государственного преступника?

Повторяю, что я трижды обращался с этими записками к жене, [но три раза] у меня их конфисковывали из-за «условностей» в тексте.

Когда же я предложил цензору самому изложить мои просьбы в любом [виде] с последующей моей перепиской своей рукой для отправки, то [получил отказ] и от такого даже варианта. Поэтому и обращаюсь к Вам: сообщите моей жене эти просьбы. Сделать это можно любым способом: письменно (домашний адрес: <...>); устно, вызвав жену по повестке; по телефону (домашний телефон <...>).

Меня устроит любой вариант...»

Эта необычная комбинация двух эпистолярных жанров возымела наконец действие: 5 декабря прокурор Г. С. Акташев направил начальнику Чистопольской тюрьмы майору М. Н. Ахмадееву следующую записку:

«Для объявления ос. Марченко А. Т.

Направляя Вам заявление ос. Марченко А. Т. о неотправлении его писем родным, предлагаю лично разобраться в изложенном и принять безотлагательные меры по направлению сообщения родственникам о высылке денег.

Ознакомьте с этим письмом ос. Марченко под роспись».

Нам не вполне понятно, что произошло в промежутке между 19 ноября и 5 декабря 1986 года. Неужели советника юстиции Акташева проняло заявление Марченко? Навряд ли: просто на пороге – горбачевская перестройка; всего через два месяца начнется и освобождение политзаключенных – из Пермских лагерей, из Дубравлага, из Чистополя. Но майору Ахмадееву не удалось ознакомить «ос. Марченко А. Т.» с этой запиской: она поступила в канцелярию тюрьмы 9 декабря, на следующий день после смерти Анатолия Тихоновича. А вдова и сын Марченко прочитали его последнее «письмо» домой лишь четыре года спустя, когда в архив «Мемориала» поступила копия его личного дела.

Зачем политзаключенные подавали заявления, жалобы и обращения в официальные инстанции?

Обзор будет неполным, если хотя бы бегло не коснуться этого излюбленного заключенными жанра, процветавшего задолго до «эпистолярной революции» 1966–1968 годов.

Вероятно, процветанию жанра способствовало то обстоятельство, что обращения в официальные инстанции – в МВД и другие государственные учреждения и ведомства, в суд, в прокуратуру, в ЦК КПСС, к депутатам Верховных Советов СССР и союзных республик, а также в советские органы печати, включая журналы «Работница», «Крокодил», «Наука и религия» или «Спутник агитатора» – не рассматривались как «переписка» в прямом смысле слова и, соответственно, не включались в лимиты; а заявления в прокуратуру (и до января 1972 года в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета) не подлежали даже просмотру лагерным цензором. Впрочем, многие заключенные, особенно те, чей образовательный и культурный уровень был не слишком высок, воспринимали в качестве «официальных инстанций» любые встреченные ими в газете имена знаменитостей и писали сотни жалоб на несправедливость приговора и жестокость лагерного начальства, обращаясь с ними к литераторам – авторам последнего прочтенного ими романа, балеринам Большого театра, знаменитым киноактерам, летчикам-космонавтам и ученым-океанологам. Среди интеллигентной части политэковского сообщества жалобы (адресованные, разумеется, не балеринам и не океаноло-

гам) были популярны по очевидной причине: существовала возможность, что грамотно составленная жалоба инициирует проверку, а то и приезд какой-нибудь комиссии из Москвы. Толку от проверок и комиссий, как правило, никакого не было; но зато открывалась перспектива потрепать нервы начальству, что само по себе приятно¹.

¹ В мемуарах Владимира Буковского замечательно описан механизм массированных «жалобных кампаний», которые раскручивали заключенные Владимирской тюрьмы в периоды обострения отношений с администрацией. См.: Буковский В. К. «И возвращается ветер...»: Письма русского путешественника. М.: Демократическая Россия, 1990. С. 31–34.

В эпоху «зрелого диссидентства» дубликаты этих жалоб нелегально передавались на волю, где распространялись самиздатом и пересказывались в правозащитных бюллетенях и передачах зарубежных радиостанций.

Это бесконечно раздражало лагерное и тюремное начальство, которое изо всех сил пыталось и не могло, за неимением законных оснований, прекратить поток «официальных» обращений политзаключенных: ведь заявления в официальные инстанции, согласно правилам, не подлежат конфискации.

Но еще большее раздражение вызывали у начальства обращения заключенных в академические и культурно-просветительные учреждения, связанные не со злобой дня, а с интеллектуальными запросами заключенных.

Администрация не имела формального права задерживать письма в государственные учреждения, но иногда пыталась помешать дальнейшей переписке. «Хроника текущих событий» (вып. 40 от 20 мая 1976 года) сообщает, что в некоем запросе, полученном редакцией журнала «Декоративное искусство СССР» от заключенного Владимирской тюрьмы филолога Г. Г. Суперфина, которое было связано с его текущими историко-литературоведческими штудиями, обнаружили вложенную в письмо записку от начальника тюрьмы В. Ф. Завьялкина. В записке, адресованной главному редактору журнала М. Ф. Ладурю, полковник Завьялкин указывал на неуместность и нежелательность продолжения переписки редакции с особо опасным государственным преступником Суперфином. В другое письмо Суперфина, адресованное в издательство «Художественная литература», Завьялкин вложил такую же записку (подчеркнем – не аналогичную, а такую же, то есть тоже обращенную к главному редактору журнала «Декоративное искусство СССР»!). Объективности ради добавим, что во втором случае обращение заключенного не относилось к области его научных интересов, а касалось тюремных порядков: у Суперфина отобрали на оче-

редном обыске Библию, он объявил по этому поводу голодовку и просил издательство разъяснить администрации тюрьмы литературно-художественную ценность этой книги. Так или иначе, записки Завьялкина возымели действие: ни от журнала, ни от издательства официального ответа Суперфин не получил. С другой стороны, характерным знаком эпохи явилось то, что сотрудники обоих учреждений не преминули довести содержание обращений Суперфина до составителей «Хроники текущих событий», и таким образом необходимую ему историко-литературную справку он получил от частных лиц, а заодно «Хроника» узнала и рассказала своим читателям о его голодовке по поводу изъятой Библии.

Как обходили цензуру?

Цензуре заключенные и их корреспонденты противопоставляли, в первую очередь, «эзопов язык» – систему эвфемизмов, намеков, аллюзий, литературных реминисценций, понятную отправителю и адресату, но невятную для постороннего глаза; одним словом все то, что в подпункте (г) пункта 10 «Правил внутреннего распорядка исправительно-трудового учреждения» обозначалось как «условные выражения». С «эзоповым языком» цензоры решительно не справлялись – сказывалась разница в культурном уровне (чаще всего должности цензоров занимали не слишком образованные жены сотрудников лагерной администрации, которых нетрудно было обвести вокруг пальца).

Приводить в кратком очерке развернутые примеры употребления «эзопова языка» в лагерной переписке не имеет смысла: лагерники прибегали к этому приему всюду, где речь шла о «скользких» темах, ситуациях или именах, могущих привлечь нежелательное внимание цензора. Простейший случай – переименование персонажей. А. И. Гинзбург в письмах к жене неизменно именует «Сашей» или «дядей Сашей» мужа их приятельницы Н. Д. Светловой Александра Солженицына, связи которого со своей семьей он не хочет афишировать. Это элементарный ход: адресат – жена Гинзбурга Арина – встретив упоминание «дяди Саши» впервые, догадается, о ком идет речь, по контексту; а в дальнейшем ей и догадываться не надо будет. Ю. М. Даниэль, упоминая этого же человека, обозначает его как «врача-онколога» (отсылка к роману Солжени-

цына «Раковый корпус»); своего однодельца А. Д. Синявского – в тех случаях, когда пишет о сюжетах, излишнего внимания к которым органов госбезопасности желательно избежать, – он именует «тетифенин муж», по дачному прозвищу жены Синявского Марьи Розановой. И так далее.

Для того же, чтобы сообщить своим корреспондентам о возможном в ближайшем будущем этапировании из зоны в связи с намечающейся голодовкой, достаточно бросить мимоходом фразу «мною овладело беспокойство» и т. д.»¹. Адресат письма легко мог сам продолжить закавыченную и слегка измененную цитату из Пушкина: «...охота к перемене мест», – а цензор на такое едва ли был способен.

Примеры иносказаний в письмах политэзков можно было бы приводить сотнями. Разумеется, этот способ коммуникации существовал в местах лишения свободы испокон веку; но не случайно расцвет «эзопова языка» относится к 1950–1980-м годам, когда на аллюзиях, намеках и иносказаниях строилась не только переписка политических заключенных, но и вся советская культура, в первую очередь литература.

Однако иносказание не всегда позволяло скрытно от цензора передать адресату конкретную информацию – например, адрес, на который может прийти из лагеря «левое», то есть отправленное в обход оперчасти письмо. В таких случаях заключенные прибегали к условным шифрам. Авторам этого очерка известен только один, довольно незамысловатый, способ шифрования сообщений в теле «подцензурного» письма (наверняка этих способов было больше). Есть основания полагать, что этот способ возник из популярной в 1950–1960-е годы салонной игры в «угадывание мыслей». Ключом к шифру является короткая последовательность цифр, известная только адресату и отправителю. Сообщение зашифровывается (во фрагменте текста, также отмеченном заранее оговоренным условным знаком или речевым оборотом) следующим образом: если ключ к шифру, например, «754», то сообщение строится из 7-й буквы первого предложения, 5-й буквы второго, 4-й буквы третьего, 7-й буквы четвертого и так далее. Понятно, что таким способом можно зашифровать лишь короткое сообщение, в одну-две фразы. Известно, что подобными шифрами пользовались Ю. М. Даниэль, А. Д. Синявский, А. И. Гинзбург, В. Е. Ронкин, С. А. Ковалёв; но наверняка до похожих хитростей додумывались и другие.

¹ Даниэль Ю. М. «Я все сбиваюсь на литературу...»: Письма из заключения. Стихи. М.: Мемориал – Звенья, 2000. С. 290.

Своего рода шифром можно считать и «условные выражения» в прямом смысле слова, то есть слова и обороты, о втором значении которых отправитель заранее договорился с адресатом.

В. Е. Ронкин и несколько его сокамерников решили объявить голодовку протеста (февраль 1968 года), и им необходимо было заранее информировать об этом друзей на воле: «Кто и как связывался с большой зоной¹, я не знаю; сам я подобрал открытку, на которой были нарисованы зверюшки на лыжах, и приписал стишок:

Без особой подготовки,
Но упорен и ретив,
От Москвы до Шепетовки
Мчит спортивный коллектив.
Про физкульт-успехи эти
Пусть узнают все на свете!

О том, что слово “Шепетовка” означает голодовку, мы с Иринкой договорились заранее, еще на первом свидании после суда.

Через некоторое время начали приходиться подтверждения, что наши сообщения получены и поняты².

Голодовка, о которой идет речь, стала первой лагерной акцией такого рода, получившей широкую огласку, причем заранее, не только в «большой зоне», но и за рубежом, что немало способствовало сравнительно успешным ее результатам.

Еще один способ нелегальной связи с волей – тайнопись: информация вписывалась «невидимыми чернилами» в промежутки между строчками подцензурного письма, которое затем «проявлялось» адресатом. Мы не знаем, каким образом составлялись эти «чернила»: молоко, классическая жидкость, используемая для тюремной тайнописи, в лагерях строгого режима и тем более в тюрьмах, было немногим доступнее для заключенных, чем химические реактивы. Собственно, нам известен лишь один случай тайнописи, закончившийся для отправителя печально: узник Владимирской тюрьмы филолог Святослав Караванский, украинский националист, отсидевший с перерывами 25 лет, попытался в 1969 году переслать таким образом на волю свои рукописи, среди которых были записанные им рассказы сокамерников – Андреева, свидетеля Катынского расстрела 1940 года, и Меньшагина, знакомого с обстоятельствами расследования Катынского дела при немцах. Для тайнописи Караванский использовал раствор лекарственного препарата – салицилата натрия. Рукописи были

¹ «Большой зоной» здесь иронически названа территория страны «за пределами колючей проволоки».

² Ронкин В. Е. На смену декаблям приходят январы... Воспоминания бывшего бригадмилыца и подпольщика, а позже политзаключенного и диссидента. М.: Мемориал – Звенья, 2003. С. 281.

¹ Меньшагин Б. Г. Воспоминания: Смоленск... Катень... Владимирская тюрьма... Париж: УМСА-Press, 1988. С. 137–143.

обнаружены, «проявлены», и Караванский получил за них новый срок – еще 8 лет лишения свободы¹.

Одним из распространенных способов обходить лагерную цензуру была так называемая «левая» корреспонденция, то есть письма, передаваемые заключенными по разным «нелегальным» каналам.

В следственных тюрьмах такое письмо мог вынести с собой выходящий на свободу сокамерник, хотя этот способ связаться с волей был чреват всякого рода опасностями: ведь во время следствия в камеры к политическим часто подсаживали «наседок», и записка имела все шансы попасть на стол к следователю. Или еще того хуже: «гонiec» мог оказаться агентом-provokатором, а переданное с ним письмо (или устное сообщение) помогало ему войти в доверие к друзьям арестованного. В 1983 году подобные опасения даже привели к серьезному расколу среди активистов Фонда помощи политзаключенным: часть из них поверила информации, принесенной таким гонцом из Бутырской тюрьмы, где сидел под следствием арестованный распорядитель фонда С. Д. Ходорович, другая часть опасалась провокации. Впоследствии выяснилось, что информация соответствовала действительности (что, разумеется, не исключало полностью сомнений в личности «гонца»).

Другой вариант, чаще применявшийся уже после суда и приговора, во время этапирования, – попытаться незаметно для конвоя выкинуть письмо наружу через какую-нибудь щель в полу «воронка» или из окошка вагонзак: авось какой-нибудь сердобольный человек подберет и отправит по адресу. Б. Б. Вайль вспоминал о своем следствии, проходившем в Иркутске в 1958 году (он тогда получил новый срок за участие в подпольной организации заключенных Озерлага): «Из тюрьмы № 1 на допрос в КГБ (я писал уже это) возили в тюремных машинах («воронках») через весь город. В камерах этих воронок я заметил пазы там, где кожух над колесом машины врезан в пол. В эти пазы (или щели) легко можно было опустить письмо. Так я отправил несколько писем, рассчитывая на сочувствие иркутян заключенным. И все эти письма дошли до адресатов! А ведь неизвестный горожанин, поднявший такой треугольник с мостовой, должен был еще наклеить на него марку!»²

Более того: в следующий раз Вайль и его однодельцы ухитрились таким же образом разбросать по Иркутску листовки.

«Левые» письма из лагеря или тюрьмы передавались, насколько нам известно, более прозаическим путем: через вольнонаемных,

² Вайль Б. Особо опасный. Харьков: Фолио, 2005. С. 183.

работавших вместе с заключенными на производстве, либо через надзирателей-охранников. Они брали письма и относили их на почту (разумеется, не в то почтовое отделение, которое находится в непосредственной близости от лагеря: это было бы слишком рискованно; в маленьком прилагерном поселке каждое исходящее письмо с необычным адресом – в Москву, Ленинград, Прибалтику, Армению и т. д. – бросилось бы в глаза сотрудникам почты, сортирующим корреспонденцию). Делали это чаще всего за определенную денежную мзду. Впрочем, известны и случаи, когда «вольняшки» отправляли письма заключенных просто так, из симпатии и сочувствия к ним. От охранников, как правило, сочувствия и симпатии ждать не приходилось, но на деньги многие из них были очень и очень падки. Правда, деньги еще надо было откуда-то взять – не по безналичному же расчету расплачиваться с охранником, переводя на его имя оговоренную сумму с личного счета заключенного! Но нелегальная присылка денег в зону – в тубике зубной пасты, в корешке книжки, посланной бандеролью, – была достаточно заурядной процедурой в 1960–1970-е годы.

Из рассказа В. Е. Ронкина о его разговоре с сотрудником КГБ во Владимирской тюрьме (1970): «Вызвали меня к гэбисту, который стал меня пугать всякими карами за неконтролируемую переписку. Я ответил, что незаконной переписки не веду, но если захочу, то бояться мне нечего, сумею это сделать так, что никто не узнает. “У нас есть специальные средства для выявления тайнописи, один пытался писать – в карцере насиделся (намекал он на Караванского – тюремная молва уже донесла до меня, что тот попался на тайнописи)”. – “Ну какие ваши средства? Инфракрасная лампа? Ультрафиолетовое облучение? Рентген? Я же химик по профессии, я из ничего такой состав сделать могу, что только нейтринным облучением его можно будет выявить!” Тут я сообразил, что если гэбист мне поверит, то мои письма вообще доходить перестанут, и повернул разговор: “Впрочем, мне этим и не надо пользоваться – любой надзиратель за пятерку передаст письмо”. Гэбист насторожился: “Конечно, есть некоторые молодые, которые...” Я не дал ему закончить: “И молодые, и старые. За пятерку. За пятьдесят рублей начальник тюрьмы письмо отправит, а за пятьсот – и вы!” – “Так чего же вы не предлагаете мне?” – спросил гэбист, и я ответил: “Дурак я, что ли, платить вам пятьсот рублей, когда надзиратели делают это за пятерку”»¹.

¹ Ронкин В. Е. На смену декаблям приходят январы... Воспоминания бывшего бригадмилца и подпольщика, а позже политзаключенного и диссидента. М.: Мемориал – Звенья, 2003. С. 323.

Конечно, Ронкин просто дразнил своего собеседника; но самое удивительное, что кое-кому и вправду удавалось отправлять «левые» письма из Владимира. Э. С. Кузнецов в своих записках мимоходом роняет: «Даже из Владимирского централа я ухитрялся писать на волю, минуя цензора...»¹

¹ Кузнецов Э. Мордовский марафон. М.: ЭКСМО, 2008. С. 173–174.

Среди бывших политзаключенных бытовала легенда, рассказывавшаяся с восхищением и завистью – будто бы свидетели Иеговы получали в лагерях русскоязычное издание журнала «Башня Стражи», печатающееся их единоверцами в Нью-Йорке, на десятый день после выхода его из бруклинской типографии². Если легенда верна, то это осуществлялось, скорее всего, именно через охранников, чьи услуги проплачивались.

² См., например, интервью Р. Д. Орловой с А. И. Гинзбургом (Вашингтон, 1.11.1985), взятое в рамках проекта «Устные воспоминания о самиздате».

Еще одно замечание относительно «левых» писем. Их нелегальная передача охранниками и вольнонаемными – вполне традиционный способ переписки заключенных всех времен и народов. Но «политическим» позднесоветской эпохи приходилось принимать при этом дополнительные меры предосторожности: ведь госбезопасность могла подвергать тайной перлюстрации и корреспонденцию, приходящую на домашние адреса их родных и друзей. Поэтому чаще всего в качестве «вольных» адресатов «левой» переписки выбирались дальние знакомые, не попавшие в поле зрения чекистов. От них эти письма уже передавались по назначению.

Интересно было бы знать, какая часть неконтролируемой переписки политзаключенных с волей оказывалась все-таки в руках оперативников КГБ. Им, безусловно, выгодней было не ловить заключенных и их семьи на «левых» письмах, а делать вид, что все в порядке и канал работает исправно, чтобы в дальнейшем иметь доступ к информации, для них не предназначенной. На этот вопрос мы, к сожалению, ответить не умеем.

Наиболее важные тексты, поступавшие из политлагерей, «левым» каналам не доверялись. Для их передачи на волю изготовлялись так называемые «ксивы».

Это слово было заимствовано «политическими» из уголовного жаргона³, где оно обозначает вообще любой документ: паспорт, удостоверение личности и т. п., в том числе и письмо; с этим же набором значений оно вошло и в современный молодежный жаргон. Но в устной лексике политэков 1960–1980-х годов и диссидентов, входящих в круг их «социальной поддержки», слово

³ Вероятно, в уголовном жаргоне («блатной фене») оно восходит к древнееврейскому *ксивэ* – «письмо, писание», бытовавшему в том же значении и в языке идиш.

сохранило только последнее значение, с дополнительным уточнением: «текст, специально подготовленный для нелегальной передачи из зоны на волю (гораздо реже – с воли в зону)»¹.

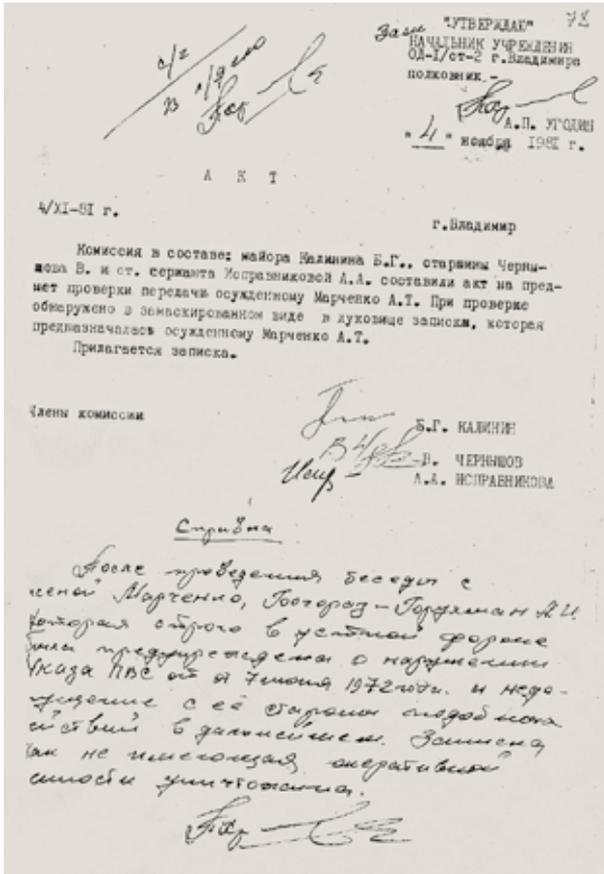
Упакованная «ксива».
Дубравлаг, 1970-е

Чаще всего «ксивы» писались на крохотных, по несколько сантиметров в длину и ширину, листочках папиросной или полупрозрачной оберточной бумаги, кальки, синьки, бумаги для электроизоляции и тому подобного материала. На них микроскопическими буквами записывался текст, после чего листочки многократно складывались или сворачивались в трубочку и плотно заворачивались в целлофан или другую водонепроницаемую обертку. Упакованную подобным образом «ксиву» – такие пакетики иногда именовали «капсулами», «пулями» или «торпедами» – передавали на волю через родственников во время свиданий. Понятно, что на краткосрочном (общем) свидании под присмотром надзирателей сделать это было труднее, чем на личном, длившемся до трех суток, в течение которых заключенный оставался с родными наедине в лагерной «гостинице» – «доме свиданий». Тем не менее, иногда удавалось незаметно для надзирателя передать «ксиву» и на общем свидании: в мундштуке папиросы, в спичечном коробке, с носовым платком, при прощальном поцелуе, разрешенном снисходительным охранником. Одну такую не вполне удачную попытку передать записку с воли в зону иносказательно комментирует Ю. М. Даниэль в «легальном» письме домой 1966 года: «Да, последние минуты нашего свидания живо напомнили мне «Александрийские песни» Михаила Кузмина. <...> Увы, все тает, расплывается, исчезает...»² Даниэль намекает на строки из стихотворения цикла «Она» «Александрийских песен» Кузмина: «...изо рта только ртом, / не руками...»; судя по последней фразе, текст записки был поврежден при передаче.

¹ Разумеется, «ксивы» – изобретение не последних советских десятилетий. Одним из самых удивительных примеров «ксив» раннесоветской эпохи является «Соловецкий список» – перечень заключенных политссылок Соловецкого лагеря особого назначения ОГПУ, составленный, по-видимому, старостами этих ссылок в июне 1925 года, накануне вывоза «политиков» с Соловецких островов на материк. Подробно о «Соловецком списке» см.: Соловецкие политссылки. Список политзаключенных (1925) / Публ. Е. Жемковой и А. Рогинского // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс – Феникс – Atheneum, 1991. С. 252–287.

² Даниэль Ю. М. «Я все сбиваюсь на литературу...»: Письма из заключения. Стихи. М.: Мемориал – Звенья, 2000. С. 50.

Акт об изъятии и уничтожении записки к А. Т. Марченко, тайно переданной в луковичке во время личного свидания. Чистопольская тюрьма, 1981

Однако подобные возможности исчезли в конце 1970-х, когда в комнатах для краткосрочных свиданий установили прозрачные двойные перегородки с отверстиями, через которые можно было только переговариваться, но не контактировать непосредственно; а в начале 1980-х годов и отверстия были заменены, на западный манер, переговорными устройствами типа телефонов.

На долгосрочном (личном) свидании передать «торпеду» было гораздо проще. Но, во-первых, личное свидание предоставлялось на строгом режиме раз в год (общее – 3 раза в год), а во-вторых, при этом возникала серьезная дополнительная трудность: заключенного перед возвращением в зону, равно как и его родственников перед выходом из «дома свиданий», подвергали личному обыску. И обыскивали год от года все более тщательно и придирчиво – именно с целью пресечь увеличивающийся в обе стороны поток

информации между политическими лагерями и волей. Конечно, способы вынести с собой «капсулу» совершенствовались тоже год от года (избавим читателя от малоаппетитных технических подробностей), но росли и навыки тюремщиков, их знания о способах укрывания заключенными и их родственниками нелегальных текстов, полученных на свиданиях.

Заметим также, что сложно исполнить текст микроскопическим шрифтом на крохотной четвертушке бумаги, к тому же незаметно от надзорсостава и лагерных или камерных стукачей, – это процесс долгий и трудоемкий. Поэтому «ксивы», как правило, не были личными письмами от мужа к жене. В виде «ксив» готовились и передавались на волю тексты, имеющие, с точки зрения их авторов, особое значение: литературные и научные труды, открытые письма и обращения политзаключенных, предназначенные для самиздатского и зарубежного опубликования, информация о происходящем в лагерях и тюрьмах для «Хроники текущих событий» и других диссидентских правозащитных изданий.

К наиболее известным текстам, вынесенным из зоны в виде «ксив», относятся, например, поэма «А в это время» Юлия Даниэля, очерки «Город Владимир» Юрия Иванова и «Репортаж из заповедника имени Берии» Валентина Мороза, «Дневники» и «Мордовский марафон» Эдуарда Кузнецова, информационные бюллетени политзаключенных Пермских и Мордовских лагерей – «Хроника 35-й зоны» и «Хроника Барашевской зоны».

К этому же типу нелегальной корреспонденции примыкают и две уникальные звукозаписи, сделанные А. И. Гинзбургом с помощью случайно попавшего в его распоряжение магнитофона. Фрагменты магнитофонной ленты с записями были тайно переданы на волю в «капсулах». Первая из них – «литературная передача» с участием Гинзбурга, Даниэля и латышского политзаключенного В. Калниньша, сделанная осенью 1968 года. «Передача» открывалась издевательским вступлением ведущего: «Здравствуйте, дорогие друзья. Наш микрофон установлен в политическом лагере номер семнадцать. Наша литературная передача из цикла “Поэзия народов СССР” посвящена творчеству латышского поэта Кнута Скуениекса»¹. Завершалась она еще более издевательски: «На этом мы заканчиваем нашу литературную передачу из лагеря, где начальником майор Анненков. Пишите нам по адресу: Мордовская АССР, станция Потьма, почтовое отделение “Озерный”, почтовый ящик

¹ Уже известный в то время в Латвии поэт Кнут Скуениекс (ныне признанный лидер современной латышской литературы) в 1968 году отбывал срок по политическому обвинению в соседней зоне Дубравлага.

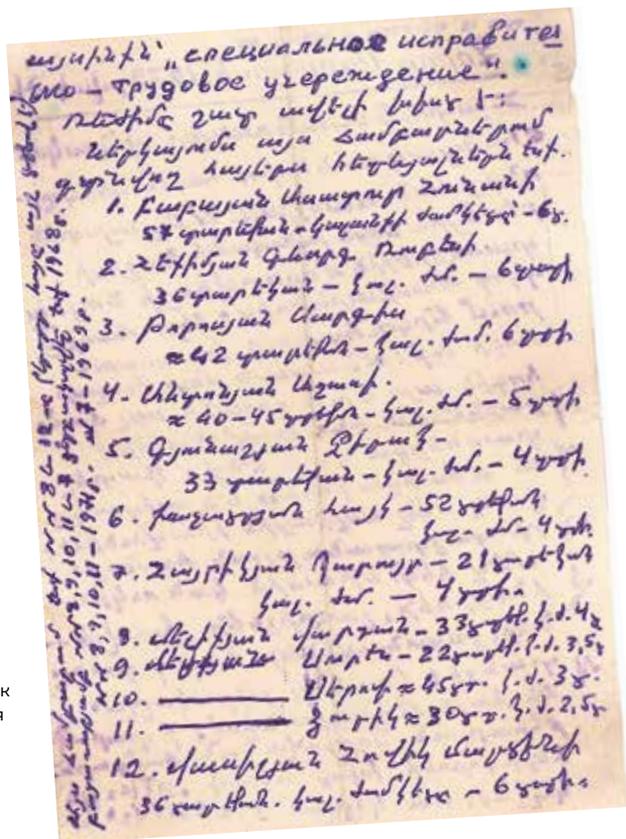
¹ Публичное воспроизведение этой записи см.: Человек, которого знали все. Вечер памяти Александра Гинзбурга. Мемориал, 23 ноября 2016 года: www.youtube.com/watch?v=glzB6R0-4d4 (хронометраж – 1:45:43–1:55:38).

ЖХ-385/17-а. Передача была организована по недосмотру администрации. Вел передачу Александр Гинзбург¹. Запись широкого распространения не получила, отчасти из-за низкого ее качества, отчасти же ей не дали ход получатели пленки – Арина Гинзбург и Александр Даниэль, убоявшиеся возможных последствий огласки «передачи» для ее участников.

Зато вторая запись, относящаяся к началу 1970 года, куда более серьезного содержания – заявления шести политических заключенных разных национальностей – ушла на Запад; фрагменты из нее включены в фильм о советских диссидентах, сделанный московским корреспондентом CBS Уильямом Коулом. Фильм был показан на этом канале, а его аудиозапись транслировалась по «Голосу Америки», что стоило Гинзбургу замены лагеря на Владимирскую тюрьму до конца срока.

Особое место среди «ксив» занимают «послания в никуда»: капсулы с текстами, которые либо не удалось передать на свободу и поэтому их спрятали в зоне до лучших времен, либо изначально они были захоронены там «для потомков». Некоторые из таких посланий добрались до адресата. В Мемориальном комплексе политических репрессий «Пермь-36», созданном на месте одной из зон Пермских политлагерей, при ремонте жилого барака обнаружили два тайника. В одном из них была спрятана «ксива», датированная августом 1972 года и представляющая собой план зоны с пояснительными надписями на латышском языке. Во втором тайнике хранился список политзаключенных-армян, написанный по-армянски.

Смысл этих посланий проясняется, если учесть, что первый этап политзаключенных из Дубравлага прибыл сюда, в Пермскую область, всего месяцем раньше – до этого никаких «политических» в Пермской области не было, все они содержались в Мордовии. Можно представить себе психологическое состояние «первопроходцев», внезапно выдернутых из привычных уже мордовских зон и привезенных за тридевять земель неизвестно куда и неизвестно с какой целью. От советской власти они ждали чего угодно, во всяком случае, ничего хорошего. В этих условиях люди обязательно пытаются как-то зафиксировать происходящее – если не дать знать друзьям по ту сторону колючей проволоки, то хотя бы сохранить для будущего документальное свидетельство о себе и своем местоположении. Оба послания за-

Тайно составленный список заключенных армянского лагеря ВС-389/36 (пос. Кучино Чусовского района Пермской обл.) 1972

няли свое место среди экспонатов музея ровно через 30 лет после того как они были написаны.

Это была не первая находка такого рода на территории бывшего лагеря № 36. Первая случилась в 1992 году, когда Музей только начинался. Точнее, речь идет даже не о находке, а о возвращении документа к автору: «ксиву» изъял из тайника ее автор ленинградец Р. Б. Евдокимов, бывший политзаключенный, который сам ее написал и спрятал весной 1986 года. Документ содержит хронику событий в лагере за 1985 год (информацию о голодовках, наказаниях, взаимоотношениях политзаключенных с администрацией лагеря и пр.) и предназначался для использования правозащитными изданиями и организациями.

Евдокимов, лишенный свидания, считал за благо спрятать документ до лучших времен, а вскоре, меньше чем через год, началось горбачевское освобождение политических заключенных.

... (1882),
 ... (1883)
 ... (1884)
 ... (1885)
 ... (1886)
 ... (1887)
 ... (1888)
 ... (1889)
 ... (1890)
 ... (1891)
 ... (1892)
 ... (1893)
 ... (1894)
 ... (1895)
 ... (1896)
 ... (1897)
 ... (1898)
 ... (1899)
 ... (1900)
 ... (1901)
 ... (1902)
 ... (1903)
 ... (1904)
 ... (1905)
 ... (1906)
 ... (1907)
 ... (1908)
 ... (1909)
 ... (1910)
 ... (1911)
 ... (1912)
 ... (1913)
 ... (1914)
 ... (1915)
 ... (1916)
 ... (1917)
 ... (1918)
 ... (1919)
 ... (1920)
 ... (1921)
 ... (1922)
 ... (1923)
 ... (1924)
 ... (1925)
 ... (1926)
 ... (1927)
 ... (1928)
 ... (1929)
 ... (1930)
 ... (1931)
 ... (1932)
 ... (1933)
 ... (1934)
 ... (1935)
 ... (1936)
 ... (1937)
 ... (1938)
 ... (1939)
 ... (1940)
 ... (1941)
 ... (1942)
 ... (1943)
 ... (1944)
 ... (1945)
 ... (1946)
 ... (1947)
 ... (1948)
 ... (1949)
 ... (1950)
 ... (1951)
 ... (1952)
 ... (1953)
 ... (1954)
 ... (1955)
 ... (1956)
 ... (1957)
 ... (1958)
 ... (1959)
 ... (1960)
 ... (1961)
 ... (1962)
 ... (1963)
 ... (1964)
 ... (1965)
 ... (1966)
 ... (1967)
 ... (1968)
 ... (1969)
 ... (1970)
 ... (1971)
 ... (1972)
 ... (1973)
 ... (1974)
 ... (1975)
 ... (1976)
 ... (1977)
 ... (1978)
 ... (1979)
 ... (1980)
 ... (1981)
 ... (1982)
 ... (1983)
 ... (1984)
 ... (1985)
 ... (1986)
 ... (1987)
 ... (1988)
 ... (1989)
 ... (1990)
 ... (1991)
 ... (1992)
 ... (1993)
 ... (1994)
 ... (1995)
 ... (1996)
 ... (1997)
 ... (1998)
 ... (1999)
 ... (2000)

«Хроника» лагеря ВС-389/36 (пос. Кучино Чусовского р-на Пермской обл.) за 1985 год. Составлена и записана Р. Б. Евдокимовым

Приехав в Пермскую область на встречу бывших политзаключенных, организованную музеем вместе с пермским и петербургским «Мемориалами», Евдокимов попытался разыскать свою «зачапку» в развалинах лагеря – и ему это удалось. В настоящее время документ хранится в музейном фонде петербургского НИЦ «Мемориал».

Как велась переписка политзаключенных, помещенных в специальные психиатрические больницы?

Особая страница в нашей теме – переписка диссидентов, подвергшихся принудительному лечению в психиатрических больницах.

Специальные психиатрические больницы (СПБ) МВД существовали с 1 апреля 1939 года. Тогда по приказу наркома внутренних дел Л. П. Берии в Казани была создана первая такая больница, в которую помещали, главным образом, заключенных, заболевших психически во время отбытия срока в местах лишения свободы. В сталинские времена оказаться в такой больнице считалось большой удачей, спасением от лагеря. Но в 1960–1980-е годы получила распространение практика «карательной психиатрии», когда психически больными признавались здоровые или, по крайней мере, не представлявшие общественной опасности по своему заболеванию люди, обвиненные в совершении политических преступлений. В случае признания их невменяемыми суд выносил решение об «освобождении их от наказания» и направлении на принудительное лечение – либо в обычную психбольницу (такое тоже иногда случалось, даже с «политическими»), либо в одну из СПБ с тюремным режимом, подчинявшихся не Минздраву, а МВД. В новые времена КГБ удобнее и выгоднее было плодить «сумасшедших», чем политзаключенных. В диссидентском сообществе эта участь считалась самой страшной, намного более тяжелой, чем лагерь или тюрьма, – из-за порядков, царивших в СПБ, из-за совместного содержания в них политических и уголовников, вполне адекватных и действительно психически тяжело больных людей, из-за мучительного принудительного «лечения» сильными психотропными средствами; наконец, из-за неопределенности срока заключения – пока медкомиссия не решит, что пациент «выздоровел». Для политических «выздоровление», как правило, предполагало готовность расценить свои убежде-

ния как результат психического заболевания, и надо сказать, что диссиденты, довольно болезненно относившиеся к публичным «расказням» своих товарищей, никогда не упрекали за них узников СПБ. К концу 1960-х годов в СССР насчитывалось семь СПБ; к середине 1980-х их было уже около полутора десятков. Наиболее известные из них – Казанская, Ленинградская, Днепропетровская, Орловская, Черняховская (Калининградская обл.) и Сычевская (Орловская обл.).

Что касается переписки узников СПБ, то в нормативных документах МВД, определявших режим этих учреждений, говорилось, что свидания, передачи и переписка с родственниками разрешаются больным без каких-либо ограничений, но тут же вносилась важная оговорка: «если их психическое состояние, по заключению врачей, не служит противопоказанием к этому»¹.

На деле большинство СПБ по условиям переписки совпадали с лагерями строгого режима: «пациентам» разрешалось отправлять письма ограниченного формата два раза в месяц² и только родным; правда, как и в лагере, получать письма можно было без ограничения их количества и от кого угодно. Вся корреспонденция подвергалась цензуре и в случае надобности подшивалась к истории болезни. Однако в СПБ, в отличие от лагерей, в качестве наказания отправку корреспонденции могли и вовсе запретить³.

Владимир Борисов, узник Ленинградской СПБ в 1965–1968 и, повторно, в 1969–1973 годах, отмечает: «Мне разрешили пользоваться авторучкой и бумагой, но я обязан сдавать каждую строчку на хранение лечащему врачу (в моих собственных интересах, разумеется), дабы ни одна из них не покинула больницу без проверки»⁴.

Сохранившиеся письма политических заключенных из спецпсихбольниц представляют собой замечательные человеческие документы, требующие внимательного прочтения и изучения. Таковы письма к матери из Казанской СПБ Натальи Горбаневской, поэта, филолога, диссидента, основателя и первого составителя «Хроники текущих событий»⁵. Такова переписка «на общие темы» самого, вероятно, знаменитого узника советских психиатрических больниц Петра Григорьевича Григоренко, с 1970 по 1973 год содержавшегося в Черняховской СПБ, со своими московскими знакомыми М. А. Улановской и И. Е. Рейфом⁶.

¹ Письмо № 22с МВД СССР от 16 февраля 1973 года.

² Согласно воспоминаниям В. К. Буковского, в начале 1960-х в Ленинградской СПБ разрешалось отправлять лишь одно письмо в месяц. См.: Казнимые сумасшествием. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 369.

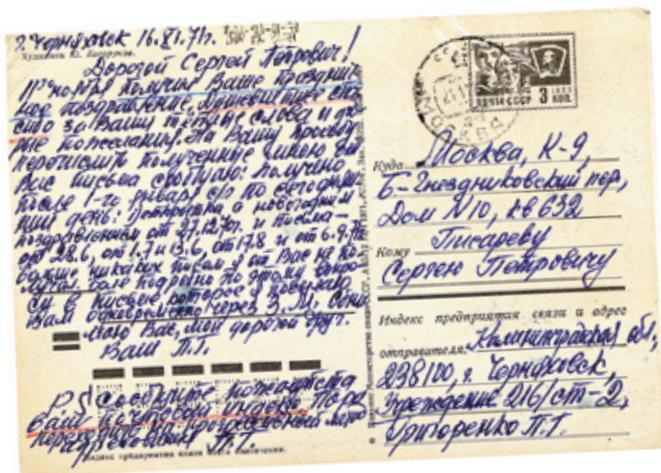
³ Подрабинек А. Карательная медицина. Нью-Йорк: Хроника, 1979. С. 87.

⁴ Блох С., Реддауэй П. Диагноз: инакомыслие. Как советские психиатры лечат от политического инакомыслия / Пер. с англ. и предисл. В. Буковского. Лондон: ОР, 1981. С. 197.

⁵ Горбаневская Н. Е. Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. М.: Новое издательство, 2017. С. 384–397.

⁶ Часть переписки опубликована: Каждый выбирает для себя... Сост. А. Григоренко, И. Рейф. М.: РОССПЭН, 2014. С. 197–210. Также частично опубликована переписка Григоренко с М. Улановской («Новый журнал», № 180).

Открытка П. Г. Григоренко
С. П. Писареву из
Черняховской СПБ. 1971

«Дорогой Сергей Петрович! 11-го ноября получил Ваше праздничное поздравление. Душевнейшее спасибо за Ваши теплые слова и добрые пожелания. На Вашу просьбу перечислить полученные мною от Вас письма сообщаю: получено после 1-го января с/з по сегодняшний день: 1) открытка с новогодним поздравлением от 27.12.70 г. и письма – от 28.6, от 1.7 и 13.6 [может быть ошибка и правильно – 13.7], от 17.8 и от 6.9.71 г. Большие никаких писем я от Вас не получал. Бол[е] подробно по этому вопросу в письме, которое я посылаю Вам одновременно через З. М. [жена Григоренко – Зинаида Михайловна]. Обнимаю Вас, мой дорогой друг. Ваш П. Г.
P. S. Сообщите, пожалуйста, Ваш почтовый индекс. Пора переходить на прогрессивный метод адресования. П. Г.»

***

Источниками для данного раздела послужили, главным образом, мемуары бывших политических заключенных, сообщения «Хроники текущих событий» и архивные коллекции «Мемориала», связанные с деятельностью Фонда помощи политзаключенным и других диссидентских организаций. Важной частью источниковой базы для авторов послужили также, помимо уже упомянутых в примечаниях, несколько сборников¹, изданных в последние десятилетия, куда входят письма заключенных политлагерей, тюрем и спецпсихбольниц.

Небольшое, но важное замечание, касающееся эпистолярных сборников и опубликованных фрагментов переписки: в большинстве случаев в них отсутствует «вторая сторона медали» – письма

¹ Сергей Желудков – Кронид Любарский. Христианство и атеизм. Брюссель: Жизнь с Богом, 1982; А. Д. Синявский. 127 писем о любви. В 3 т. М.: Аграф, 2004; Хроника казни Юрия Галанскова в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах / Сост. Г. Г. Кагановский. М.: Аграф, 2006; Илья Габай: письма из заключения (1970–1972) / Сост. М. Харитонов. М.: НЛО, 2015.

к заключенным с воли. Объяснение простое: заключенному трудно было сохранить полученные письма, особенно если их накопилось достаточно много. Вещи заключенных регулярно подвергались обыскам, их личные бумаги забирали «на проверку», после которой далеко не всегда возвращали. Это относилось и к письмам.

Да и сама процедура просмотра личных бумаг в ходе лагерных обысков выглядела настолько отвратительно, что многие зэки предпочитали уничтожить драгоценные для них весточки от родных и друзей, чем подвергать их многократным унижительным «проверкам».

Если же заключенный все-таки проносил полученные им письма через бесконечные «шмоны» и «проверки» до конца срока, то далеко не факт, что он мог потом вывезти их на волю. У Ю. Ф. Орлова во время этапа из лагеря в ссылку просто вытряхнули на пол чемодан и забрали охапку писем¹.

Вот почему эпистолярные сборники, составленные из переписки заключенных, как правило, односторонни и лишь в редких случаях содержат письма, полученные с воли. Исключения представляют собой те случаи, когда корреспонденты заключенных были достаточно педантичны, чтобы, переписываясь с лагерем, сохранять черновики или снимать с отправляемых писем копии. Но в эпоху, когда в личном пользовании советских граждан отсутствовала копировальная техника, на это хватало немногих.

***

Известный диссидент, математик, поэт и философ А. С. Есенин-Вольпин в 1970 году написал открытое обращение в связи с лишением П. Г. Григоренко авторучки в Черняховской специальной психиатрической больнице. Текст о, казалось бы, бытовых проблемах П. Г. Григоренко, у которого отняли ручку и, тем самым, возможность писать друзьям и родственникам, он озаглавил: «Вечную ручку Петру Григорьевичу!» Употребляя уже слегка устаревшее к началу 1970-х годов словосочетание «вечная ручка», подкрепленное лозунговой интонацией заголовка, Есенин-Вольпин, сознательно или бессознательно, противопоставил подавлению личности в психиатрической тюрьме непреходящую ценность человеческих связей, воплощенных в переписке, силу человеческого духа, не сломленного насилием. В более широком смысле сказанное верно в отношении любых писем политических заключенных советской эпохи.

¹ Орлов Ю. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М.: Захаров, 2008. С. 256.

Биографические справки

А

Августов Василий Иванович, заключенный Каргопольлага в 1939. 149

Акташев Г. С., советник юстиции, прокурор по надзору за соблюдением законности в ИТУ Нижнекамской районной прокуратуры Татарской АССР. 186

Акулов Иван Алексеевич (1888–1937), прокурор СССР (1933–1935). 93, 140

Алексеева Людмила Михайловна (р. 1927), историк, редактор издательства «Наука», с 1966 – участник правозащитного движения; переписывалась с политзаключенными. 175

Алтуния Генрих Ованесович (1933–2005), военный инженер. Активист правозащитного движения. Арестован в Харькове в 1969, приговорен к 3 годам ИТЛ, отбывал срок в уголовном лагере в Красноярском крае; вновь арестован в 1980, приговорен к 7 годам ИТЛ и 5 годам ссылки, отбывал срок заключения в Пермских лагерях и Чистопольской тюрьме. Освобожден в 1987. 179

Амосов И. В., заключенный в УИТЛК МВД Татарской АССР в 1952. 91

Андреев Иван Васильевич (1918–?), лесник, свидетель Катинского расстрела, заключенный Владимирской тюрьмы (1949–1956). 191

Анненков, майор внутренней службы, начальник лагпункта № 17а Дубравлага. 197

Антонюк Зиновий Павлович (р. 1933), инженер-экономист. Арестован в Киеве в 1972 за распространение украинского самиздата. Приговорен к 7 годам ИТЛ и 3 годам ссылки, срок заключения отбывал в пермском лагере и Владимирской тюрьме,

ссылку в Иркутской области. 183

Арнольдов Юрий Васильевич (1911–1942), студент Института железнодорожного транспорта.

Арестован в Новочеркасске в 1938, обвинен в сокрытии национальности в целях шпионажа. Приговорен к 10 годам ИТЛ, отбывал срок в Соликамбумлаге. Умер в лагере. 51

Аронова Нина Александровна, автор воспоминаний об отце, Берестове А. П., «Память – горечь и радость, грусть и горесть». 97

Арцыбушев Алексей Петрович (1919–2017), художник. Арестован в Москве в 1946. Обвинен в участии в антисоветском церковном подполье, ставящем целью восстановление монархии. Приговорен ОСО при МГБ СССР к 6 годам ИТЛ, которые отбывал в лагерях Коми АССР. По окончании срока в 1952 приговорен к бессрочной ссылке в Инту. Освобожден в 1954. 58, 111

Ахмадеев Минневазых Нургалеевич (р. 1941), майор внутренней службы, начальник Чистопольской тюрьмы (1983–1994). 186, 187

Б

Барина-Шилова Анна Филипповна (1910–1991), арестована в Хабаровске в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Дмитрий Федотович Шилов, начальник 3 отдела УГБ УНКВД, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ, которые отбывала в АЛЖИРе. Освобождена в 1946.

Автор воспоминаний «Девять лет». 87
Барит Эмма Юлиановна (1902–?), врач-терапевт. Арестована в Москве в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Левин Михаил Маркович, инженер

путей сообщения автомагистрали Минск–Москва, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Срок отбывала в Темлаге. Освобождена в 1944. 80, 150

Бацер Давид Миронович (1905–1987), заключенный Ивдельлага, автор заметки в сборнике «Память». 169

Бейка Давид Самуэлевич (1885–1946), писатель. Арестован в Москве в 1938, приговорен к 20 годам ИТЛ, срок отбывал в Устьвымлаге. Умер в лагере. 125

Беликов Виталий Анатольевич (р. 1924), студент Московского института инженеров транспорта. Арестован в Москве в 1949, обвинен в антисоветской пропаганде и агитации. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Вятлаге. Освобожден в 1956. 30

Берестов Александр Петрович (1897–?), зоотехник, военнослужащий. Арестован в Чите в 1933, приговорен к 10 годам лишения свободы, отбывал срок в Бамлаге, освобожден в 1943. Вторично арестован в Комсомольске-на-Амуре в 1949, обвинен в подготовке вооруженного восстания и оказании помощи международной буржуазии. Приговорен ОСО при МГБ СССР к бессрочной высылке. 97

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), нарком внутренних дел СССР (1938–1945). 13, 14, 15, 80, 82, 88, 197, 201

Бернштейн Лев Борисович (1911–1996), инженер-гидротехник, участник Великой Отечественной войны, капитан 1-го ранга. Арестован в Москве в 1947, обвинен

в измене родине, совершенной военнослужащим, приговорен ОСО при НКВД СССР к 25 годам ИТЛ, срок отбывал в Горлаге. Освобожден в 1956. 41

Берсенева Вера Федоровна (1897–1950), заведующая библиографическим отделом научно-технической библиотеки Магнитогорского металлургического комбината. Арестована в 1942, обвинена в антисоветской пропаганде. Приговорена к 10 годам ИТЛ. Срок отбывала в Тайшетлаге и Сиблаге. Умерла в лагере. Муж и корреспондент – Краузе Ф. О. 62, 63, 66, 69, 121, 125, 131, 132, 154, 156

Биншток Мирон Григорьевич (1897–1974), начальник управления Свиносовхозов Юга, арестован в Москве в 1938. Обвинен в намерении террористических актов и контрреволюционной организационной деятельности, приговорен ВКВС СССР к 15 годам ИТЛ. Срок отбывал в Норильлаге и Сиблаге. Освобожден в 1953. 134

Боголепов Сергей Григорьевич (1894–1943), старший инспектор ОТК Горьковского автозавода. Арестован в 1937. Обвинен во вредительстве, приговорен к 8 годам ИТЛ. Срок отбывал в Севдвинлаге и Котласе. Умер в лагере. 68

Борисов Владимир Евгеньевич (1943–2011), рабочий. Дважды (в 1964–1967 и 1969–1974) подвергался арестам по политическим обвинениям и принудительному лечению в Ленинградской СПБ. 202

Борщевский Анатолий Михайлович (1893–1943), консультант Высшего

Совета коммунального хозяйства. Арестован в Москве в 1938, приговорен к 8 годам ИТЛ. Умер в лагере. 35

Бромберг Вениамин Файвелевич (1904–1942), социалист-сионист. Арестован в Киеве в 1926, приговорен ОСО Коллегии ОГПУ к 3 годам лишения свободы, которые отбывал в Ярославском и Суздальском политизоляторах. По окончании срока обвинен в антисоветской пропаганде и агитации, приговорен к высылке на 6 лет в Туркмению. Повторно арестован в Калининне (совр. Тверь) в 1938, обвинен в шпионаже и подготовке террористических актов. ВТ Калининского ВО приговорен к расстрелу, замененному на 20 лет лагерей. Срок отбывал в Севвостлаге, где по заочному приговору ВТ был расстрелян. 44, 49, 61, 65, 113, 154

Бруни Николай Александрович (1891–1937), живописец, музыкант, литератор, священник, авиаинженер, профессор Московского авиационного института. Арестован в Москве в 1934, обвинен в шпионаже в пользу Франции и приговорен к 5 годам ИТЛ. Срок отбывал в Ухтпечлаге, где в 1937 обвинен в контрреволюционной агитации; по заочному приговору тройки УНКВД по Архангельской области расстрелян. 135

Будённый Давид Александрович (1930–2010), член нелегальной молодежной организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ). Арестован в Воронеже в 1950, обвинен в антисоветской агитации. Приговорен ОСО при МГБ СССР

к 5 годам ИТЛ, которые отбывал в Степлаге. Освобожден в 1953. 27, 28, 43

Буковский Владимир Константинович (р. 1942). Трижды подвергался арестам по политическим обвинениям; в 1963 признан невменяемым. До 1965 содержался в Ленинградской СЛБ, в 1967–1970 в уголовном лагере в Воронежской области, в 1971 приговорен к 7 годам ИТЛ и 5 годам ссылки, которые отбывал во Владимирской тюрьме и Пермских лагерях. В 1976 выслан из СССР в обмен на освобождение лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана. 188, 202

В

Вайль Борис Борисович (1939–2010), студент Ленинградского библиотечного института. Участник подпольного кружка Пименова Р. И. Арестован в Ленинграде в 1957. Приговорен к 6 годам ИТЛ, которые отбывал в Озерлаге. В 1959 за участие в лагерной подпольной группе приговорен к 7 годам ИТЛ; в 1961 переведен в Дубравлаг. Освобожден в 1965. 169, 192

Вангенгейм Алексей Феодосьевич (1881–1937), метеоролог, организатор и первый руководитель Бюро погоды СССР. Арестован в Москве в 1934, обвинен в контрреволюционной деятельности и шпионаже. Коллегией ОГПУ приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал на Соловках, где в 1937 был обвинен в принадлежности к буржуазно-националистической организации «Всеукраинский центральный блок»; тройкой УНКВД по Ленинградской области заочно приговорен к ВМН.

Расстрелян в урочище Сандормох. 12, 52, 61, 93, 139, 140

Варпаховский Леонид Викторович (1908–1976), театральный режиссер. Арестован в Москве в 1936, обвинен в контрреволюционной агитации. ОСО при НКВД СССР приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. Вторично арестован в Алма-Ате в 1937, обвинен в антисоветской агитации. Тройкой УНКВД по Алма-Атинской области приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Севвостлаге. Его жена, Варпаховская Ида Самуиловна, автор мемуаров «Из воспоминаний колымской Травиаты». 37

Великанова Татьяна Михайловна (1932–2002), математик. Организатор выпуска правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». Арестована в Москве в 1979. Приговорена к 4 годам ИТЛ и 5 годам ссылки, срок заключения отбывала в Дубравлаге, ссылку в Казахстане. Освобождена в 1987. 185

Вербловская Ирина Савельевна (р. 1932), студентка. Участница подпольного кружка Р. И. Пименова. Арестована в Ленинграде в 1957. Приговорена к 5 годам ИТЛ, которые отбывала в Сиблаге, Озерлаге и Дубравлаге. Освобождена в 1962. 168, 169

Виноградов Вадим Сергеевич (1924–2003), школьник. Арестован в Москве в 1941, обвинен в антисоветской агитации. Приговорен ВТ к 10 годам ИТЛ, которые отбывал в Устьвымлаге. Освобожден в 1949. 58

Витенз Федор Исаакович (1902–?), инженер-металлург. Арестован

в Таганроге в 1937. Приговорен ВКВС СССР к 12 годам ИТЛ, которые отбывал на Соловках и в Норильлаге. В 1948 по окончании срока заочно приговорен к вечному поселению в Норильске. Автор воспоминаний «Записки на память». 24, 70

Войтыга Александра Станиславовна (1897–1981), арестована в Астрахани в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Войтыга Ян Янович, начальник отделения в ГУШОСДОР НКВД СССР, расстрелян в 1937). Приговорена к 8 годам ИТЛ, которые отбывала в Темлаге. В 1946 уехала в Польшу. Автор «Воспоминаний». 145

Воробьев Михаил Николаевич (1906–2004), инженер военно-строительного отдела МВО. Арестован в 1937, обвинен во вредительстве и подготовке террористических актов. Приговорен ВКВС СССР к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Соловецкой тюрьме и лагерях Карелии. Освобожден в 1941. Жена – Воробьева В. А. 53, 104

Воробьева Валентина Александровна (1906–1986), домохозяйка, арестована в 1937, обвинена как ЧСИР (муж – Воробьев М. Н.) и приговорена к 5 годам ИТЛ. Отбывала срок в Темлаге. Освобождена в 1940. 66

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), нарком обороны СССР с 1934 по 1940. Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1953–1960). 17, 92, 95, 96

Г

Гаель Александр Гаврилович (1900–1990), песковед и мелиоратор, научный сотрудник Бюро освоения

пустынь. Арестован в прифронтовой полосе Ленинграда в августе 1941, обвинен в антисоветской агитации. Приговорен к 5 годам ИТЛ. Работал в лагере при военном заводе в Томске. Освобожден в 1946. 36

Гайгалас Казимир Казимирович (1880–1943), арестован в Литве в 1941. Обвинен по статье СОЭ. Приговорен к 5 годам ИТЛ, срок отбывал в Краслаге. Умер в заключении. 121, 122

Гайстер Инна Ароновна (1925–2009), студентка, арестована в 1949, обвинена как СОЭ; приговорена ОСО при МГБ СССР к 5 годам ссылки в Кокчетавскую область. Автор воспоминаний «Семейная хроника времен культа личности. 1925–1953». (Отец, Гайстер А. И., экономист-аграрник, зам. наркома земледелия СССР, академик ВАСХНИЛ, арестован и расстрелян в 1937. Мать, Каплан Р. И., арестована в 1937, обвинена как ЧСИР, приговорена к 8 годам ИТЛ, срок отбывала в АЛЖИРе; освобождена в 1945.) 25, 26, 43, 120, 125, 126, 150

Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972), поэт. Составитель машинописного литературно-публицистического альманаха «Феникс». Арестован в Москве в 1967. Приговорен к 7 годам лагерей. Срок отбывал в Дубравлаге. Умер в лагере. 173, 203

Гебель Ананий Семенович (1890–1971), арестован в Киеве в 1937, приговорен к 15 годам лишения свободы, которые отбывал в Сиблаге и Озерлаге. Автор воспоминаний «Краткие эпизоды тернистого пути». 31, 36, 87, 146

Геккер Елизавета Павловна (1888–1962), преподаватель английского языка. Арестована в 1938, обвинена как ЧСИР (муж, Геккер Юлий Федорович, научный сотрудник института философии, расстрелян в 1938). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Отбывала срок в лагерях Коми. Ее дочь, Геккер Марселла Юльевна, автор воспоминаний «Жизнеописание Елизаветы Павловны Геккер». 145

Гиваргизова Мария Авраамовна (в зам. Севортыян) (р. 1928), дочь старшего научного сотрудника ЦНИИ крахмалопаточной промышленности Гиваргизова А. П., расстрелянная в 1938. 11

Гинзбург Александр Ильич (1936–2002), журналист. Составитель машинописного поэтического альманаха «Синтаксис» (1959–1960), документального сборника «Белая книга по делу Синявского и Даниэля» (1966), первый распорядитель Общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям (1974–1977). Трижды находился в заключении по политическим мотивам (1960–1962, уголовный лагерь в Кировской области; 1967–1972, Дубравлаг, Владимирская тюрьма; 1977–1979, Дубравлаг. В 1979 лишен гражданства и выслан из СССР. 173, 178, 179, 189, 190, 197, 198

Гинзбург (Жолтовская) Ирина (Арина) Сергеевна (р. 1937), филолог. Жена А. И. Гинзбурга; в 1977–1979 – распорядитель Общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям. 178, 189, 198

Глазов Николай Александрович (1899–1989), врач-терапевт, арестован

в Ленинграде в 1936. Обвинен в контрреволюционной троцкистской деятельности. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал в лагерях Коми. Освобожден в 1946. В 1949 осужден к вечному поселению в районах Крайнего Севера. Автор воспоминаний «Этапы большого пути». 61, 96, 136

Глузман Семен Фишелевич (р. 1946), врач-психиатр. Автор заочной психиатрической экспертизы по делу Григоренко П. Г. Арестован в Киеве в 1972. Приговорен к 7 годам ИТЛ и 3 годам ссылки. Срок заключения отбывал в Пермских лагерях, ссылку в Тюменской области. Освобожден в 1982. 159, 184

Гогуа Калистрат Гигоевич (1875–1937), инженер-путеец. Арестован в Грузии в 1921, приговорен к 5 годам лишения свободы, отбывал в Суздальском политизоляторе. Повторно арестован в Москве в 1937, обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации. По приговору ВКВС СССР расстрелян. 48, 99, 105

Гольбек Валерий Ричардович, сын Гольбек Веры Федоровны (1896–?), старшего бухгалтера конторы станкоинструментов, арестованной в Москве в 1937; была приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. 82

Горбаневская Наталья Евгеньевна (1936–2013), поэт. Основатель и первый составитель правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». Арестована в Москве в 1969, признана невменяемой и на-

правлена на принудительное лечение в Казанскую СПБ. Освобождена в 1972. 202

Гордон Гавриил Осипович (1885–1942), историк, филолог, философ, профессор МГУ. Арестован в Москве в 1929, обвинен в шпионаже, приговорен коллегией ОГПУ к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал на Соловках, освобожден в 1933. Вторично арестован в 1936, обвинен в антисоветской агитации и Постановлением ОСО при НКВД СССР приговорен к 5 годам ИТЛ. Отбывал срок в Волголаге, умер в заключении. Гордон Георгий Гавриилович, автор воспоминаний об отце Гордоне Г. О. 143

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович, 1868–1936), писатель. 140

Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987), военный, до 1964 – генерал-майор Советской Армии. Дважды подвергался арестам по политическим обвинениям и принудительному лечению в Ленинградской (1964–1965) и Черняховской (1969–1974) СПБ. В 1993 посмертно восстановлен в звании, психиатрический диагноз официально снят. 202, 203, 204

Гришин Ф. И., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 111

Гросман Аркадий Григорьевич (1911–?), старший лейтенант ВВС, инструктор парашютного спорта. Арестован в Ленинграде в 1937, обвинен в участии в военно-террористической организации, приговорен ВКВС СССР к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Севвостлаге. Освобожден в 1947. В 1951 арестован вторично

и приговорен к ссылке. Автор воспоминаний «Пусть не повторится никогда: Повесть о пережитом». 31, 43

Гусев Павел Иванович (р. 1924), школьник. Арестован в Кустанайской области КазССР в 1941, обвинен в антисоветской агитации и шпионаже, приговорен областным судом к 7 годам лишения свободы. До совершеннолетия был в Петропавловской детской трудовой колонии, в 1942 переведен в Тагильский ИТЛ. Освобожден в 1948. Автор воспоминаний «Украденная юность». 54, 156

Д

Давыдов Георгий Валентинович (1941–2011), инженер-геолог. Арестован в Ленинграде в 1972 за распространение самиздата. Приговорен к 5 годам ИТЛ и 2 годам ссылки. Срок заключения отбывал в Пермских лагерях и Владимирской тюрьме, ссылку в Иркутской области. Освобожден в 1979. 184, 185

Даниэль Александр Юльевич (р. 1951), сын Даниэля Ю. М. 198

Даниэль Юлий Маркович (1925–1988), литератор. Автор нескольких произведений, опубликованных за рубежом под псевдонимом. Арестован в Москве в 1965. Приговорен к 5 годам ИТЛ, которые отбывал в Дубравлаге и Владимирской тюрьме. Освобожден в 1970. 170, 171, 172, 178, 179, 189, 190, 195, 197

Дасковский Абрам Абрамович (1893–1983), заведующий отделом Московского НИИ Гипромясо. Арестован в Москве в 1950, обвинен в участии в контрреволюционной сионистской организации, приговорен к 10 годам ИТЛ. Отбывал срок

в Озерлаге. Освобожден в 1956. Автор воспоминаний «То, что не должно забываться». 90

Дерибон Леонид Яковлевич (1889–1946), заведующий лабораторией треста Запсибзолото. Арестован в Петропавловске КазССР в 1943, обвинен в антисоветской пропаганде и агитации. Приговорен к 10 годам ИТЛ, срок отбывал в Карлаге. Умер в заключении. 51

Деягер Иван Исаакович (1896–1938), сотрудник журнально-газетного объединения. Арестован в 1935, приговорен к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал в Ухтпечлаге. По приговору тройки при УНКВД Архангельской области расстрелян. 140, 148

Джемилев Мустафа (р. 1943), один из лидеров крымско-татарского национального движения. Шесть раз был осужден по политическим мотивам; в 1966–1967, 1969–1972, 1974–1978 и 1983–1986 находился в заключении в различных уголовных лагерях, в 1979–1982 – в ссылке в Якутии. 177

Димитров Георгий (1882–1949), болгарский коммунист, Генеральный секретарь Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (1935–1943). 93, 94

Дистергофт Ионатан (Иоганн) Готлибович (1895–1938), финансовый работник. Арестован в Абакане в 1937, обвинен в контрреволюционной пропаганде. Приговорен тройкой УНКВД по Красноярскому краю к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Амурлаге и Белбалтлаге. Отбывая наказание, был арестован вторично, приговорен к ВМН и расстрелян. 54

Дмитриева Роза Григорьевна (1909–1984), геолог. Арестована в Москве в 1937, приговорена к 5 годам лишения свободы, срок отбывала в Сиблаге. Освобождена в 1942.

Автор «Воспоминаний». 70

Добрынин Георгий Прокопьевич (1907–1951), зам. начальника Главного управления ИТЛ НКВД СССР (1939–1943), начальник Управления ВОХР ГУЛАГ НКВД СССР (1939–1941), начальник Управления охраны и режима ГУЛАГ НКВД СССР (1941–1943). 53

Долженко, старший цензор лаготделения Озерлага, 1953. 101

Долинин Вячеслав Эммануилович (р. 1946), арестован в Ленинграде в 1982 за распространение самиздата, приговорен к 4 годам ИТЛ и 2 годам ссылки; срок заключения отбывал в Пермских лагерях.

Освобожден в 1987. 183

Домбровский Вячеслав

Ромуальдович (1895–1937), майор, начальник УНКВД Калининской области. 29

Дучиминская Ольга Васильевна (1883–1988), писатель, узница сталинских лагерей (1949–1958). Библиотекарь в женской зоне в Сиблаге. 169

Е

Евдокимов (Вогак) Ростислав Борисович (1950–2011), рабочий. Арестован в Ленинграде в 1982 за распространение самиздата. Приговорен к 5 годам ИТЛ и 3 годам ссылки. Срок отбывал в Пермских лагерях. Освобожден в 1987. 199, 200, 201

Евсеев Федор Алексеевич (1884–1941), преподаватель военного дела в фельдшерско-акушерской школе. Арестован в Перми в 1937. Обвинен в антисоветской агитации и пропаганде. Приговорен тройкой УНКВД по Свердловской области к 10 годам лишения свободы, отбывал срок в Бамлаге и Печорлаге. Умер в лагере. 53, 116, 120, 121, 122, 130

Ежов Николай Иванович (1895–1940) – нарком НКВД (1936–1938). 10, 49, 50, 52, 94

Енин В. Т., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 105

Есенин-Вольпин Александр Сергеевич (1924–2016), диссидент, математик, поэт, философ. 204

Ж

Желудков Сергей Алексеевич (о. Сергей Желудков, 1909–1984), священник, православный публицист, автор ряда самиздатских работ на религиозные темы, корреспондент Любарского К. А., Ковалёва С. А. и других политзаключенных. 174, 203

З

Завьялкин Виталий Федорович (?–2009), полковник внутренней службы, начальник Владимирской тюрьмы (1964–1976). 188, 189

Задорожнюк Николай Никитович (1900–1937), зам. начальника паровозного депо станции Вязьма. Арестован в 1937. Приговорен прокурором СССР к ВМН и расстрелян. 33, 34

Захарова Роза Григорьевна (1897–?), зубной врач. Арестована в Уфе в 1937, обвинена в подготовке террористических актов и контрреволюционной деятельности. Приговорена к 10 годам ИТЛ, которые

отбывала в Краслаге. Освобождена в 1947. Вторично арестована в 1948, приговорена к бессрочной ссылке в Карагандинскую область. Автор воспоминаний «Годы утрат и печалей». 32

Зелёный Александр Максимович (1904–?), инженер-транспортник, зам. начальника Главного управления вагонного хозяйства НКПС. Арестован в Москве в 1938, обвинен в наличии родственников за границей и украинском национализме. Приговорен ВКВС СССР к 15 годам лишения свободы, срок отбывал в Севвостлаге. Освобожден в 1952. Автор «Воспоминаний». 72, 78

Злобина Майя Лазаревна (1928–2012) – литературный критик, переводчик. В 1960–1980-е – корреспондент Даниэля Ю. М., Марченко А. Т. и ряда других политзаключенных. 186

И

Иванов Дмитрий Никитович (1878–1937), горный инженер. Арестован в г. Сталино (совр. Донецк) в 1937. По приговору ВКВС СССР расстрелян. 72

Иванов (Сиверс) Юрий Евгеньевич (р. 1932), художник. Арестован в 1955 в Ленинграде, приговорен к 10 годам лишения свободы; во время отбывания срока в Куйбышевской области получил новый приговор – 7 лет за «антисоветскую агитацию», переведен в Дубравлаг, где в 1963 вновь осужден на 10 лет, а затем – во Владимирскую тюрьму. Автор очерка о Владимирской тюрьме («Город Владимир»), нелегально переданного на волю и опубликован-

ного за рубежом. В 1971 освобожден досрочно. 197

Иванова Светлана Александровна (1917–2010), корреспондент и невеста Мищенко Л. Г. 111, 112, 121, 147

Изумрудова Виктория Антоновна (1906–1987), корректор. Арестована в г. Чкалове (совр. Оренбург), обвинена как ЧСИР (муж, Изумрудов Константин Александрович, журналист газеты «Оренбургский коммунист», расстрелян в 1937). Приговорена в 1937 к 8 годам ИТЛ. Срок отбывала в Темлаге и Карлаге. Освобождена в 1945. Автор «Воспоминаний о годах заключения и ссылки в 1937–1954 г.». 137

Ильина Мария Марковна (1896–1964), директор управления тонкосуконного комбината. Арестована в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Ильин Илья Львович, секретарь Киевского обкома ВКП(б), расстрелян в 1937). Приговорена к 8 годам лишения свободы, срок отбывала в Сегежлаге и Темлаге. Освобождена в 1946. 84, 85

Истомин Юрий Георгиевич (1905–1937), инженер-конструктор. Арестован в Ленинграде в 1935, приговорен к высылке в Казахстан. Повторно г. Степняк, Северо-Казахстанской области КазССР в 1937, обвинен в измене родине, вредительстве и контрреволюционной организационной деятельности. Приговорен тройкой УНКВД к расстрелу. 16

Ицын Александр Александрович (1894–1964), горный инженер-металлург. Арестован в Москве в 1945, обвинен в антисоветской агитации.

Приговорен к 10 годам ИТЛ, которые отбывал в лагерях Карелии и Ярославской области. Освобожден в 1954. 157

К

Каган Анна Эммануиловна (1904–1981), экономист. Арестована в Москве в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Патрунов Георгий Михайлович, начальник планового отдела Наркомтяжпрома СССР, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ, которые отбывала в АЛЖИРе. Освобождена в 1944. 108

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), член Политбюро (Президиума) ЦК (1930–1957). 93

Каганович Мария Марковна (1894–1961), председатель ЦК текстильной промышленности, жена Кагановича Л. М. 85

Кадик Эдуард Яковлевич (1889–1942), зам. управделами Наркомфина. Арестован в Москве в 1939. Обвинен в активном участии в правотроцкистской организации. Осужден ВКВС СССР в 1941 к 15 годам ИТЛ, умер в заключении. 80

Калинин Михаил Иванович (1875–1946), Председатель ЦИК СССР (1922–1938), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1938–1946). 13, 81, 93, 94, 95, 96, 97

Калниньш Викторс (1938–2001), филолог, журналист, участник латвийского подпольного кружка «Балтийская федерация». Арестован в Риге в 1962, приговорен к 10 годам ИТК, срок отбывал в Дубравлаге. 197

Кантовский Владимир Кристапович (1923–2015), выпускник школы.

Арестован 30 июня 1941, обвинен в антисоветской агитации, приговорен ОСО при НКВД СССР к 10 годам ИТЛ, отбывал в Омском лагере при строительстве авиазавода. В 1942 срок заменен на 5 лет с отправкой на фронт в штрафной полк. Был тяжело ранен. В 1945 вторично арестован, приговорен к 6 годам ИТЛ, отбывал в Ягринлаге и Абези. После окончания срока отправлен в бессрочную ссылку в Воркуту. Освобожден в 1956. 31

Каплер Алексей Яковлевич (1903–1979), кинодраматург, военный корреспондент. Арестован в Москве в 1943, обвинен в антисоветской агитации, приговорен к 5 годам лишения свободы, срок отбывал в Воркуте. Повторно арестован в 1948, отправлен в Инту, Минлаг. Освобожден в 1954. 127

Караванский Святослав Иосифович (1920–2016), филолог. Арестован в Одессе в 1944. Приговорен к 25 годам ИТЛ. Срок отбывал в Коми, Магадане, Озерлаге и Дубравлаге. Освобожден в 1960 по амнистии 1955. В 1965 был возвращен отбывать остаток срока, т. к. применение амнистии было оспорено Генпрокурором СССР. В 1970, находясь во Владимирской тюрьме, приговорен дополнительно к 8 годам лишения свободы за нелегальную передачу на волю своих очерков и заявлений. Освобожден в 1979. 191, 192

Карелиц Саул Борисович (1894–1938), химик-лаборант. Был арестован несколько раз. В 1922 как социал-демократ приговорен к 3 годам заключения в Соловецком

концлагере. В Кирове в 1933 арестован, обвинен в антисоветской пропаганде и осужден ОСО Коллегии ОГПУ к 2 годам лишения свободы. Арестован в Ташкенте в 1937, обвинен в контрреволюционной пропаганде и агитации. Приговорен к ИТЛ, срок отбывал в Севвостлаге. Умер в лагере. 124

Карюхин А. В., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 110

Клюев И. Ф., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 111

Клячко Александр Хаимович (1901–1985), начальник политотдела мясосовхоза. Арестован в Джаныбекском районе Западно-Казахстанской области в 1938, обвинен в подготовке вооруженного восстания. Областным судом приговорен к 20 годам ИТЛ. Освобожден в 1939. 121, 122

Кобулов Богдан Захарович (1904–1953), первый зам. министра внутренних дел СССР. 14

Коваленко М. И., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 110

Коваленков П. Я., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 104

Ковалёв Аким Андреевич (1875–1938), конторский служащий хлопкобумажного треста. Арестован в Орехово-Зуеве, Московская область, приговорен к лишению свободы. Срок отбывал в Бамлаге, умер в заключении. 71

Ковалёв Иван Сергеевич (р. 1954), инженер. Участник выпуска правозащитных информационных бюллетеней. Арестован в Москве в 1981. Приговорен к 5 годам ИТЛ и 5 годам ссылки. Срок заключения отбывал в пермских лагерях, ссылку

в Костромской области. Освобожден в 1987. 159, 177, 178, 184

Ковалёв Сергей Адамович (р. 1930), биофизик. В 1972–1974 – составитель правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». Арестован в Москве в 1974. Приговорен к 7 годам ИТЛ и 3 годам ссылки. Срок заключения отбывал в Пермских лагерях и Чистопольской тюрьме, ссылку в Магаданской области. Освобожден в 1984. 174, 190

Колесников Е. И., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 105

Колпикова Нина Владимировна, автор устных воспоминаний о матери, Колпиковой Лидии Владимировне (1898–1974), секретаре в канцелярии МГУ. Арестована в Москве в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Колпиков Владимир Иванович, старший инженер Главэнерго, расстрелян в 1937). ОСО при НКВД СССР приговорена к 8 годам ИТЛ, срок отбывала в АЛЖИРе. Освобождена в 1945. 156

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938), экономист, профессор сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, директор Конъюнктурного института при Наркомате финансов. Арестован в 1930 по делу о Трудовой крестьянской партии, обвинен в саботаже коллективизации. Приговорен к 8 годам заключения в Суздальском политизоляторе, где в 1938 был обвинен в продолжении контрреволюционной деятельности. ВКВС СССР приговорен к ВМН и расстрелян. 49, 50

Конокотова Заря Михайловна, автор устных воспоминаний о матери, Яндовской-Олещук Л. С. 37

Королёва-Воробьева Надежда

Исидоровна (1900–1966), домохозяйка. Арестована в г. Иваново в 1937. Обвинена как ЧСИР (муж, Королёв Василий Федорович, зам. председателя Ивановского облисполкома, расстрелян). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ, которые отбывала в АЛЖИРе. Освободилась в 1945. Королёва Надежда Васильевна, автор устных воспоминаний о матери, Королёвой-Воробьевой Н. И. 157

Корсунская Ирина Владимировна

(р. 1935), искусствовед, с 1967 участник правозащитного движения, корреспондент многих политзаключенных. 178, 179

Котолынов Павел Иванович

(1903–1937), командир Красной армии, арестован в Ленинграде в 1935, обвинен в троцкистской пропаганде, приговорен к 5 годам тюремного заключения, отбывал срок в Верхнеуральской тюрьме особого назначения. В 1937 обвинен в участии в контрреволюционной группе, приговорен ВКВС СССР к ВМН и расстрелян. 32

Коул, Уильям (1922–2006), московский корреспондент американского телевизионного канала CBS. 198

Красин Виктор Александрович

(1929–2017), экономист, в 1949–1954 – узник сталинских лагерей. Один из основателей Инициативной группы защиты прав человека в СССР (1969); арестован в 1972, приговорен Московским горсудом к 3 годам ИТЛ и 3 годам ссылки; срок заключения был снижен до фактически отбытого. Ссылку отбывал в Калининe (совр. Тверь). В 1974 освобожден. 165

Краснопевцев Лев Николаевич

(р. 1930), историк, организатор подпольного кружка на истфаке МГУ, арестован в 1957, приговорен к 10 годам ИТК, отбывал срок в Дубравлаге. Освобожден в 1967. 170

Краузе Елена Фридриховна (р. 1929), дочь и корреспондент В. Ф. Берсеновой и Ф. О. Краузе. 145

Краузе Фридрих Оскарович

(1887–1973), врач-педиатр. Арестован в Магнитогорске в 1942, обвинен в антисоветской пропаганде, приговорен Челябинским облсудом к ВМН, замененной 10 годами ИТЛ. Срок отбывал в Карлаге и лагере в Туркмении. Освободился в 1952. Жена и корреспондент – Берсенова В. Ф. 62, 63, 120, 121, 131, 132, 155

Кренкель Эрнст Теодорович

(1903–1971), советский полярник, профессиональный радист, депутат Верховного Совета. 97

Кузмин Михаил Алексеевич

(1872–1936), поэт. 195

Кузнецов Александр Семенович

(1899–1976), полковник, начальник 1 спецотдела НКВД. 13, 14

Кузнецов Г. Т., заключенный

Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 105

Кузнецов Эдуард Самуилович

(р. 1939), студент. В 1959–1961 – активист неформальных встреч литературной молодежи на площади Маяковского в Москве. Арестован в 1961. Приговорен к 7 годам ИТЛ, срок отбывал в Дубравлаге и Владимирской тюрьме. Вновь арестован в Ленинграде в 1970 за попытку угона самолета. Приговорен к ВМН, замененной 15 годами ИТЛ. Отбывал срок в Дубравлаге.

В 1979 лишен гражданства и выслан из СССР. 194, 197

Кургузова Варвара Ивановна (1896–1977), учительница, жена и корреспондент Вангенгейма А. Ф. 12

Кусков Сергей Константинович (1883–1940), заведующий терапевтическим отделением Красноярской городской больницы. Арестован в 1938. Обвинен в антисоветской агитации, осужден линейным судом Енисейского речного пароходства к 6 годам ИТЛ. Покончил с собой, отбывая срок в лагерях Красноярского края. 120, 122

Л

Ладур Михаил Филиппович (1903–1976), главный редактор журнала «Декоративное искусство СССР». 188

Лаищев Василий Иванович (1902–1991), геодезист-топограф. Арестован в Молотове (совр. Пермь) в 1945, обвинен в антисоветской агитации и пропаганде, приговорен Молотовским областным судом к 10 годам лишения свободы. Срок отбывал в лагерях Коми АССР. Освобожден в 1955. 23, 24

Лаищев Виктор Васильевич, сын Лаищева В. И. 23

Ландау Густав Иванович (1888–1937), инженер-путеец. Арестован в Ленинграде, выслан в Башкирию. Повторно арестован в Вязьме в 1937, обвинен в шпионаже и вредительстве, приговорен Комиссией НКВД и прокурора СССР к ВМН и расстрелян. 135

Ландау Симона Густавовна, автор воспоминаний об отце Ландау Г. И. «Мост в тумане. Семейная хроника XX века». 135

Латкин-Турков Владимир

Дмитриевич (1924–1989), студент Тимирязевской академии. Арестован в Москве в 1951, обвинен в терроризме и антисоветской агитации. Приговорен к 25 годам лишения свободы. Срок отбывал в Минлаге. Освобожден в 1956. 158

Лебединская Алла Александровна (1908–?), журналист, поэт, заключенная Ивдельлага (1937–1946), корреспондент Пастернака Б. Л. 169

Левина-Розенгольц Ева Павловна (1898–1975), художник. Арестована в Витебске в 1949, обвинена как СОЭ. Приговорена ОСО при МГБ СССР к 10 годам ссылки в Красноярский край и Казахстан. Освобождена в 1955. 67

Левитский Владимир Владимирович (1873–1937), офицер-воспитатель в Кадетском корпусе, подполковник. После революции – статистик в объединении Союзмясо. Арестован в Курске в 1931, обвинен в контрреволюционной деятельности и осужден к 10 годам концлагеря. Отбывал наказание в Сиблаге, где в 1937 обвинен в подготовке вооруженного восстания и террористических актов тройкой УНКВД по Новосибирской области и заочно приговорен к расстрелу. 52, 60, 62, 64, 108

Ливчак Надежда Федоровна (1903–1988), автор воспоминаний о муже «Владимир Робертович Расс. Лагерные письма и документы». 92, 141, 142

Лимоник Моисей Александрович (1901–1988), научный руководитель химического комбината. Арестован в Москве в 1938, обвинен во вреди-

тельстве. Приговорен ВКВС СССР к 10 годам лишения свободы. Работал в лагерях при закрытых институтах и заводах. Освобожден в 1948. Повторно арестован в 1949 и приговорен к ссылке в Красноярский край. 114

Лисовская Нина Петровна (1917–2007), биолог, с 1967 – участник правозащитного движения, в 1974–1983 – сотрудник Общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям. 175

Листенгурт Рафаил Александрович (1902–1939), заместитель начальника УНКВД по Калининской области. 29

Лорент Петр Павлович (1898–1966), капитан, начальник дорожно-транспортного отдела НКВД Калининской железной дороги. 29, 30

Лушников – помощник прокурора Актюбинской области по спецделам. 57

Львов Евсей Моисеевич (1903–1982), зам. председателя Мосгорсуда. Арестован в Москве в 1938, приговорен к 15 годам ИТЛ. Отбывал срок в Сиблаге и Норильлаге. После окончания срока приговорен к ссылке в Красноярский край. 127, 129

Любарский Кронид Аркадьевич (1934–1996), астроном. Арестован в Черноголовке Московской области в 1972 за хранение и распространение самиздата. Приговорен к 5 годам ИТЛ, которые отбывал в Дубравлаге и Владимирской тюрьме. В 1977 – один из распорядителей Общественного фонда помощи заключенным и их семьям. Освобожден в 1977. 174, 203

Любимова, старший цензор лаготделения Озерлага, 1953. 101

Люленецкий Моисей Григорьевич (1898–?), начальник железнодорожной академии имени Сталина. Арестован в Москве в 1937, приговорен к 3 годам ИТЛ, отбывал в лагерях Архангельской области. Повторно арестован в поселке Красное Пламя Владимирской области в 1943, приговорен к 5 годам ИТЛ, срок отбывал в Севвостлаге. 71

М

Маковская Нина Александровна (1905–1991), машинистка на центральном телеграфе. Арестована в Москве в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Маковский Георгий Константинович, зам. главного инженера строительства «Ормедьзолото», расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Отбывала срок в Сегежлаге и АЛЖИРе. Освобождена в 1945. 153

Максимов – майор, зам. начальника УМГБ по Актюбинской области. 57

Малагуша Василий Андреевич (1911–2007), поэт, член творческой группы Всеукраинского Союза пролетарских писателей «Жовтень». Арестован в Николаеве в 1937, обвинен в участии в антисоветской националистической организации. Осужден к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Севвостлаге. 38, 39, 69

Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) – секретарь ЦК ВКП(б) с 1939 по 1946 и с 1948 по 1953. 85

Мальцев В. Г., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 111

Мамаладзе Виктор Сергеевич (1902–1950), главный инженер Строительного управления Наркома-

та вооружений. Арестован в г. Фрунзе КирССР в 1942. Обвинен в антисоветской агитации, приговорен ОСО при НКВД СССР к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Озерлаге и Ангарлаге. Умер в заключении. 57

Маркман Коммуналла Моисеевна (1924–2015), студентка. Арестована в Батуми в 1948. Обвинена в участии в подпольной организации «Смерть Берии», приговорена к 25 годам ИТЛ, срок отбывала в Минлаге. Освобождена в 1956. 73, 74, 114

Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986), литератор, публицист. Впервые арестован по политическому обвинению (попытка бегства за границу) в 1960. Приговорен к 6 годам ИТЛ. Автор книги «Мои показания» – записок о Дубравлаге и Владимирской тюрьме, распространенных в самиздате. С 1968 по 1986, с небольшими перерывами, – 4 раза в лагерях и ссылке. Последний срок отбывал в Пермских лагерях и Чистопольской тюрьме. Умер в тюрьме после длительной голодовки. 175, 178, 185, 186, 187, 196

Марченко Зоя Дмитриевна (1907–2000), стенографистка-машинистка. Арестована в Москве в 1931, приговорена к 3 годам ИТЛ, отбывала срок в трудкоммуне НКВД № 2. Вторично арестована в Ямполе Черниговской области в 1937. Приговорена к 8 годам ИТЛ, отбывала срок в Севвостлаге. Освободилась в 1946. Еще раз арестована в 1949, приговорена к бессрочной ссылке в Красноярский край. 40, 45

Матусевич Виктор Болеславович (1904–1939), директор склада потребсоюза. Арестован в Рязани

в 1937, обвинен в антисоветской пропаганде и контрреволюционной организационной деятельности. Приговорен к лишению свободы. Срок отбывал в Севвостлаге. Умер в заключении. 65, 66

Меньшагин Борис Георгиевич (1902–1984), юрист. Арестован в 1945, обвинен в коллаборации. В 1951 приговорен к 25 годам лишения свободы; отбывал срок во Владимирской тюрьме. Освобожден в 1970. 191, 192

Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953), руководитель ГУГБ НКВД СССР (1938–1941), нарком (министр) государственной безопасности СССР (1941, 1943–1946). 14

Метло Елена Петровна (в дев. Курдюкова, 1902–1951), домашняя хозяйка, арестована в Москве в 1938, обвинена как ЧСИР (муж, Метло Андрей Макарович, начальник отдела Первого главного управления НКОП СССР, расстрелян в 1938). Осуждена к 8 годам ИТЛ, отбывала срок в Темлаге. Освобождена в 1946. 110

Милюков Аполлон Арсентьевич (1880–1942), инженер Главстанкопрома. Арестован в Москве в 1941. Умер во время следствия. 26

Мифтахутдинов Альберт Валеевич (1937–1991), журналист, корреспондент Ронкина В. Е. 169

Мищенко Лев Глебович (1917–2008), физик. Добровольно ушел на фронт, в 1941 попал в плен, узник нескольких немецких лагерей. В 1945 репатриировался в советскую зону. Арестован, обвинен в измене родине, приговорен ВТ к расстрелу,

замененному 10 годами ИТЛ. Срок отбывал в Севжелдорлаге и Печорлаге. Освобожден в 1954. 60, 64, 69, 72, 109, 111, 112, 121, 125, 146, 156

Мкртчян Бениамин Шаваршович (р. 1922), художник. Арестован в Степанакерте в 1950, обвинен в измене родине, совершенной военнотружачим. Приговорен ОСО при МГБ СССР к 10 годам лишения свободы, которые отбывал в Севураллаге. Освобожден в 1955. 148

Молотов Вячеслав Михайлович (Скрябин, 1890–1986), Председатель Совета народных комиссаров СССР (1930–1941). 94

Мороз Валентин Яковлевич (р. 1936), украинский историк и публицист. Арестован в Ивано-Франковске в 1965, приговорен к 4 годам ИТК, срок отбывал в Дубравлаге и Владимирской тюрьме. Автор очерка о судьбах политзаключенных и ряда других статей, распространявшихся в украинском самиздате. Вновь арестован в 1970, приговорен к 9 годам лишения свободы и 5 годам ссылки; отбывал заключение во Владимирской тюрьме и Дубравлаге. В 1979 лишен гражданства и выслан из СССР. 197

Муралов Владимир Николаевич (1920–1938), школьник. Арестован в Майкопе в 1936, обвинен в контрреволюционной агитации. Специальной судебной коллегией Азово-Черноморского краевого суда приговорен к 8 годам ИТЛ. Срок отбывал в Севвостлаге, где тройкой при УНКВД по Дальстрою был заочно приговорен к расстрелу. 21, 44, 138

Н

Навайтис Антонас (1913–?), военнотружачий. Арестован в Литве в 1941, приговорен к 6 годам ИТЛ, отбывал срок в Норильлаге. Освобожден в 1947. 124

Нарбутас Симонас (р. 1928) Арестован в Йонишкисе (Литва) в 1945, обвинен в измене родине. Приговорен к 7 годам ИТЛ, срок отбывал в Ухтпечлаге. Освобожден в 1952. 126

Настюков Николай Захарович (р. 1933), студент биологического факультета Воронежского университета. Арестован в 1952, обвинен в принадлежности к антисоветской террористической организации. Приговорен ВТ к 8 годам лишения свободы. Срок отбывал в Речлаге. Освобожден в 1957. 109

Наумова Алевтина Николаевна, автор устных воспоминаний об отце, Пуймане Н. Н. 136

Нейфельд Илья Соломонович, автор устных воспоминаний о матери, Нейфельд Этель Исааковне (1895–1985), портнихе. Арестована в Москве в 1938, обвинена как ЧСИР (муж, Нейфельд Соломон Маркович, директор Второго часового завода, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Срок отбывала в АЛЖИРе. Освобождена в 1943. 42

Немченко Фаня Моисеевна (1894–1982), бухгалтер Ростокинской механической фабрики. Арестована в Москве в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Немченко Лев Павлович, начальник планового отдела

Калужского ИТЛ НКВД, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам лишения свободы, отбывала срок в Темлаге. Освободилась в 1946. 59

Нетто Лев Александрович (1925–2017), участник Великой Отечественной войны, военнопленный. Арестован в Ровно в 1948, обвинен в измене родине, совершенной военнослужащим. ВТ приговорен к 25 годам ИТЛ, которые отбывал в Горлаге. Освобожден в 1956. 41

Никольская Ксения Ивановна (1901–1988), машинистка управделами Наркомата Морского флота. Арестована в Москве в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Никольский Михаил Семенович, консультант научно-программного отдела Академии наук СССР, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ, отбывала срок в Карлаге. Освобождена в 1945. 157

Носова Анна Васильевна (1903–1979), домохозяйка. Арестована в Москве в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Носов Иван Петрович, первый секретарь Ивановского обкома, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД к 8 годам лишения свободы, которые отбывала в Карлаге. По окончании срока осталась в ссылке в Акмолинской области. Освобождена в 1955. 77, 81

○
Одинцова Юлия Федосеевна (р. 1927), студентка педагогического института. Арестована в Ростове-на-Дону в 1944. Обвинена в антисоветской агитации и контр-

революционной организационной деятельности. Осуждена ВТ к 8 годам лишения свободы. Отбывала срок в Речлаге. Освободилась в 1952. 75

Одолинская Нина Фоминична (1920–1998) вывезена из Одессы на работу в Германию в 1942. Арестована в 1945 контрразведкой СМЕРШа 4-го Украинского фронта. Приговорена к ВМН, замененной 20 годами каторжных работ. Срок отбывала в Норильлаге, Речлаге и Горлаге. Освобождена в 1955. 66, 69, 114, 129

Ожаровский Сергей Степанович (1909–1938), плановик вагоноремонтного завода. Арестован в Кременчуге в 1938, приговорен к ВМН и расстрелян. 17

Орлов Юрий Федорович (р. 1924), физик. Основатель (1976) и руководитель МХГ. Арестован в Москве в 1977. Приговорен к 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки, срок заключения отбывал в Пермских лагерях, ссылку в Якутской АССР. В 1986 лишен гражданства и выслан из СССР. 174, 183, 204

Орлова Раиса Давыдовна (1918–1989), филолог, писатель, автор ряда интервью о самиздате. 194

Осипенков Яков Сергеевич (1910–?), начальник спецотдела прокуратуры. 82

Осипова Татьяна Семеновна (р. 1949), программист. Активист правозащитного движения. Арестована в Москве в 1980. Приговорена к 5 годам ИТЛ и 5 годам ссылки, срок заключения отбывала в Дубравлаге, ссылку в Костромской области. Освобождена в 1987. 184

П

Панич Моисей Аронович (1902–1971), военный инженер 3 ранга, преподаватель курсов усовершенствования состава зенитной артиллерии. Арестован в Евпатории в 1938, обвинен в антисоветской агитации. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 3 годам ИТЛ. Срок отбывал в Ивдельлаге. Освобожден в 1941. 24

Панкратьев Михаил Иванович (1901–1974), прокурор СССР (1939–1940). 83

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт. 169

Паушкина Галина Михайловна (1910–1997), сотрудник Госплана СССР. Арестована в Москве в 1938, обвинена как ЧСИР (муж, Ратнер Эммануил Наумович, консультант отдела планирования Госплана СССР, расстрелян в 1938). Приговорена к 5 годам ИТЛ, срок отбывала в Темлаге. Освобождена в 1939. Автор воспоминаний «Трагедия невиновных». 36, 52, 81, 128, 154

Перельман Анна Ильинична, автор воспоминаний о муже, Лимонике М. А. 114, 136

Печуро Сусанна Соломоновна (1933–2014), школьница, член молодежной организации «Союз борьбы за дело революции». Арестована в Москве в 1951, обвинена в измене родине и подготовке террористических актов. ВКВС СССР приговорена к 25 годам ИТЛ, срок отбывала в лагерях Коми и Мордовии. Освобождена в 1956. 43, 74, 126

Пешкова Екатерина Павловна (1876–1965), глава организации

«Помощь политическим заключенным» (Помполит) с 1922 по 1937. 48, 94, 95

Пименов Револьт Иванович (1931–1990), математик, организатор подпольного кружка в Ленинграде, арестован в 1957, приговорен к 10 годам ИТК, отбывал срок в Воркутлаге, Озерлаге и Владимирской тюрьме. Освобожден в 1963. 170

Писарев Сергей Петрович (1902–1979), историк, диссидент, узник сталинских лагерей; в 1953–1954 – заключенный Ленинградской СЛБ. Корреспондент П. Г. Григоренко. 203

Плахинская Татьяна Ивановна, жена Милокова А. А. 26

Плумпа Пятрас (р. 1939), рабочий. Участник подпольного кружка «Свободу Литве» в Каунасе. Арестован в 1958. Приговорен к 7 годам ИТЛ, которые отбывал в Дубравлаге. Участвовал в распространении литовского самиздата. Вновь арестован в 1973. Приговорен Верховным судом Литовской ССР к 8 годам ИТЛ, которые отбывал в Пермских лагерях и Чистопольской тюрьме. Освобожден в 1981. 181

Плюйм Татьяна Александровна (1912–1954), лаборант контрольной лаборатории Госинспекции по качеству хлопка. Арестована в Баку в 1941, обвинена как СОЭ, приговорена к 8 годам ИТЛ, срок отбывала в Севураллаге. Освобождена в 1948. 75

Поригов В. П., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 105

Посник Елена-Лидия Павловна (в дев. Козьмина, р. 1924), учитель немецкого языка. Арестована в поселке

Черепеть Тульской области в 1945, обвинена в сотрудничестве с немецкими оккупантами. Приговорена ВТ к 10 годам каторжных работ. Срок отбывала в лагерях в Архангельской области, в Тайшетлаге, Чаунлаге и Севвостлаге. Освобождена в 1954. 113

Примакова Варвара Николаевна (1879–?), арестована в 1937, обвинена в недоносительстве на сына (сын, Примаков Виталий Маркович, зам. командующего войсками ЛВО, комкор, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР как социально опасный элемент к 5 годам ссылки. Отбывала ссылку в Казахстане. 79

Прядилов Алексей Николаевич (1927–2011), студент Института нефти и газа. Арестован в Москве в 1943, обвинен в антисоветской пропаганде и агитации. Осужден ВТ к 7 годам ИТЛ. Срок отбывал в лагерях Алтайского края, Московской и Смоленской областей, Озерлаге и Берлаге. По окончании срока остался в ссылке «до особого распоряжения». Освобожден в 1953. 72, 129, 150

Пуйман Николай Николаевич (1906–1938), бухгалтер клуба Лесохимкомбината. Арестован в г. Аша Челябинской области в 1938. Обвинен в шпионаже и подготовке диверсионных актов. Приговорен к ВМН и расстрелян. 136

Р

Равдель Захар Исаакович (1906–1969), инженер завода «Фрезер». Арестован в Москве в 1937, обвинен в участии во вредительской организации. Приговорен ВКВС

СССР к 15 годам тюремного заключения. Отбывал срок в Соловецкой тюрьме и Норильлаге. Освобожден в 1943. 109

Расс Владимир Робертович (1903–1950), инженер-архитектор. Арестован в Москве в 1938, обвинен в участии в антисоветской фашистской группе и систематической фашистской пропаганде. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Срок отбывал в лагерях Молотовской области, где в 1941 был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами ИТЛ. Умер в заключении. 83

Рахлин Феликс Давидович, автор воспоминаний о матери, Моргулис Б. А., заключенной Дубравлага. 102

Рачинская Ревекка Моисеевна (1888–1975), жена Рачинского С. Г. 18

Рачинский Сигизмунд Густавович (1882–1938), зам. главного бухгалтера артели «Химкраска». Арестован в Москве в 1938, обвинен в принадлежности к контрреволюционной эсеровской организации и активном участии в ее работе. Приговорен тройкой при УНКВД по Московской области к ВМН и расстрелян. 18, 19

Рейф Игорь Евгеньевич (р. 1938), врач, корреспондент Григоренко П. Г. 202

Ривчун Елизавета Давидовна, автор устных воспоминаний об отце, композиторе Гейгнере Д. И., расстрелянном в 1937. 11, 15

Рожков В. И., заключенный Севураллага в 1952. 91

Розанова Мария (Марья) Васильевна (р. 1929), искусствовед, ювелир; жена Синявского А. Д. 190

Розовский Наум Савельевич

(1898–1942) – главный военный прокурор РККА (1936–1939). 79

Романовский Викентий Эдмундович

(1903–1938), заведующий планово-экономическим отделом Горсвета. Арестован в Прокопьевске Новосибирской области в 1937. Приговорен к ВМН и расстрелян. 123, 127, 132

Ронкин Валерий Ефимович

(1936–2010), инженер-химик. Организатор ленинградского подпольного кружка «Союз коммунаров». Арестован в Ленинграде в 1965. Приговорен к 7 годам ИТЛ и 3 годам ссылки. Срок заключения отбывал в Дубравлаге и Владимирской тюрьме, ссылку в Коми АССР. Освобожден в 1975. 169, 190, 191, 193, 194

Рубен Кристина Яновна (1900–1983), арестована в Москве в 1938.

Обвинена как ЧСИР (муж, Стурит Эдуард Марцевич, заведующий школьной секцией Латгшского культурно-просветительского общества «Прометей», расстрелян в 1938). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Срок отбывала в АЛЖИРе. Освобождена в 1946. 103

Руденко Иван Григорьевич

(1904–1938), начальник службы движения Калининской железной дороги. Арестован в Москве в 1937, обвинен в участии в контрреволюционной организации, приговорен ВКВС СССР к ВМН и расстрелян. 28, 29, 30

Рудницкий Вячеслав Митрофанович

(р. 1930), студент, член нелегальной молодежной организации Коммунистической партии молодежи (КПМ). Арестован в Воронеже в 1949,

обвинен в антисоветской агитации. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Степлаге и Озерлаге. Освобожден в 1954. 116

С**Садомская Наталья Николаевна**

(1927–2013), этнограф, жена Шрагина Б. И., корреспондент ряда политзаключенных. 175

Саркисов Николай Рубенович

(1914 – после 2004), студент Московского технологического института хлебопечения. Арестован в 1932, приговорен Коллегией ОГПУ СССР к 10 годам ИТЛ. Отбывал срок в Сиблаге, Бамлаге, Севвостлаге. Освобожден в 1948. 102, 139

Сахаров Андрей Дмитриевич

(1921–1989), физик, академик АН СССР, общественный деятель. 165, 177

Светлова Наталья Дмитриевна

(в зам. Солженицына, р. 1939), математик, с 1974 зарубежный координатор деятельности Общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям. 178, 189

Свиридова Мария Михайловна,

сотрудник Наркомата сельского хозяйства. Арестована в Москве в 1937, приговорена к ИТЛ. Срок отбывала в Севвостлаге. Освобождена в 1945. 68

Семичастный Владимир Ефимович

(1924–2001), председатель КГБ СССР (1961–1967). 19

Сергеев, оперуполномоченный

Управления КГБ по Московской области. 18

Серебров Феликс Аркадьевич

(1930–2015), инженер. В 1947–1953 отбывал лагерный срок по Указу от

4/6-1947. Во второй половине 1970-х – участник нескольких правозащитных групп. Арестован в 1981, приговорен к 4 годам лагерей и 5 годам ссылки за «антисоветскую пропаганду».

Освобожден из ссылки в 1987. 177

Середина Наталья Павловна, автор «Воспоминаний об отце», Середине Павле Григорьевиче (1895–1952), преподавателе химии в Институте химического машиностроения. Арестован в Москве в 1933. Приговорен к 8 годам ИТЛ, которые отбывал в лагерях Карелии и Колымы. Освобожден в 1941. Вторично арестован в 1941, осужден к 10 годам ИТЛ, отбывал в лагерях Казахстана. 143

Серов Иван Александрович (1905–1990), председатель КГБ СССР (1954–1958). 17, 18

Сидоров, старший цензор лаготделения Озерлага, 1953. 101

Сидоров-Шестёркин Петр Михайлович (1897–1961), начальник цеха завода «Серп и Молот». Арестован в Москве в 1951, обвинен в подготовке террористических актов и контрреволюционной организационной деятельности. Приговорен к ИТЛ. Срок отбывал в Тайшетлаге. Освобожден в 1955. 59

Синелобов Кирилл Степанович (1909 – после 1989), инженер-строитель путей сообщения. Военнопленный с июля 1941. В 1945 арестован, обвинен в измене родине и антисоветской агитации. Приговорен ВТ к 10 годам лишения свободы. Срок отбывал в лагере при Львовском электроламповом заводе и Болшевской «шарашке». Освобожден в 1954. Автор «Воспоминаний». 148

Синявский Андрей Донатович

(1925–1997), писатель. Автор ряда литературных произведений, опубликованных за рубежом под псевдонимом. Арестован в Москве в 1965. Приговорен Верховным судом РСФСР к 7 годам ИТЛ, которые отбывал в Дубравлаге. Освобожден в 1971. 170, 174, 175, 190, 203

Скуениекс Кнут (р. 1936), поэт, переводчик. Арестован в Латвии в 1962 за контакты с участниками подпольного кружка «Балтийская федерация». Приговорен к 7 годам ИТЛ. Срок отбывал в Дубравлаге. Освобожден в 1969. 197

Слуцкий Григорий Саулович (1913 – после 1992), студент ИФЛИ. Арестован в Москве в 1937, приговорен к 5 годам ИТЛ, которые отбывал в Каргопольлаге. Освобожден в 1942. Вторично арестован в 1949, приговорен к бессрочной ссылке в Красноярский край. Освобожден в 1954. 96

Смирнов Василий Иванович (1882–1941), заведующий культурно-историческим отделом Ивановского музея. Арестован в 1930. Обвинен в антисоветской агитации, приговорен Постановлением Особой коллегии ОГПУ к 3 годам высылки в Архангельскую область. 102

Соколов Иван Иванович (1865–1939), историк, профессор Ленинградского университета. Арестован в 1933, обвинен в антисоветской агитации и пропаганде. Приговорен к 5 годам ссылки, которую отбывал в Башкирии, где умер. 94

Соколова-Бартеньева Елена Владимировна (1904–1985),

заведующая кафедрой истории педагогического института. Арестована в Воронеже в 1937, обвинена как ЧСИР (муж, Баргеньев Владимир Андреевич, заведующий кафедрой социально-экономических наук педагогического института, расстрелян в 1938). Приговорена к 8 годам ИТЛ, срок отбывала в Темлаге, Сегежлаге и Карлаге. Освобождена в 1945. 83, 141

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), писатель, публицист, основатель Общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям. 6, 178, 179, 189

Соостер Юло-Ильмар (1924–1970), художник. Арестован в Тарту в 1948. Обвинен в создании антисоветской группы и попытке угнать самолет. Приговорен ОСО при МГБ СССР к 10 годам ИТЛ, отбывал срок в Карлаге. Освобожден в 1956. 73, 155

Суперфин Габриэль Гаврилович (р. 1943), филолог. Участник правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». Арестован в Москве в 1973. Приговорен к 5 годам ИТЛ и 2 годам ссылки, срок заключения отбывал в Пермских лагерях и Владимирской тюрьме, ссылку в Казахстане. Освобожден в 1978. 188, 189

Сыздыков, капитан, зам. начальника УМВД по Актыбинской области. 57

Т

Табелев А. Ф., заключенный Нижне-Амурского ИТЛ, 1943. 104

Тайц Нина Самойловна (р. 1920), автор воспоминаний об отце, Тайце С. А., «Линия жизни в письмах и документах». 37

Тайц Самуил Аркадьевич (1895–1944), врач, начальник отдела Всесоюзной государственной санитарной инспекции. Арестован в 1938, обвинен по подозрению в шпионаже, приговорен ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Отбывал срок в Севвостлаге. Умер в лагере. 45, 61, 119

Тарасов Борис Фавстович (1872–1937), социалист-революционер. Арестован в Чите в 1922, содержался в Иркутской и Ярославской тюрьмах, где был приговорен к 3 годам заключения в Соловецкий концлагерь. По окончании срока отправлен в ссылку в Ката-Купан, Туркестан. Повторно арестован в Алма-Ате в 1937, обвинен в подготовке терактов, в контрреволюционной организационной деятельности. Приговорен тройкой при НКВД по Алма-Атинской области к ВМН и расстрелян. 107

Терновский Леонард Борисович (1933–2006), врач-рентгенолог. Активист правозащитного движения. Арестован в Москве в 1980. Приговорен к 3 годам ИТЛ, которые отбывал в уголовных лагерях Куйбышевской и Омской областей. Освобожден в 1983. 165, 166

Тиханова Валентина Александровна, автор устных воспоминаний о родителях В. А. и С. И. Антоновых-Овсеевко, расстрелянных в 1938. 11

Ткалун Лидия Федоровна (1896–?), домашняя хозяйка, арестована в 1938, обвинена в недоносительстве на мужа (Ткалун Петр Пахомович, комендант Московского Кремля, расстрелян в 1938). Приговорена

ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Отбывала срок в Темниках, Сеgezлаге и Карлаге. В 1945 в лагере была вторично обвинена в антисоветской агитации и приговорена постоянной сессией Карагандинского облсуда при Карлаге НКВД к 7 годам лишения свободы. Освобождена в 1953. 17

Толмачёв Михаил Васильевич (1904–1945), председатель отделения ДОСААФ. Арестован в Артемовске Сталинской (совр. Донецкой) области в 1940. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 5 годам лишения свободы, отбывал срок в Ивдельлаге. Умер в заключении. 47

Томашевский Эдуард Антонович (1905–1937), экономист фабрики имени Коминтерна. Арестован в г. Клинцы Брянской области в 1937. Приговорен к ВМН и расстрелян. 16

Трещалина Алла Николаевна, автор воспоминаний об отце, Бруни Н. А. 135

Тубельская Дзидра Эдуардовна, автор воспоминаний об отце, Кадике Э. Я. 80

Тухарели Феодосия Теймуразовна, арестована в 1937, обвинена в не- доносительстве на мужа (Тухарели Георгий Александрович, помощник командующего Закавказского ВО, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Срок отбывала в лагерях Мордовии и Николаевска-на-Амуре. Освобождена в 1942. 84

У

Улановская Майя Александровна (р. 1932), библиограф. Корреспондент Даниэля Ю. М. и Григоренко П. Г.; жена А. А. Якобсона. 202

Ульянова Мария Ильинична (1887–1937), младшая сестра В. И. Ленина, член Комиссии советского контроля при СНК СССР, член ЦИК СССР. 140

Уранов Борис Николаевич (1904–1937), заведующий финансово-счётным отделом завода «Промет». Арестован в Москве в 1937, обвинен в контрреволюционной агитации, приговорен тройкой при УНКВД по Московской области к ВМН и расстрелян. 9

Усова Зинаида Даниловна (1903–1992), работала в системе Госкино, арестована в Москве в 1938, обвинена как ЧСИР (муж, Усов Константин Андреевич, начальник отдела на заводе «Красная Пресня», расстрелян в 1938), приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам лишения свободы. Срок отбывала в Темлаге, в инвалидном лагере в Архангельской области. Освобождена в 1945. Автор «Воспоминаний». 30, 106, 116, 119, 128, 132, 154

Успенская Вера Дмитриевна (1909–1992), научный сотрудник Биохимического института. Арестована в Москве в 1938, обвинена как ЧСИР (муж, Медников Борис Иванович, инструктор малярной станции, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Срок отбывала в Темлаге. Освобождена в 1941. Автор воспоминаний «Повесть моей жизни». 66, 111

Устинова Шарифа Шамсутдиновна, арестована в Саратове в 1937, приговорена к ИТЛ, отбывала срок в Карлаге. Вторично арестована в Саратове в 1948, приговорена

к ссылке в Красноярский край. Автор воспоминаний «Моя исповедь». 116

Ф

Федько Зинаида Михайловна (1903–?), врач. Арестована в 1938, обвинена в антисоветской агитации и доношении на мужа (Иван Федорович Федько, первый зам. наркома обороны, расстрелян в 1939). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Отбывала срок в Тайшетском и Ново-Тамбовском лагерях. Освобождена в 1943. 83

Филипповский Григорий Георгиевич (1909–1987), художник-график. Арестован в Москве в 1938, обвинен в контрреволюционной агитации, приговорен к 5 годам ИТЛ. Срок отбывал в Устьвымлаге. Жена – Нельсон Лия Яковлевна, автор воспоминаний о Филипповском Г. Г. 81, 96

Фрид Валерий Семенович (1922–1998), студент, арестован в Москве в 1944, обвинен в принадлежности к антисоветской молодежной группе и приговорен ОСО при НКВД к 10 годам лишения свободы, срок отбывал в Минлаге. Приговорен к вечному поселению в Инте, Коми АССР. Освобожден в 1954. 127

Х

Хайлов Михаил Федорович (1897–1943), комиссар стрелкового полка. Арестован в Минске в 1938, приговорен к 8 годам лишения свободы, отбывал срок в Севжелдорлаге. Умер в заключении. 54

Халмурадов Сагдулла Халмурадович (1894–1939), директор учебно-педагогического издательства. Арестован в Ташкенте в 1938, приговорен ВКВС

СССР к 10 годам ИТЛ, отбывал срок в Верхнеуральской тюрьме и Севвостлаге. Умер в лагере. 39, 40

Хасанов Мирсаид Мустафович (1900–1944), старший агроном совхоза «Агробаза». Арестован в г. Мамадыш Татарской АССР. Обвинен в участии в правотроцкистской националистической террористической повстанческой организации. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 8 годам лишения свободы. Срок отбывал в Севжелдорлаге. Умер в заключении. 55

Хаюров Александр Александрович (1918 – после 1996), студент Индустриального института. Арестован в Ленинграде в 1940, обвинен в антисоветской деятельности. Приговорен к 8 годам лишения свободы. Срок отбывал в Севпечелдорлаге. Освобожден в 1948. Автор воспоминаний «Жизнь до ареста и в заключении: Печорский железнодорожный лагерь». 97, 136

Ходорович Сергей Дмитриевич (р. 1941), инженер-программист, в 1977–1983 – распорядитель Общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям. Арестован в Москве в 1983, приговорен к 3 годам ИТК, срок отбывал в уголовном лагере в Норильске. В 1986 приговорен еще к 3 годам за «злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения». Освобожден в 1987. 192

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), советский партийный и государственный деятель, Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964),

Председатель Совета министров СССР (1958–1964). 17, 20, 97, 162, 163

Ч

Чернышов Василий Васильевич (1896–1952), с 1941 по 1951 зам. наркома (с 1946 министра) внутренних дел СССР НКВД. 14, 101

Чертков Леонид Натанович (1933–2000), историк литературы, поэт. Арестован в Москве в 1957 за «антисоветские разговоры». Приговорен к 5 годам ИТЛ. Срок отбывал в Дубравлаге. Освобожден в 1962. 173

Чилинкиридис Михаил Абрамович (1898–1937). Арестован в Кутаиси в 1928, обвинен в контрреволюционной террористической деятельности, приговорен к лишению свободы в политизоляторе. По окончании срока отправлен в ссылку. Вторично арестован в Семипалатинске КазССР в 1937, обвинен в контрреволюционной деятельности, приговорен к ВМН и расстрелян. 135

Ш

Шаховская-Шик Наталья Дмитриевна (1890–1942), историк, переводчик, жена священника Шика М. В., расстрелянная в 1937. 10, 11

Ширяев, старший цензор отдела режима и спецработы Озерлага, 1953. 101

Шифрин Залман Шмуилович (1910–1995), бухгалтер. Арестован в Орше в 1938, приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Унжлаге и Севвостлаге. По окончании, в 1948, приговорен к бессрочной ссылке в районах Дальстроя. Автор «Воспоминаний». 149

Шмидт Отто Юльевич (1891–1956), математик, географ, астроном, исследователь Севера. 140

Шрагин Борис Иосифович

(1926–1990), искусствовед, философ, публицист, с 1966 – участник правозащитного движения, переписывался с политзаключенными. 175

Штерн Евгения Александровна (1904–1987), редактор Мособлгорлита. Арестована в Москве в 1937, обвинена в контрреволюционной террористической деятельности, приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ, срок отбывала в Севвостлаге. Освобождена в 1945. Арестована повторно в поселке Ягодное Магаданской области в 1949, приговорена к ссылке без указания срока. 154

Шур Соломон Павлович (1884–?), экономист, социал-демократ. Арестован в Саратове в 1922, приговорен к 3 годам ссылки в Нарымский край. Вторично арестован в Москве в 1949, обвинен в антисоветской агитации и буржуазном национализме. Приговорен ОСО при МГБ СССР к 8 годам ИТЛ. Срок отбывал в Минлаге. Освобожден в 1955. Автор воспоминаний «Все остается по-прежнему». 60

Щ

Щаранский Анатолий Борисович (р. 1948), физик. Активист правозащитного и еврейского эмиграционного движений. Арестован в Москве в 1977. Приговорен к 13 годам заключения. Отбывал срок во Владимирской и Чистопольской тюрьмах, Пермских лагерях. В 1986 лишен гражданства и выслан из СССР. 185

Щеглов Сергей Львович (р. 1921), студент исторического факультета Московского областного педагогического института. Арестован 23 июня 1941,

обвинен в создании молодежной антисоветской организации. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал в Норильлаге. Освобожден в 1946. 42

Щекин Александр Александрович (1905–?), полковник внутренней службы, зам. начальника ГУЛАГ МВД СССР. 91

Э

Эндербера Иван Сергеевич, учитель. Арестован в Артемовске Сталинской (совр. Донецкой) области в 1938. Приговорен к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал в Котласском отделе ГУЛЖДС. Освобожден в 1943. Автор «Воспоминаний». 79

Ю

Юдин Михаил Дмитриевич (1895–1940), преподаватель математики. Арестован в Ногинске Московской области в 1938. Обвинен в участии в эсеровской повстанческой организации. Приговорен тройкой при УНКВД по Московской области к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Бамлаге и Юго-Восточном ИТЛ. Умер в заключении. 129

Юрченко Зинаида Александровна, мать Юрченко Игоря (1911–?), арестованного в Баталпашинске Армавирского округа в 1928; приговорен к 5 годам заключения, которые отбывал в Соловецком лагере. 95

Я

Яблоков Евгений Иванович (1887–1944), преподаватель ботаники в педагогическом институте. Арестован в Рязани в 1938, обвинен в участии в контрреволюционной организации. Приговорен ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Срок

отбывал в Каргопольлаге. Умер в лагере. 54, 62, 66, 70, 102, 116, 117, 121, 123, 124, 126, 141, 149

Ягода Генрих Григорьевич

(1891–1938) – нарком внутренних дел СССР (1934–1936). 50, 86

Язев, младший советник юстиции, пом. прокурора Пермской области. 184

Якир Петр Иванович (1923–1982), историк. В 1938–1942 и 1944–1953 – узник сталинских лагерей. Один из основателей Инициативной группы защиты прав человека в СССР (1969). В очередной раз арестован в Москве в 1972. Приговорен к 3 годам ИТЛ и 3 годам ссылки, которую отбывал в Рязани. В 1974 освобожден. 165

Якобсон Анатолий Александрович (1935–1978), литератор, педагог. С 1969 – член Инициативной группы защиты прав человека в СССР, в 1970–1972 – выпускающий редактор «Хроники текущих событий». Корреспондент Ю. М. Даниэля и ряда других политзаключенных. 171

Яндовская-Олещук Лидия Сергеевна (1908–2001), студентка Московского энергетического института. Арестована в 1938, обвинена как ЧСИР (муж, Олещук Ян Янович, начальник планового отдела Восточносибирской железной дороги, расстрелян в 1937). Приговорена ОСО при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Срок отбывала в АЛЖИРе. Освобождена в 1945. 37

Ясиновская Флора Павловна (р. 1918), биолог, помогала политзаключенным и переписывалась с ними. 175

Алфавитный указатель мест заключения

Актюбинстрой (Актюбинлаг, ИТЛ и строительство Актюбинского комбината НКВД). – Организован в 1940. Лагерное управление находилось в Актюбинске, Казахская ССР. Поставлял рабочую силу на строительство Актюбинского ферросплавного комбината, добычу и отгрузку хромовых и железоникелевых руд, строительство жилья и железнодорожных путей. Закрыт в 1946.

Алданский ИТЛ № 11 (строительно-эксплуатационное управление № 11, СЭУ 11 и ИТЛ). – Организован в 1948. Лагерное управление находилось в Алдане, Якутская АССР. Основные производства: добыча радиоактивных ископаемых, геологоразведочные работы на россыпных месторождениях, разведка Чульманского угольного месторождения, строительство и эксплуатация обогатительных фабрик. Закрыт в 1952.

Амурлаг (Амурский железнодорожный исправительно-трудовой лагерь). – Организован в 1938 на базе расформированного Бамлага. Управление Амурлага располагалось в городе Свободный (ныне Амурская область). Расформирован в начале 1941 и возобновлен с 1947 по 1953. Труд заключенных Амурлага в первый период использовался на строительстве железной дороги. Позже основными видами производственной деятельности заключенных были золотодобыча, горные работы и заготовка леса.

Бамлаг (Байкало-Амурский ИТЛ). – Один из самых крупных лагерей в СССР, организован в 1932. Управление Бамлага располагалось в городе Свободный Амурской области. Заключенные использовались на строительстве Транссибирской железной дороги. Бамлаг расформирован в 1938 и на его базе создан ряд крупных ИТЛ.

Белбалтлаг (Беломоро-Балтийский ИТЛ, ББЛ). – Организован в 1931 на базе Соловецкого ИТЛ. Управление лагеря дислоцировалось на станции Медвежья Гора (г. Медвежьегорск). Обеспечивал строительство Беломоро-Балтийского канала, лесозаготовки, освоение прилегающей территории. Закрыт в 1941.

Берлаг (Береговой ИТЛ, Особый лагерь № 5). – См.: Особые лагеря.

Владимирская тюрьма (г. Владимир). – Одна из старейших тюрем России. Основана в 1783. В 1921–1935 – политизолятор ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С 1948 по 1954 – тюрьма особого назначения МГБ СССР. С 1955 по 1978 была единственным тюремным учреждением в СССР, где отбывали наказание «особо опасные государственные преступники». В 1978–1979 политзаключенных из нее перевели в Чистопольскую тюрьму (Татарская АССР). Функционирует по сей день.

Воркутлаг (Воркутинский ИТЛ, Воркутстрой). – Один из крупнейших

лагерей в системе ГУЛАГа, организован в 1938. Лагерь охватывал территории части Архангельской области, Ненецкого национального округа, Коми АССР. Управление находилось в поселке Воркута. Лагерь поставлял рабочую силу на шахтное строительство, угледобычу, деревообработку. Существовал, по крайней мере, до 1960.

Востураллаг (Восточно-Уральский ИТЛ). – Действовал с 1942. Управление лагеря находилось в г. Тавда Свердловской области. Заключенные были заняты на лесосплаве и деревообработке. Закрыт в 1960.

Вятлаг (Вятский ИТЛ). – Организован в 1938. Дислокация управления в пос. Лесное Кировской области. Основная деятельность заключенных – деревообработка, строительство целлюлозного комбината. Закрыт в 1960.

Горлаг (Горный лагерь, Особый лагерь № 2, Особлаг № 2). – Организован в 1948 на базе Норильского ИТЛ. Труд заключенных использовался на горнорудных предприятиях Норильского комбината. Закрыт в 1954.

Дубравлаг (Дубравный лагерь, Дубравный ИТЛ, Особый лагерь № 3, Особлаг № 3). – Организован в 1948 на базе Темниковского ИТЛ. Управление находилось в поселке Явас Мордовской АССР. Заключенные работали на объектах Темниковского промышленного комбината, были заняты на производстве стройматериалов,

деревообработке, в швейном производстве. Реорганизован в 1954 в ИТЛ. Во второй половине 1950-х Дубравлаг являлся самым крупным из оставшихся в стране политлагерей. В 1961–1972 был единственным лагерем в СССР, куда отправляли «особо опасных государственных преступников» из всех союзных республик.

Ивдельлаг (Ивдельский ИТЛ). – Организован в 1937. Управление располагалось в г. Ивдель Свердловской области. Заключенные были заняты на лесозаготовках, строительстве сульфитно-спиртового и гидролизного заводов. Действовал до 1960.

Казанская психиатрическая больница специального типа (Казанская спецпсихбольница, Казанская СПБ). – Построена в 1869 как Окружной дом умалишенных. Политические заключенные появились в спецкорпусе Казанской психиатрической больницы в 1934. В 1939 распоряжением Л. П. Берии на базе спецкорпуса создана Казанская тюремная психиатрическая больница НКВД СССР – первая спецпсихбольница в стране. В 1989 выведена из подчинения МВД и передана Минздраву.

Каргопольлаг (Каргопольский ИТЛ). – Организован в 1937. Управление находилось в Каргополе Архангельской области, после 1940 – на станции Ерцево Северной железной дороги. Основной деятельностью заключенных были лесозаготовки.

Действовал на 01.01.1960. После 01.01.1960 упоминаний о лагере не встречается.

Карлаг (Карагандинский ИТЛ). – Один из крупнейших лагерей ГУЛАГа, организован в 1931. Лагерное управление находилось в селе Долинское (Долинка) Карагандинской области, Казахская ССР. Заключенные работали в сельском хозяйстве, промышленном производстве, на угольных шахтах и в известковых карьерах, были заняты на строительных работах. Закрыт в 1959.

Краслаг (Красноярский ИТЛ). – Организован в 1938. Управление находилось в г. Канске Красноярского края. Труд заключенных применялся на строительстве гидролизного завода и лесозаготовках. Существовал до 1960.

Кулойлаг (Кулойский ИТЛ). – Организован в 1937. Управление лагеря находилось в Архангельске. Заключенные были заняты на лесозаготовках и в обслуживании Архангельского порта. Закрыт в 1942.

Ленинградская специальная психиатрическая больница. – Одна из больниц МВД «специального типа» для принудительного лечения лиц, «признанных виновными в совершении преступных деяний, но освобожденных от наказания в связи с признанием их невменяемыми». Открыта в 1951. В 1989 передана в ведение Минздрава СССР. В на-

стоящее время – Санкт-Петербургская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Минлаг (Минеральный лагерь, Минеральный ИТЛ, Особый лагерь № 1, Особлаг № 1). – Организован в 1948 в помещениях Интинского ИТЛ. Управление лагеря находилось в поселке Инта Коми АССР. Заключенные обслуживали комбинат «Интауголь», занимались угледобычей, строительством, лесозаготовками. Закрыт в 1957.

Нижамурлаг (Нижне-Амурский ИТЛ). – Первое упоминание в 1939, управление лагеря находилось в Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. Заключенные были заняты на строительстве железной дороги. Закрыт в 1955.

Норильлаг (Норильский ИТЛ). – Организован в 1935. Главной задачей лагеря было освоение Норильского промышленного района, строительство и эксплуатация металлургического комбината. Заключенные также были заняты на разработках медно-никелевых рудников и угольных шахт, строили железную дорогу Норильск–Дудинка, автомобильные дороги. Закрыт в 1956.

Озерлаг (Озерный ИТЛ, Особый лагерь № 7, Особлаг № 7). – Организован в 1948, дислоцировался на территории Иркутской области. Управление располагалось в Тайшете, лагерные пункты – между

Тайшетом и Братском. Заключенные были заняты на строительстве БАМа, а также на лесозаготовках, производстве и поставке пиломатериалов, шпал и сборных деревянных домов. Реорганизован в 1954 в ИТЛ. Один из трех лагерей, в которых отбывали наказание политические заключенные. В начале 1960-х политические заключенные были переведены в Дубравлаг. В 1963 переименован в Ангарский ИТЛ. Закрыт в 1964.

Особые лагеря. – Специальная система ИТЛ МВД, созданная в 1948 для содержания заключенных, осужденных по обвинениям в измене родине, шпионаже, терроре и других особо тяжких политических преступлениях. Заключенных предписывалось использовать только на тяжелых работах. Вводился режим, сходный с тюремным, – решетки на окнах, запирающиеся на ночь баракы, запрет покидать барак в нерабочее время, номера на одежде. Для конспирации особым лагерям присваивались не только номера, но и условные наименования: Береговой, Горный, Дубравный, Минеральный, Озерный, Песчаный, Речной. Особлаги были ликвидированы в 1954.

Пермские (Скальнинские) политлагеря. – Группа ИТК строгого и особого режима. Управление дислоцировалось в пос. Скальный. В 1972 организовано два политических лагеря: Пермь-35 в поселке Всесвятское и Пермь-36 в поселке Кучино, в которые была переведена часть политзаключенных из Дубравлага. Почти все

они были освобождены в 1987–1988. В 1992 пермский «Мемориал» организовал в деревне Кучино на базе помещений лагеря Музей истории политических репрессий «Пермь-36».

Песчанлаг (Песчаный ИТЛ, Особый лагерь № 8, Особлаг № 8). – Организован в 1949. Управление находилось в Караганде, КазССР. Заключенные работали на шахтах Карагандинского и Экибастузского угольных бассейнов. Реорганизован в 1954.

Печорлаг. – Организован в 1950 при объединении Печорстроя и Севжелдорстроя. Закрыт в 1959.

Политизоляторы. – В 1920-е – первой половине 1930-х – специальные тюрьмы, подчиненные ГПУ–ОГПУ. Предназначались для содержания заключенных, которых власть была готова признать политическими: прежде всего, эсеров, меньшевиков, анархистов, социалистов-сионистов, позднее – участников внутрипартийных оппозиционных течений. Существовали Верхнеуральский, Суздальский, Тобольский, Челябинский и Ярославский политизоляторы.

Прорвлаг (Прорвинский ИТЛ). – Организован в 1932. Управление располагалось на острове Прорва в Каспийском море. Заключенные занимались рыбной ловлей и строительством лагеря. Закрыт в 1940.

Севвостлаг (Северо-Восточный ИТЛ, СВИТЛ). – Организован в 1932.

Крупнейший лагерь Дальнего Востока, объединявший все колымские лагеря. Управление СВИТЛа находилось в Магадане. Район деятельности охватывал огромную территорию всей нынешней Магаданской области, части Якутии, Хабаровского края и Камчатской области. Заключенные работали в самых разных сферах. Основной деятельностью была золотодобыча в бассейнах рек Колыма и Индигирка. В структуру СВИТЛа в 1930–1940-е входил пересыльный пункт во Владивостоке (Транзитка), куда доставляли заключенных для дальнейшей отправки на Колыму. Закрыт в середине 1950-х.

Севдвинлаг (Северо-Двинский ИТЛ). – Организован в 1940. Дислоцировался в г. Вельске, Архангельская область. Труд заключенных использовался на железнодорожном строительстве. Закрыт в 1946.

Севжелдорлаг (Севжелдорстройлаг, Северный железнодорожный ИТЛ). – Организован в 1938. Управление располагалось в Княж-Погосте Усть-Вымского района Коми АССР. Заключенные работали, в основном, на строительстве железных дорог. Закрыт в 1950.

Севпечлаг (Печорстрой, Печорский железнодорожный ИТЛ, Печорский ИТЛ, Печорлаг). – Организован в 1940. Лагерное управление находилось в Абези, Коми АССР. Заключенные были заняты на

строительстве железной дороги, лесозаготовках. Лагерь закрыт в 1950, слит с Севжелдорстроем и вошел в Печорлаг. Управление переехало на станцию Печора.

Севураллаг (Северо-Уральский ИТЛ). – Организован в 1938. Управление располагалось в г. Ирбите Свердловской области. Основное производство – строительство Тавдинского гидроэлектрического завода и деревообрабатывающего комбината. Действовал на 01.01.1960. После 01.01.1960 упоминаний о лагере не встречается.

Сиблаг (СИБУЛОН, Сибирский ИТЛ). – Крупнейший лагерь Западной Сибири. Располагался на территории Омской, Томской, Новосибирской и Кемеровской областей, Алтайского и Красноярского краев. Организован в 1929. Лагерное управление несколько раз переезжало из Мариинска в Новосибирск и обратно. Хозяйственная деятельность была разнообразной: лесозаготовки, угледобыча, дорожное и железнодорожное строительство. Действовал до конца 1960-х.

Соликамсклаг (Соликамский инвалидный ИТЛ). – Организован в 1946 на базе ИТЛ строительства соликамского целлюлозно-бумажного комбината. Управление располагалось в Соликамске Молотовской области. Закрыт в 1948.

Соловки (Соловецкий лагерь принудительных работ особого

назначения, СЛОН ОГПУ). – Организован на Соловецких островах в 1923. Основными сферами экономики лагеря являлись лесозаготовки, торфоразработки, строительство. В декабре 1933 СЛОН был расформирован, а его имущество передано Беломоро-Балтийскому ИТЛ. С этого времени на Соловках находилось одно из лагерных отделений Белбалтлага, а в 1937–1939 – Соловецкая тюрьма особого назначения ГУГБ.

Степлаг (Степной лагерь, Степной ИТЛ, Особый лагерь № 4, Особлаг № 4). – Организован в 1948. Располагался на территории Карагандинской области в поселках Джекказган, Кенгир, Рудник. заключенные были заняты в основном на угольных шахтах и в каменных карьерах. Закрыт в 1956.

Тагильлаг (Тагильский ИТЛ, Нижнетагильский ИТЛ). – Организован в 1942. Поставлял рабочую силу главным образом на строительство многочисленных тагильских заводов. Действовал до 1953.

Тайшетлаг (Тайшетский ИТЛ). – Организован в 1943 на базе Южного ИТЛ. Дислоцировался в Тайшете Иркутской области. Производство – деревообработка, лесозаготовка, мебельное и швейное производство. Ликвидирован в связи с организацией Братского ИТЛ в 1946.

Темлаг (Темниковский лагерь). – Организован в 1931. Управление находилось в поселке Явас, Мордовская

АССР. заключенные были заняты на лесозаготовках и производстве товаров ширпотреба. Закрыт в 1948.

Устьвымлаг (Усть-Вымский ИТЛ). – Организован в 1937. Управление находилось в Коми АССР. Основное производство – строительство тракта Сыктывкар–Ухта и железной дороги. Действовал на 01.01.1960. После 01.01.1960 упоминаний о лагере не встречается.

Ухтпечлаг (Ухтинско-Печорский ИТЛ, УПИТЛар) – организован в 1931 г. Управление находилось в пос. Чибью, современный г. Ухта. Производство – добыча нефти и угля, строительство газового завода и дорог, лесозаготовки. Закрыт в 1938. На базе Ухтпечлага организовано четыре ИТЛ.

Черняховская специальная психиатрическая больница. – Открыта в 1965 в г. Черняховске Калининградской области. До 1989 находилась в ведении МВД. Существует в настоящее время как Калининградская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Чистопольская тюрьма. – Построена в 1857 в г. Чистополь, Казанская губерния. В разные периоды использовалась как тюремный замок, следственный изолятор, психиатрическая больница и с 1953 вновь как тюрьма. В 1978–1979 сюда были переведены политзаключенные из Владимирской тюрьмы. С 2006 – СИЗО.

Юго-Восточный ИТЛ. – Организован в 1938. Управление находилось на станции Волочаевка Хабаровского края. Труд заключенных использовался на строительстве железнодорожной линии Волочаевка–Комсомольск-на-Амуре. Лагерь закрыт в 1940.

Южлаг (Южный ИТЛ). – Организован в 1938 на базе Тайшетского ИТЛ и дислоцировался в Бурят-Монгольской АССР. Труд заключенных использовался на строительстве железнодорожных линий участка БАМа Тайшет–Братск. Закрыт в 1943.

Ягринлаг (Ягринский ИТЛ). – Организован в 1938 в Молотовске (совр. Северодвинск), Архангельская область. Заключенные были заняты на строительстве судостроительного завода и города Молотовска. Закрыт в 1953.

Список сокращений

АЛЖИР	Акмолинский лагерь жен изменников родины
ВАСХНИЛ	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина
ВКВС	Военная коллегия Верховного суда
ВМН	высшая мера наказания
ВСЖД	Восточносибирская железная дорога
ВТ	военный трибунал
ГПУ	Государственное политическое управление
ГУГБ	Главное управление государственной безопасности
ГУЛЖДС	Главное управление лагерей железнодорожного строительства
ГУШОСДОР	Главное управление шоссейных дорог
ДОСААФ	Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ДТО	дорожно-транспортный отдел
ЗАГС	отдел записей актов гражданского состояния
КВЧ	культурно-воспитательная часть
ИТК	исправительно-трудовая колония
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
ИФЛИ	Институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского
КГБ	Комитет государственной безопасности
КПЗ	камера предварительного заключения
ЛВО	Ленинградский военный округ
МВД	Министерство внутренних дел
МВО	Московский военный округ
МГБ	Министерство государственной безопасности
МО	Московская область
МТС	машинно-тракторная станция
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	Народный комиссариат государственной безопасности

НКОП	Народный комиссариат оборонной промышленности
НКПС	Народный комиссариат путей сообщения
ОГПУ	Особое государственное политическое управление
ООР	особо опасный рецидивист
ОСО	Особое совещание
СИЗО	следственный изолятор
СЛОН	Соловецкий лагерь особого назначения
СМ	Совет министров
СОЭ	социально опасный элемент
СПБ	специальная психиатрическая больница
СПО	Секретно-политический отдел
УИТЛК	Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УНКВД	Управление Наркомата внутренних дел
УСЛОН	Управление Соловецкого лагеря особого назначения
ЧСИР	член семьи изменника родины
ШИЗО	штрафной изолятор

Архив и музей Общества «Мемориал» собирают свидетельства о судьбах узников ГУЛАГа и их родственников. Мы будем благодарны всем, кто поможет нам в этом, кто передаст в наш музей и архив подлинные вещи и произведения искусства из мест заключения, фотографии и письма. Уходит время, гибнут уникальные документы и свидетельства. Вместе с вами мы должны их сохранить.

Архив и музей Общества «Мемориал»
127006, Москва, Каретный ряд, 5/10
Тел. +7 (495) 650 78 83
e-mail: nirc@memo.ru
www.memo.ru

Право переписки. Связь воли и неволи: о письмах, посылках и свиданиях заключенных советских тюрем и лагерей / Авт.-сост. Е. Жемкова, А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская. Изд. 2-е, дополненное. М.:Издательство Agey Tomesh, 2017. 240 с., ил.

В книге рассказывается о переписке политзаключенных советских лагерей 1920–1980-х годов с родственниками и близкими людьми, о возможности и условиях написания писем, возможности получать известия и поддержку из дома, о том, как на воле, вопреки лагерной цензуре, узнавали правду о жизни заключенных. Хранящиеся в архиве Общества «Мемориал», эти письма являются важными, но малоизвестными документальными свидетельствами политических репрессий, проводимых властями СССР во все годы его существования.

ISBN 978-5-98401-013-9

12+

Адрес редакции
Москва, Малая Дмитровка, 24/2
Тел.: +7 (495) 913 62 95/96
www.ageytomesh.ru

Директор Наталья Корнеева
Дизайн Дамир Залялетдинов
Редактор Лариса Казарьян
Корректор Светлана Поварова
Верстка Лейля Залялетдинова,
Галина Зайцева
Цветоделение Владимир Семенков

Тираж 1000 экз.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.